Серия <Жизнь с избытком>

Изабель Кун
Огненные камни

Книга четвёртая
Перевод Д. Воробьёв
1997
Миссия Вестник Мира 1997

<Ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней>.
Иез. 28,14

Оглавление

Предисловие..
Вступление..
1. Камень отколот.......................................
2. Камни в кармане ....
3. Избранный камень..................................
4. Два камня подходят друг к другу.............
5. Война - своего рода алмазная пыль.......
6. Высшее искусство шлифовщика камней
7. Созданный только из пыли пустыни .....
8. Огненные камни на чужой земле ....
9. Из Божьего кармана в Его венец ....

Предисловие

В этой повести автор-миссионер поднимает ту же тему, что и в своей широко известной книге <Гнёзда над пропастью>, увлекая читателя в отдалённый ма-ленький
мир лису - отсталого горного племени внут-реннего Китая, евангелизацию которого Китайская Внутренняя Миссия сделала предметом своей особой заботы. На фоне потрясающе низкого духовного и культурного уровня этого народа (в сравнении с ос-тальным Китаем) поражает прогресс, которого племя лису добилось в самых различных областях жизни бла-годаря неутомимому труду миссионеров.
Книга <Огненные камни> позволяет заглянуть в таинственный и необычный мир лису и
увидеть, что сделала преобразующая сила Евангелия с этими людьми на примере истории жизни отдельных местных жителей, в частности, одной молодой женщины. Читателям придётся стать свидетелями того, как в результате тихой, терпеливой работы Святого Духа эти грубые камни - дети природы - превращались в <огненные камни> - в людей, которые своей жизнью и свидетельством отражают жизнь Великого Мастера.
Автору удалось с такой теплотой и любовью описать свою жизнь среди этого маленького народа, что читатель невольно проникается чувством дружбы и участия к
нему. Поэтому книга служит источником благословений не только тем, кто поддерживает миссионерскую работу в Китае, но и всем, чьему сердцу близок труд миссионеров среди язычников.
Цюрих, август 1953 г. Ф.Блум

Вступление

Огненные камни. Впервые мне пришлось увидеть их при весьма неожиданных

обстоятельствах.

Это случилось много лет назад, в дни моей моло-дости, когда я путешествовала с театральной группой нашего университета. В тот вечер мы выступали в яхт-клубе, расположенном на берегу прекрасного озера. Сразу же после нашего выступления устроили танцы.

Когда оркестр сделал небольшой перерыв, мой партнёр, которого я хорошо и не знала, предложил:

- Пойдёмте со мной на веранду, я вам что-то покажу! Я прошла с ним в неосвещённый угол веранды. Сквозь дверь бального зала слегка струился электри-ческий свет, а на поверхности озера отражалась луна. Молодой человек взглянул на моё заинтригованное лицо, затем сунул руку в карман, достал что-то и под-нёс к свету.

- Приходилось ли вам когда-нибудь видеть такое? - спросил он. На его ладони лежало десять маленьких светлых камешков. Когда я внимательней присмотре-лась, то, к своему восторгу, обнаружила, что каждый камешек светился огнём, излучая свет рубина, смараг-да, золота и аметиста одновременно. Это было неопи-суемое зрелище. Казалось, будто крошечные радуги поселились в прозрачных сосудах и излучают оттуда своё огненное сияние. Они буквально очаровали меня.

- Как прекрасно! Что это? - воскликнула я.

- Мексиканские опалы,- медленно проговорил мой партнёр,- я люблю их и потому всегда ношу с собой. Мне доставляет удовольствие сунуть руку в карман и погладить их, если нет времени вынуть и полюбоваться. Я ношу их с собой, куда бы ни пошёл!

Вот и всё. Но эти прекрасные камни навсегда ос-тались в моей памяти. Вскоре после этого вечера я ус-лышала призыв Иисуса и посвятила Ему свою жизнь. Спустя некоторое время Он привёл меня на край зем-ли, и там совершенно неожиданно, как и в первый раз, я нашла живое отражение тех маленьких камней из моей юности. Только теперь карманом являлось уще-лье, скрытое в предгорьях Тибета, а драгоценными камнями оказались простые, невзрачные, нецивилизо-ванные люди, похожие на скалы, но, если заглянуть в глубину их сердец, там искрился огонь большой люб-ви. Огненные камни. Наблюдая за тем, как они пре-одолевали трудные жизненные обстоятельства, я об-наружила, что между ними и теми светящимися кам-нями из юности существует связь, и в мыслях перенеслась на четверть века назад, в другую половину зем-ного шара. Здесь они снова были предо мной. Д-р Кэм-пбелл Морган в своих комментариях даёт интересную характеристику этому явлению:

<Ты был помазанным херувимом, чтоб осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней> (Иез. 28,14).

<Какое странное сочетание! - замечает он.- Ог-ненные камни... Камень принято считать воплощени-ем принципов: твёрдость и холод; огонь же символи-зирует сущность страсти: тепло и энергия. Соедините их вместе и вы получите принципы, исполненные стра-сти, и страсть, сдерживаемую принципами. Это и есть описание человека - огнистого камня>.

На краю земли, где горы громоздятся одна на дру-гую, река Салуин проложила себе путь через гранитные массы, образовав глубокое ущелье. Подобно тому как маленькие прожилки на листке соединяются с главной, сотни притоков, устремляясь к реке Салуин, образовали глубокие долины на западном и восточном берегах <Зелёной реки>, как её называют китайцы. Это ущелье с прилегающими к нему долинами разделило горную цепь на сотни склонов, поросших колючками. Никто не зна-ет, сколько веков дикое племя лису обрабатывало эти крутые горные склоны, превращая их в поля и таким образом обеспечивая себе скудное пропитание.

Китайцы пренебрежительно отзываются о людях племени лису, как о дикарях. Они не хотят иметь с ними ничего общего, кроме взимания налогов. С этой це-лью в городе Луханге поставлен правительственный чиновник. За исключением этого, в ущелье

царит фео-дальная система. Землевладельцы, которые в нашей книге названы <смотрителями>, по сути, господству-ют над народом лису. Как они пользовались своей вла-стью, вы узнаете из нашей истории.

На востоке параллельно простирается ущелье большой реки Меконг, вдоль которого проложили себе путь торговцы солью, стремясь достичь соляных руд-ников. Цивилизация, как понимаем её мы,- магази-ны, телеграф, больницы - находится на расстоянии нескольких дней пути. Город Паушан, представляю-щий собой базу обеспечения для миссионеров, распо-ложен примерно на расстоянии недельного пути от места событий нашего рассказа. О начале евангелиза-ции племени лису рассказывает книга <За горной це-пью>, а книга <Гнёзда над пропастью> повествует о распространении благой вести в верхних областях реки Салуин.

А теперь мне хочется указать читателям на Бога - Великого Мастера, Который берёт глыбу камня и превращает её в драгоценное сокровище - из <дика-ря> в <огненный камень>.

Автор

Глава 1
Камень отколот

Маленький человечек, запыхавшись, карабкался по грязной горной тропе. Это была девочка. Из-за постоянного недоедания люди развиваются здесь медленно, поэтому на вид девочке можно было дать лет десять -двенадцать, хотя ей уже исполнилось пятнад-цать. Был тёплый день, на спине девочка несла боль-шую вязанку дров. На короткое время она останови-лась и поставила свою ношу на выступ скалы, чтобы немного отдохнуть. Затем вытерла концом своего тем-но-синего тюрбана пот с лица, и тут её взгляд упал на другого путника, который поднимался вслед за ней по тропинке. Лёгкой походкой к ней приближался юно-ша высокого роста.

- Рождённый-на-улице,- тихо произнесла девоч-ка его имя.- Он хочет на этот раз провести выходные дни не в библейской школе, а дома.

Посмотрев на его аккуратно подстриженные вью-щиеся чёрные волосы, она подумала: <Я ещё раз взгля-ну на него, когда он будет проходить мимо меня>. Рож-денный-наулице был всеобщим любимцем деревни. Однако, когда молодой ученик библейской школы поравнялся с маленькой носилыщицей дров, он оста-новился и заговорил с ней:

- Третья Сестра, ты никогда не думала о том, чтобы веровать в Иисуса?

Девочка, смутившись от прямого вопроса моло-дого человека, покраснела. Она опустила глаза и роб-ко возразила:

- Мой отец не разрешает мне!

- Но в этом вопросе ты не должна слушать своего отца! Ведь у нас говорят: <Человек, который ест, будет сыт!> У тебя есть душа, и Иисус, Сын Божий, умер, чтобы спасти твою душу от ада. Если ты уверу-ешь и примешь Его как своего Спасителя, Бог пода-рит тебе вечную жизнь и твой отец никогда не сможет отнять её у тебя. Но Бог никому свой дар не навязыва-ет. Ты сама должна решить, только ты. Если ты'ре-шишь принять Христа, Бог возьмёт проблему с твоим отцом на Себя. Подумай об этом!

Поняв, что он испугал её и что она слишком робка, чтобы ответить ему или хотя бы посмотреть в глаза, он пошёл дальше. Его пёстрая сумка с книгами болталась в такт движениям стройной фигуры. Это был первый удар молотка, призванный отколоть камешек от горы языче-ства и поместить его в новом доме. Молодые люди не подозревали в тот день, что готовит им будущее.

Таща свой тяжёлый груз по длинной извилистой тропе, ведущей вверх, к Оливковой деревне, Третья Се-стра переживала нелёгкую внутреннюю борьбу. Ей очень хотелось

послушаться совета молодого проповед-ника, ведь если существовал на земле человек, которым она восхищалась, то это был Рождённый-на-улице. Вся деревня считала его чистым, искренним молодым человеком. Девочка знала о тех трудностях, которые он пережил со времени своего обращения шесть лет назад. В то время ей самой было лишь восемь лет, но она очень хорошо помнила, какое волнение охватило жителей Оливковой деревни, когда к ним пришёл первый еван-гелист из племени лису, Исайя, и заявил, что поклонять-ся бесам - неправильно. Семья Рождённого-на-улице первая разрушила свой жертвенник.

Рождённый-на-улице - это не настоящее имя. Та-кое прозвище дали ему жители деревни в память о его появлении на свет. Когда последний изгиб тропинки остался позади, Третья Сестра смогла взглянуть на вы-сокую скалу, под которой он родился. Хотя его мать в тот вечер и спешила с рисовых полей домой, ребёнок появился на свет на тропе, под большой крутой скалой. Позже родители дали ему имя Ю-фах-гвей, но соседи и все жители деревни отказались называть его так. Он остался Лузенг (что в переводе с китайского означает <Рождённый-на-улице>), его отца стали звать Лузенг-па, а мать - Лузенгма; эти имена так и остались за ними.

<Да, как хорошо было бы стать христианкой!> - подумала Третья Сестра. Перед ней раскинулась дерев-ня с маленькой, окрашенной в белый цвет часовней. <Но отец никогда не разрешит мне пойти туда! Никогда! Вторая Сестра является тайной христианкой, и сколь-ко же ей пришлось вынести! Но если я тоже стану хрис-тианкой, нам вместе будет легче выстоять... Однако что значат женщины в этой стране - мы только движимое имущество в руках мужчин!> Такие мысли проносились в голове этой маленькой пятнадцатилетней девочки, пока она наконец достигла своего дома.

Прошло немало месяцев. У Третьей Сестры было много работы, поскольку она уже начала учиться прясть лён, чтобы потом на примитивном ткацком станке получать из него ткань. Это была зимняя рабо-та женщин, кроме их обычных обязанностей: собирать дрова, молоть кукурузу, носить воду.

Лузенг вместе с мапой и мамой, белыми миссио-нерами, перебрался в деревню Три Рода, где Господь действовал могущественно (см. <Гнёзда над пропас-тью>).

Примечание:
Мапа и мама (отец и мать) - так называли люди лису белых миссионеров, живших в их деревнях.

Оливковая деревня расположена на главном пути, южнее Китая, так что торговцылису, спускаясь с севера, приносили с собой письма Лузенга, адресо-ванные христианской общине Оливковой деревни. Вторая Сестра посещала церковь и после богослужений при удобном случае старалась рассказать Третьей Сестре всё, что слышала в часовне.

Однажды в деревне распространилась весть, что Лу-зенг вместе с мапой и мамой возвратился домой и кто хочет услышать проповедь мала, должен в воскресенье пос-ле обеда прийти в часовню. Был прекрасный тихий сол-нечный день. Среди зелени горных склонов розовели цве-тами персиковые деревья. Маленькая Третья Сестра си-дела за своим ткацким станком, когда до её ушей донеслись с горы звуки радостного пения. Это была новая пёс-ня. Она ясно слышала: <Я вижу кровь и мимо прохожу...> Что означают эти слова? Не зовёт ли её эта песня? Годы спустя, свидетельствуя о своём обращении, она рассказы-вала: <В воскресный день я услышала чудесное пение в часовне и почувствовала, что не могу поступить иначе, как только скорее поспешить туда. Вдруг мужество оста-вило меня, и я возвратилась к своему ткацкому станку. Однако в этот вечер я всё же пробралась в часовню. По-мню, как Тихик и я в этот вечер отдались Христу>.

Маленькая заметка в дневнике мамы касается это-го вечера: <Лузенг говорил

сегодня необычайно хоро-шо, хотя он не знал, что ему сегодня придётся говорить>.

Итак, снова Лузенг! Божья рука использовала его в качестве молотка, который отколол маленький камешек от земных привязанностей. Третья Сестра ещё не пере-жила рождения свыше. В своём свидетельстве она упо-минает: <Я стала христианкой, но очень небрежной>. Язычники в пылу гнева употребляют очень грубые сло-ва, и каждый ребёнок, вырастая в таком окружении, с детства знает их. Это был тот язык, которым пользова-лась Третья Сестра, и, как она сама свидетельствует, ей было очень трудно бодрствовать в этом вопросе. Но те-перь она нашла идеал, который наполнял всё её сердце.

Красивое лицо Лузенга, на котором во время про-поведи всегда лежал отпечаток небесного света, настолько влияло на неё, что помогло уберечься от грязи, в ко-торую обычно погружаются язычницы её возраста. Во время весенних и летних месяцев, когда вместе с други-ми молодыми людьми ей приходилось работать на по-лях, Третья Сестра была <хранима>. Если случалось, что кто-то из молодых людей нескромно хватал её за руку, что-то поднималось в ней и давало силу противостоять. Совершенно несознательно этот маленький <огненный камень> учился сдерживать страсть принципами.

Последние дни августа принесли волнующие но-вости. Учитель Томас, его жена Хомай с их мальчи-ком Иоанном решили переехать в Оливковую дерев-ню, чтобы заботиться о церкви. Какая радостная весть для верующих! Уже семь лет среди жителей де-ревни были христиане, но без пастора. Томас со сво-ей маленькой семьёй собирался жить в пристройке дома Лузенга, которая, в связи с этим, требовала ос-новательной реставрации. Необходимо было утрам-бовать неровную глиняную почву, чтобы получился твёрдый пол, а для этого требовалось много помощ-ников. Прибытие маленькой семьи ожидалось вто-рого сентября, и нужно было к этому времени под-готовить жилище.

Понадобилось много воды, прежде чем почва ста-ла плоской. Затем нужно было ещё несколько дней, что-бы дать полу основательно просохнуть. Девочки носи-ли воду. Здесь знали Хомай, она длительное время го-товила пищу американским миссионерам и своей чис-топлотностью теперь больше походила на китаянку. Она, конечно, обрадовалась бы глиняной печке, кото-рую использовали китайцы вместо трёхногого котла, который в племени лису употребляли для приготовле-ния пищи, разжигая огонь прямо под ним. Лузенгпа вызвался смастерить такую печку своими ловкими ру-ками, если кто-то из молодых людей накопает глины, а другие принесут её на место. Определили день, и в точ-но назначенное время помощники были на месте. Рас-пределив работу, все радостно принялись за дело. Было много шуток и смеха, причём Ионафан, Тихик и осо-бенно старый Лузенгпа проявили себя как незаурядные шутники, и маленькое жилище вскоре было готово. С ровным полом, который был твёрд, как цемент, оно выг-лядело чистым и ухоженным. Но особо ценным было то, что работа была сделана добровольно и охотно.

За два-три дня до прибытия гостей несколько доб-ровольцев должны были отправиться в Дубовую равни-ну, чтобы помочь нести багаж. Одновременно им предо-ставлялась возможность принять участие в празднике - выпуске учеников библейской школы. Они бы всё увидели и услышали, тем более, что в этом году прощальное слово должен был говорить Лузенг! Третьей Сестре очень хотелось побывать там, но мысль о том, что придётся на длительное время расстаться с домом, приводила её в ужас. Нет, она останется дома и поможет в установле-нии триумфальной арки. Она знала одно местечко, где среди старых сухих деревьев цвели дикие орхидеи. Они будут великолепно смотреться в зелени арки!

Весь день её сердце начинало бешено колотиться, когда она представляла себе долгожданную встречу. Быть христианкой - это значило так много новых интересов в жизни! Язычники утверждают, что жизнь без алкоголя, курения и других развлечений очень скучна, но они просто не представляют христианской жизни. <Благословение Господне - оно обогащает, и печали с собою не приносит>. Третья Сестра видела, сколько переживаний причиняют людям ночные куте-жи, нередко заканчивающиеся поножовщиной.

Совершенно иной была радость участвовать в при-готовлении жилища для собственного проповедника, а также участвовать в собраниях, таких как сегодня вечером! Вернётся Лузенг, вероятно, он во время обучения в библейской школе выучил новые песни. От западного читателя, привыкшего к различным современным развле-чениям, радиопрограммам, газетам и книгам, трудно ожи-дать, что он поймёт восторг простых детей гор, когда им приносят новую песню. Для них это волнующее событие, которое нарушает однообразие скучных будней и даёт им возможность поновому прославить Бога. У них нет книг, нет магазинов, где они могли бы рассматривать новые вещи и восхищаться ими, они не узнают из газет о том, что происходит в мире. У них нет также велосипедов и автомашин, которые могли бы помочь им разнообразить свою жизнь. Она у них однообразна и тяжела. А новая песня подстегивает их усердие (каждый старается выучить наизусть все четыре партии) и даёт возможность делать замечания по поводу фальшивой ноты или слишком гром-ких звуков, что обычно заканчивается громким смехом. Это происходит во всём мире. Соберите вместе молодых людей и займите их какой-нибудь деятельностью, и вы по-чувствуете вокруг себя пульс жизни. Новая песня означа-ет, что есть чем заняться!

После обеда, примерно в четыре часа, послышался глубокий и мягкий звук гонга. Он возвещал о том, что путешественники, поднимаясь по извилистой тропе, при-ближаются к украшенной цветами арке, где уже собра-лись все христиане деревни. Когда Томас со своими спут-никами подошёл к арке, верующие с другой стороны арки выстроились в длинный ряд. Маной задал тон, после чего четырехголосный хор запел приветственный гимн:

Мы приветствуем вас, заходите!
Впустите их!
Христос Господь для нас рождён,
Погибших нас спасает Он.
Ему хвала и честь вовек!
Впустите их!

Когда умолкли звуки песни, гости прошли под аркой и протянули певцам руки. После приветствий маленькую семью проводили к её новому жилищу.

В этот вечер все верующие собрались в часовне. Как они радовались! Прекрасно звучали слова новой песни: <О Иегова, через волны, чрез пустыни нас веди...> Они проникали в глубь сердец и никого не ос-тавляли равнодушными.

Оливковая деревня на сей раз посылала в библей-скую школу четырёх молодых людей, и в этот вечер все четверо должны были сказать своё свидетельство. Это были Томас, Енох, Иона и Лузенг. Все четверо напоминали слушателям о том, что разразилась ми-ровая война и что мама призывает всех в субботний вечерний час молитвы постоянно помнить об этом. Одна из стран, Франция, уже пала, а другая страна, Япония, воюет против Китая. <Какие странные назва-ния! - думала Третья "Сестра, - их не только запом-нить, но и выговорить трудно. Война?..> Жители уще-лья использовали отравленные стрелы, поэтому Тре-тья Сестра подумала: <Возможно, у страны, которая называется Францией, нет достаточно яда для нако-нечников стрел. Видимо, это и явилось причиной её быстрого поражения. Конечно, это плохо, но какой всё-таки сегодня прекрасный вечер!>

Теперь началась настоящая учёба. Болезнь Хомай усилилась, и в связи с этим Томас не мог посещать со-седние деревни, как планировалось ранее. Но это озна-чало, что в его распоряжении было много свободного времени и он мог каждый вечер собирать вокруг себя жителей Оливковой деревни и заниматься с ними. Он хотел разучить с ними хорал <Прославлен будь, Эмма-нуил!> на четыре партии. Третья Сестра напрягала всё внимание, чтобы одновременно следить за словами и нотами. Но когда после многих стараний четыре партии

слились в единую гармонию, все были в восхищении. А как радовались молодые ребята! Некоторые даже заш-ли слишком далеко в выражении своей радости. Третья Сестра была рада тому, что у неё маленький рост и она могла спрятаться за спины других. Сара, Лидия и Рода оказались излюбленными мишенями для подтрунива-ния. Однако они всегда находили, что сказать в ответ, в отличие от Второй и Третьей Сестёр, которые не мог-ли так быстро парировать. Обе теперь принялись изу-чать катехизис, потому что приближался день креще-ния, а Томас требовал от каждого кандидата в члены церкви основательного знания катехизиса. Тогда это считалось необходимым.

Послушаем, как Третья Сестра несколько лет спу-стя рассказывала о себе. Это свидетельство было за-писано во время её речи:

<Моя мать умерла. Отец, будучи язычником, про-тивился моему желанию стать христианкой. Мы с сес-трой тайком изучали катехизис, решив ничего не го-ворить отцу о своих намерениях, пока обе не сдали экзамен и были зачислены в списки кандидатов на кре-щение. Но после крещения в моей жизни что-то про-изошло - целый переворот. Раньше я часто употреб-ляла нехорошие слова, но после крещения почувство-вала, что стала другой. Я люблю слова, записанные в Евр. 11,1, потому что убедилась: вера - это действи-тельно осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. Она творит явные, действительные вещи. В этом году я ещё раз убедилась в этой истине!>

Конечно, слушатели не могли догадаться, что кры-лось за этим. Они узнали об этом спустя годы. Давайте проследим, как это дитя далёкой и дикой горной стра-ны училось познавать, что вера - это действительность.

Глава 2
Камни В тумане

<Каждый ценный камень необходимо вначале отколоть, очистить, придать ему желаемую форму и, наконец, отшлифовать>.

Д-р Канц, шлифовщик камней

Итак, наш маленький камень проявил готовность покинуть своё природное место, и Великий Мастер начал очищать его и придавать ему нужную форму. Весьма интересно полистать страницы справочников, посмотреть фотографии самых известных драгоцен-ных камней, чтобы проследить историю их появления, узнать, какими они были в первоначальном виде. Лишь опытный глаз мастера-ювелира мог увидеть в них не-что ценное. Точно так обстояло дело и с этими неци-вилизованными людьми. Нужно взглянуть на них гла-зами Христа, чтобы увидеть в них громадную ценность и правильно определить места, с которых, нужно на-чинать работу. Следующие страницы этой книги опи-сывают, как Бог удалял в Третьей Сестре невежество, в котором она находилась. Он очищал её от грязи язы-ческих привычек, которые были частью её жизни, а также от различных суеверий. Затем он поставил Свой объект под струю постоянных опасностей, чтобы уда-лить духовную лень. Ему ещё предстояла тонкая отде-лочная работа, но мы терпеливо последуем за Ним, наблюдая за всеми Его подготовительными работами.

Каждый осенний вечер маленькая группа верую-щих Оливковой деревни собиралась в своей часовне. Сначала Хомай также старалась присутствовать на этих общениях. Она обладала удивительной способностью запоминать и исполнять все партии песен. Как и её суп-руг, она хорошо знала Библию и владела письмом. Тре-тья Сестра удивлялась, что Хомай, женщина из племе-ни лису, смогла оказаться на той же ступени образова-ния, что и мужчины в общине. Ей нередко доводилось слышать язвительные замечания язычников своего пле-мени, что женщины по природе глупы и неспособны к учению. Однако Хомай доказала, что это не так, она старалась всё свободное время употреблять для чтения Нового Завета, заучивала наизусть библейские стихи или разучивала партии какой-нибудь новой песни.

Все надеялись, что к Рождеству они уже смогут петь новую песню; однако, прежде чем настал этот долгожданный день, случилось нечто ужасное. Как-то Томас

объяснил им место Писания из 1 Фес. 4,16-17: <...Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдёт с неба... мы восхищены будем на обла-ках в сретение Господу на воздухе...> Даже язычники слышали об этом чудесном ожидании христиан.

Стояла ненастная погода, небо затянуло тучами. Третья Сестра пасла коров на склоне горы, как вдруг с неба раздался сильный гул. Она посмотрела вверх, но ничего особенного не заметила. Однако гул про-должался, постепенно удаляясь в сторону запада. Звук этот не был похож на гром, а скорее на мурлыканье, но ни одна кошка на земле не могла мурлыкать так громко, да и как смогла бы она подняться туда?! Шум продолжался ещё несколько минут, а затем исчез. <Пос-ледняя труба! Неужели? Неужели Господь пришёл... а я осталась?> В ужасе она быстро собрала коров и по-гнала их домой. По пути Третья Сестра увидела Дру-гую христианку, которая собирала дрова - какое об-легчение! Значит, это не было пришествием Христа, раз та тоже была ещё здесь.

- Ты слышала сильный шум с неба? - издалека крикнула она ей.

- Да, что это могло быть?

- Я не знаю. Поспешим домой, там мы спросим кого-нибудь!

И обе перепуганные девочки побежали по длин-ной извилистой тропе в деревню. Повсюду люди го-ворили об этом событии, но никто не мог объяснить, что это было.

В тот же вечер маленькая группа христиан спро-сила об этом Томаса, но и тот не знал, что сказать.

- Я думал, что это Господь пришёл! - просто сказал он.

- И я так думал,- послышалось со всех сторон.

- Ю-схвей тоже так думал,- смеясь, сказал Енох.- Он подбежал ко мне, крепко обхватил меня за шею и закричал: <Если Он возьмёт тебя, то будет вы-нужден взять и меня!> Он так крепко прижался ко мне, что я не мог оторвать его. Но когда шум прекратился, он исчез!

Все засмеялись. Ю-схвей никогда по-настоящему не принадлежал к церкви. Смех продолжался ещё не-которое время, и многие украдкой смотрели на отпад-ших, которые только сегодня покаялись и теперь впер-вые после многих месяцев, сидели в часовне.

На следующий день, примерно в это же время, в небе снова раздался тот же звук. <Это дух тигра!> - объясняли язычники. Но поскольку в этот день небо было безоблачным, все увидели какой-то странный предмет, который двигался по небу. У него были кры-лья, как у птицы, только они, в отличие от птичьих, не двигались вверх и вниз. У него был хвост, как у рыбы, и он рычал, как тигр. Что бы это могло быть? Все жители племени лису побросали работу и, открыв рты, с удивлением глазели на небо.

Учитель Томас наконец догадался:

- Я думаю, это летающий дом, о котором нам рассказывал мала! - сказал он.- В этом доме нахо-дятся люди. Больше я и сам не знаю, хотя мне хоте-лось бы побольше узнать о них.

Так лису впервые увидели самолёты. С этого дня, в продолжение войны с Японией, <летающие дома> стали обычным явлением.

Приближался праздник Рождества. Все готовились провести этот день в Дубовой равнине и при этом побольше услышать о летающих домах. Как они, соб-ственно говоря, поднимаются в небо? Могут ли они снова опуститься на землю? Как они находят дорогу? Ведь в небе нет дорог! Могут ли они летать ночью? Позже их видели в небе и ночью, с зелёными и крас-ными огоньками на крыльях. <Эти белые действитель-но удивительны! Нет ничего, что они не могли бы при-думать и сделать!> - рассуждали люди между собой.

В это Рождество Третья Сестра также решилась отправиться в своё первое большое путешествие. Со Второй Сестрой они сами соткали и сшили себе новые голубые платья, а также новые сумки для книг, укра-шенные вышивками, и матерчатые туфли, покрасив их в белый цвет. Каждый участник праздника должен был взять с собой одеяла и продукты: кукурузу или рис, кусок свиного мяса и немного соли. Лузенг отправил-ся на день раньше. Лузенгма также собиралась пойти на праздник, и

Третья Сестра радовалась этому. Лу-зенгма в этом году особенно много уделяла внимания молодой девушке. Умная мать! У неё были для этого веские основания, хотя она старалась и не показывать их: она нуждалась в невестке, так как невестка бесплат-но делала всю работу - как в поле, так и дома. Двое её старших детей умерли, и Лузенг остался единствен-ным сыном. Поскольку Лузенг с некоторого времени
посвятил себя изучению Библии и проповеди, его ро-дителям пришлось пригласить его двоюродного бра-та пасти коров, собирать дрова и выполнять другую необходимую работу - жизнь в горах трудна и суро-ва. Ни одна красивая девушка не
решалась показаться вблизи их дома: они боялись насмешек подруг, ведь здесь жили
два молодых человека брачного возраста.
Наконец наступил долгожданный день. В путь отправились рано утром. Когда путешественники до-стигли берега реки, они забыли о всех трудностях сво-ей повседневной жизни. Их сердца переполнялись ра-достью. Нужно было ждать, пока с другого берега при-будет паром. В этом краю для переправы служил про-стой плот, причём ноги при переправе до щиколоток погружались в воду. В ожидании парома они
подкре-пились взятым из дому холодным рисом и начали ко-ротать время, перебрасывая через реку камни. Кому удавалось добросить камень до другого берега, тот вызывал всеобщую похвалу.
- Лузенгу это удавалось,- гордо сказала его мать, поощрив тем самым Сосфена и других парней сделать то же самое.
Им не хотелось отстать от него. И несколько раз их камни ударялись о скалы противоположного бере-га. Паромщики с громкими криками бросили якорь в воду и прикрепили паром к берегу канатом. Переправа через Салуин на этом пароме, который Третьей Сестре казался большим кораблём, была рискованным пред-приятием.
Когда плот достиг середины реки, где было стремительное течение, его начало трясти, как испуган-ную птицу, и казалось, что он полностью потерял уп-равление.
Вспомнив, что однажды паром перевернулся и все пассажиры утонули, Третья Сестра опустилась на корточки, остальные девушки последовали её примеру. Сосфен схватил
весло и работал им изо всех сил, пока
плот не достиг восточного берега. На берегу он начал подсмеиваться над девушками, изображая, какие у них были перепуганные лица; досталось и Третьей Сестре, причём всё общество покатывалось со смеху.
Затем маленькая группа начала взбираться по кру-той тропе, которая вела к дороге, лежащей выше на тысячу футов. Правда, существовала и другая, более удобная возможность достигнуть этой высоты - это была тропа, по которой путешествовали на мулах; она бесконечно извивалась, пока наконец достигала доро-ги. Но, поскольку крутая тропа быстрее приводила к желанной цели, никто и не вспоминал о другом пути. Они босиком поднимались вверх, пробираясь сквозь кустарник. Часто на их пути встречались поля кукуру-зы, при этом им приходилось глубоко погружать паль-цы в мягкую почву, чтобы удержаться на склоне. Они напоминали маленьких мух, которые стараются влезть на большущий горшок. Высоко над ними громоздились покрытые снегом вершины гор, из-за которых виднел-ся клочок голубого неба. Вершина высотой в тысячу футов выглядит здесь, как маленький холм.
Наконец они достигли дороги и, усталые, попада-ли на землю, чтобы немного отдохнуть. Отсюда откры-вался чудесный вид вниз, на ущелье. Можно было раз-глядеть деревню Сандаловое Дерево, которая прилепи-лась к более высокому склону, чем деревни на противо-положном берегу реки, откуда они пришли. Оглянув-шись, они увидели деревню Золотой Бамбук, которая расположилась справа, как бы обрамляя гору футов на пятьсот выше их. Сосфен пристально вглядывался в уходящую вперёд тропу, которая вела от деревни, стре-мясь догадаться, в пути ли уже христиане, вышедшие оттуда. Группа христиан из этой деревни тоже должна была
прийти на праздник. Но он никого не разглядел. Повернувшись к своим спутникам, он воскликнул:

- Вставайте! Солнце уже поднялось высоко, не хотите же вы быть в числе последних?!
В радостном настроении, с песнями и шутками, все поднялись и пошли дальше, по направлению к Дубо-вой равнине.
Когда они достигли последнего подъёма, то на одной из скал увидели наблюдателя, и вскоре над го-рами раздался звук ружейного выстрела. Третья Сест-ра вздрогнула. Она слышала, что у белых людей есть ружья, но так близко ещё не видела их. На этот раз ей не хотелось, чтобы Сосфен заметил её страх. Тут по-казался Лузенг, спускающийся к ним по тропе, кото-рый с радостью приветствовал всех, каждому протя-гивая руку, с каждым здороваясь.
- Я позаботился, чтобы девушки могли спать в доме мама,- сказал он.- Идите все за мной к приветственной арке, и там я покажу, где вы сможете сло-жить свои вещи. Мужчины будут спать в доме для об-служивающего персонала.
Вскоре они достигли арки, где их всех сердечно приветствовали, каждого в отдельности. Когда очередь дошла до Третьей Сестры, она заметила новую личность.
Это, должно быть, был новый белый мапа! Ах да, она вспомнила, Лузенг говорил, что в эту местность прибыл новый миссионер. Они должны звать его Пятый брат. Какой же он большой! Почти такой, как мала! Конечно, он ещё не разговаривает на языке лису. О, здесь присут-ствует Также Чарлз Петерсон, Третий брат, всегда дру-желюбный, особенно с детьми и женщинами.
Итак, они в маленькой деревне Дубовая Равнина. О, как много здесь людей из племени лису, наверно, сотни людей. Они бегают туда и сюда, разговаривают друг с
другом, удивляются или играют...
Третья Сестра вдруг почувствовала себя одино-кой. Но в этот момент около неё появилась высокая,
стройная фигура, и она услышала спокойный голос Лузенга:
- Все, кто из Оливковой деревни, идёмте со мной! Девушка присоединилась к своим односельчанам, и весь её страх прошёл. Вскоре они были на месте, и здесь в стороне от людской толпы она почувствовала себя, как дома.
- В рождественские дни каждый будет спать на полу,- сказал Лузенг.- Он чистый, мама моет его каждые два дня!
Она моет свой пол? Девочки переглянулись. Ка-кие всё-таки эти белые люди удивительные! Полы у людей племени лису были старыми-престарыми, но никому и в голову не приходило мыть их. А что это за звук, такой приятный? Не иначе, это и есть звуковой ящик! И они побежали взглянуть на диковинку. Гости делали одно открытие за другим.
Однако вскоре одно происшествие едва не нару-шило общую радость. На третий вечер
девушки Олив-ковой деревни находились вместе в комнате, чтобы ещё раз спеть свой
хорал, как вдруг в дверях появился Лу-зенг, возбуждённый и явно озабоченный чемто.
- Девушки,- торопливо прошептал он,- быст-ро отправляйтесь в дом мамы и ложитесь
спать, а зав-тра на пути домой вы должны держаться близко друг к другу. Сегодня во время богослужения на открытом воздухе за нами с горы следила банда языческих
пар-ней. Один из них заприметил Вторую Сестру и хочет похитить её. Он предложил каждому из своих друзей по пятьдесят долларов, если они помогут ему завтра выкрасть девушку, когда мы будем возвращаться. Он говорит, что любой ценой хочет
жениться на ней.
В красивых тёмных глазах Второй Сестры мельк-нул страх, хотя, кажется, одновременно и гордость. Быть признанной самой красивой из более чем восьмисот девушек племени лису - это заставило бы по-краснеть от удовольствия любую девушку. Но насиль-ственное похищение и замужество - сохрани её Бог от этого! При одной мысли она побледнела и спрята-лась за высокой Сарой, так как юноши их деревни уже стали возмущаться наглостью чужаков. <Как, они хо-тят похитить одну из наших девушек и притом в на-шем присутствии? Пусть попробуют!> Парни сразу же

стали тихо совещаться, кто завтра будет в качестве охраны идти впереди, а кто сзади. Наконец Второй Сестре это надоело.
- Пойдёмте спать! - прошептала она. Как стадо испуганных овечек, девушки, сбившись в кучу, отправились в дом мама и заперли за собой двери.
Пока они спят и во сне видят события последних дней, скажем несколько слов о семье этих двух девушек. Не стоит удивляться их красоте: мать Второй и Третьей сестёр также была известной красавицей. Родители вы-дали её замуж за человека, который имел несчастье быть заикой, к тому же он был слабохарактерным. Он не об-ладал ни одним качеством, которое расположило бы к нему сердце жены. И поскольку она не могла развес-тись с ним, то избрала единственный выход, к которо-му прибегают язычницы в подобных случаях. Позже в деревне шептались, что отцом её четверых детей был вовсе не муж. Первая Сестра, благодаря привлекатель-ности, очень рано пробудила интерес к себе со стороны местного правителя, который сделал её своей побочной женой. В награду за это он освободил
отца девушки от всех налогов и притом навсегда. Тот факт, что отец со-гласился на эту сделку, говорит о его характере. Одна-ко год спустя Первая Сестра умерла,
а ещё через год, в 1942 году, умер и этот правитель. Его сын, с которым мы ещё не раз встретимся на последующих страницах,
наследовал землю и должность своего отца. Он твёрдо выполнял распоряжения отца, освободив семью Ю от уплаты налогов. Вот из такой среды Великий Мастер решил взять и приготовить для Своей короны драго-ценные камни.
новая опасность.
В горной местности, окружающей реку Салуин, есть серные источники. Люди племени лису знали, что купание в такой воде полезно для здоровья, поэтому они с незапамятных времён на Новый год, всеобщий праздник, спускаются из своих деревень к берегу реки, чтобы купаться в горячих источниках и развлекаться. При этом льётся рекой вино, воздух наполнен грубой руганью и смехом, мужчины пристают к незнакомым девушкам. Понятно, что для христиан это совсем не-подходящее место. Однако для язычников лису, кото-рые не знают ни театров, ни
других'увеселительных заведений, удовольствия у горячих источников обла-дают большой притягательной силой.
Лузенг услышал, что в этом году Вторая Сестра и другие не утверждённые в вере молодые люди намере-ны принять участие в празднике. Он сразу же собрал старших братьев и стал советоваться с ними, что мож-но предложить молодым христианам, чтобы противо-стать искушению сатаны. Может быть, объявить биб-лейскую неделю, во время которой разучить несколько новых песен?.. Не сможет ли прийти мама, чтобы поза-ниматься с молодёжью? К их большому сожалению, она была занята, мапа и Второй брат также запланировали что-то в другом месте. Но новый миссионер, Пятый брат, охотно согласился прибыть в Оливковую дерев-ню. На этом и порешили. Двое молодых мужчин сразу же отправились в Дубовую равнину, чтобы принести постельные принадлежности Пятого брата. Возвели триумфальную арку, и в назначенный день деревня встречала пением высокого молодого канадца.
Новый белый миссионер всегда вызывает интерес, а этот и подавно. Он принёс с собой гавайскую гитару и новую песню, которую мама сочинила специально к этому случаю и которая называлась <О друг, иди в часовню на горе>. Пятый брат у себя на родине много пел, выступая в квартете, и его тенор был бесконечно сладким звуком для ушей местных жителей, которые никогда не слышали ничего подобного. Когда он ра-зучивал с ними партии (новые миссионеры начинают читать на языке лису задолго до того, как начнут по-нимать смысл слов), а затем стал аккомпанировать им на гитаре, они с восхищением слушали новую песню. Чудесный звук гитары и голос миссионера, который своим <Иди, иди...> выделялся среди других голосов, заставили Вторую Сестру, а вместе с нею и всех ос-тальных забыть
о горячих источниках, и они регуляр-но посещали собрания.
В конце недели трудно было сказать, кто больше радовался совместно проведённым дням -Пятый брат или молодые люди Оливковой деревни! Все получили большое благословение. Мама с нетерпением ожидала сообщений о том, как обстоят дела на западном берегу.
- Мы чудесно провели время! - восторженно рассказывал молодой миссионер.- Какие

замечатель-ные люди, они любят изучать Библию! А как они об-радовались новой песне, они уже поют её на четыре голоса! Возвращаясь домой, я слышал, как её пели на кукурузном поле. А как они молятся! Та девушка...
- Но девушки там совершенно не молятся,- пре-рвала его мама.- Это всегда было для нас проблемой. При мысли, что им нужно открыто молиться, они раз-ражаются смехом.
- Но теперь всё изменилось. Лузенг и Иона про-водят в часовне строгое воспитание, и я никогда не слышал хихиканья во время молитвы. Немало моло-дежи молится вслух. Сообщение, что японцы бомби-ли город Паушан и теперь фронт приблизился к ним, сделало их серьёзнее. Так что девушки сегодня молят-ся, можешь мне поверить!
Так была устранена ещё одна проблема, и малень-кие камешки в кармане Великого Мастера снова по-чувствовали, как Его рука нежно прикоснулась к ним.
Это случилось в мае. В жаркое послеобеденное время, когда небо было безоблачным и солнце стояло высоко, вдруг раздался сильный грохот; земля затряс-лась так, что посуда в домах задребезжала. До самого вечера люди ощущали всё новые и новые
толчки и ви-дели клубы дыма на севере и на юге. Когда вечером маленькая группа верующих собралась в часовне, мож-но было услышать много всяких разговоров. Один
из мужчин только что пришёл из деревни Сандаловое Дерево и чуть было не попал под оползень.
- Я как раз возвращался домой,- рассказывал он,- и увидел человека, который работал на своём поле, примерно 500 футов выше меня. Когда земля задрожала, от горы оторвался большой кусок скалы. Я закричал, стараясь предупредить его, но было поздно. Я только видел, как он высоко поднял руки, будто взывая о помо-щи, а затем каменная масса накрыла несчастного. Отко-пать его невозможно: там целый горный хребет.
Выше, в скалах Сандалового Дерева, виднелась большая трещина, и оттуда всё ещё доносился сильный шум и поднимались густые клубы дыма. Что может внутри горы так
сильно дымить? Кто-нибудь знает это?
Конечно, никто не мог дать удовлетворительный ответ. Язычники считают, что землетрясения возникают
из-за того, что дракон, который скрывается внут-ри горы, переворачивается с
боку на бок. Но... где же Лузенг? Он тоже ушёл куда-то проповедовать... Ему уже давно пора вернуться!
Когда наконец живой и невредимый Лузенг по-явился в часовне, к небу вознеслись хвалебные песни. Ему тоже было что рассказать. На севере погибло со-рок человек,
среди которых не было ни одного хрис-тианина. В последующие дни только и говорили о зем-летрясении. Язычники твердили: <Бог карает нас за наши грехи!> Это была чудесная возможность возве-щать им истину!
Вскоре другое событие всколыхнуло лису-христиан. Минувшей зимой поступило приказание, чтобы все жители ущелья начали сажать опиум. Это приказание не касалось Третьей Сестры, поскольку её поля находились в низине, где опиум не растёт - правитель знал об этом и вычеркнул её семью из списка. Но как быть остальным верующим? Ведь культивирование опиума, продажа и даже всякое соприкосновение с ним противоречило хри-стианским правилам. Весной ни один христианин не взял семян опиума; как обычно, они посадили на своих полях зерновые и картофель. И вот в Луханг, районный город, прибыл сборщик налога на опиум. Правитель решил потребовать этот налог и с христиан, хотя они и не сажа-ли опиума. Мапа уехал, поэтому Третий брат через Лу-зенга пригласил старших
братьев собраться для обсуж-дения этого вопроса. Как маленькая группа верующих в
Оливковой деревне молилась в те вечера об этой про-блеме! Как они хотели, чтобы к ним пришли братья Во-анергес и Ионафан! Занятия в библейской школе уже начались. В этом году от их деревни там занимались пять молодых братьев - Лузенг, Маной, Гедеон, Енох и Иасон. Томас, который также охотно принял бы участие

в занятиях, вынужден был оставаться дома в связи с тяжёлой болезнью своей
жены Хомай.
А тем временем положение ухудшилось: чиновник грозился угнать весь скот
христиан, если они не упла-тят налог. В понедельник вечером возвратились
стар-шие братья, Воанергес и Ионафан, и сообщили, что пресвитеры всех общин
Салуинской области собрались и вынесли три решения. Первое: в случае
необходимо-сти налог уплатить, но ни в коем случае не сажать опи-ум. Второе:
просить маму написать от имени церкви лису письмо президенту Китая, который был
христиа-нином. Если это он издал указ об уплате налога на опиум, нужно платить;
хотя пресвитеры предполага-ли, что он вообще ничего не знал об этом. Третье:
при-звать церковь лису провести один день, восьмого июня, в посте и молитве.
Совещание в Дубовой равнине про-шло в духе единства и радости. Большим
ободрением служило то, что в этом году библейская школа насчи-тывала уже сорок
учеников - самое большое количе-ство со времени её основания. Прибыло два
ученика даже из Гоо-моо, расположенной в далёкой Бирме!
В тот вечер говорили о многом, было очень интересно. Все были уверены, что
президент Китая положит конец этому виду гонений. Следующее воскресенье,
восьмое
июня, день поста и молитвы. Но как проводить целый день в посте и молитве? Об
этом долго спорили. Было очень поздно, когда наконец все разошлись.
Прежде чем наступило воскресенье, новое собы-тие захватило сердца верующих. В
пятницу маленькая лису-мама отошла в вечность. Проснувшись, Третья Сестра сразу
же услышала звуки похоронной песни:
<Когда Господь придёт опять, мы встретимся с то-бой...> Прибежав к хижине
Томаса, она застала там уже много плачущих христиан. Лузенгпа принёс свой
собственный гроб, и теперь старшие братья советовались,
где похоронить Хомай. В том краю нет похорон-ных бюро, но смерть, чей бы
дом она ни посетила, при-водит в движение всю деревню. Поэтому состоятель-ные
люди заблаговременно готовят себе гроб, а неко-торые даже роют могилу.
(Пресвитер соседней общи-ны находит большое удовольствие, когда воскресным
утром
по пути в церковь показывает другим свою мо-гилу, на белой стене которой он
чёрной краской напи-сал библейский текст.) Так что Лузенгпа проявил боль-шое
великодушие, предложив для Хомай свой соб-ственный гроб, над которым он
трудился
не один день.
Третья Сестра пробралась в хижину. Томас с крас-ными от слёз глазами стоял
посреди друзей, малень-кий Иоанн, привязанный, сидел у него на спине. Ког-да
Третья Сестра увидела Хомай, которая тихо лёжа-ла в гробу, у неё из глаз
покатились слёзы. Хомай так похудела за время болезни, что напоминала
две-надцатилетнюю девочку, на её лице лежал отпечаток глубокого мира. Лузенгма
громко плакала:
- Такая молодая, всего лишь тридцать лет,- при-читала она.- Она жила слишком
мало, слишком мало!
Предстояло ещё много работы. Нужно было вы-копать могилу и отколоть от скалы
гранитную плиту, которая будет служить в качестве крышки гроба. Кто-то должен
был зарезать свинью, чтобы все помощники могли подкрепиться. В таких событиях
принимают участие все, и единственным вознаграждением является бесплатный
обед.
В обязанности девушек входи-ло молоть и готовить рис или кукурузу, носить воду.
Третья Сестра поспешила домой и уговорила отца от-пустить её помогать на
похоронах.
К вечеру всё было окончено. Теперь Томас мог отправиться в библейскую школу.
Лузенгма предло-жила оставить у неё маленького Иоанна, но Томас покачал
головой:
- Я благодарен тебе за предложение, но не те-перь. Я не вынесу сейчас разлуки с
мальчиком!
На следующее утро молодой отец с сынишкой на спине отправился в Дубовую
равнину.
Члены малень-кого осиротевшего стада в Оливковой деревне печаль-но
переговаривались:
- Неужели у нас теперь никогда не будет учителя, который бы каждый вечер

собирался с нами в часовне?

- Будем собираться! Я каждый вечер буду при-ходить в часовню,- сказала Третья Сестра, она чув-ствовала, что Лузенгу это понравится.

-- Я тоже буду приходить!

- Я тоже! - один за другим говорили присут-ствующие.

Всегда находился какой-то повод для радости. В предстоящее воскресенье - первое воскресенье меся-ца, когда должна была совершаться Вечеря Господня,- ждали некоторых учеников воскресной школы. Они будут проповедовать Слово Божье, и вполне возмож-но, что на этот раз придёт и Лузенг! Так и случилось. Как хорошо проходило собрание, когда им руководил Лузенг! Он радовался, что они не отменили ежеднев-ных собраний из-за отсутствия учителя. Лузенг соста-вил для них учебный план, согласно которому они дол-жны были продолжать вместе учиться читать, писать и разучивать песни. Как ликовало сердце Третьей Сест-ры! Она пообещала себе, что никогда не будет пропус-кать этих собраний, разве что в случае болезни. И она осталась верной своему слову до конца жизни! Хотя Лузенг уже в понедельник вынужден был покинуть де-ревню, его короткое посещение подействовало на всех, как струя прохладного воздуха в жаркий день.

Незаметно окончилось лето. Снова и снова людям приходила на память неприятная история с опиумом. Она ещё далеко не закончилась. Ходили слухи, что двадцать седьмого июля сто сорок солдат вошли в Луханг. Неко-торые утверждали, что они пришли воевать с японцами, другие - что они будут заставлять христиан сажать опи-ум. Десятого августа служители ещё раз собрались на совещание. Казалось, что напрасно надеяться на ответ президента. Китайский чиновник был очень сердит; он потребовал, чтобы Гай из района Сандаловое Дерево уплатил 50 долларов, объявив его ответственным за за-держку уплаты налога. Все христиане отказались платить что-либо до получения ответа от президента. <Если он скажет, что мы должны платить этот налог, мы запла-тим!> - просто сказали они. Им и в голову не приходи-ло, как они разгневали чиновника, осмелившись обра-титься к самому президенту. Двадцать шестого августа по всему ущелью распространилась весть, что мама по-лучила ответ из конторы чиновника. Лузенг сразу же сделал перевод и копию послал в каждую деревню. Там было сказано, что президент уже давно интересуется этим племенем и очень рад, что среди них трудятся миссионе-ры. Что же касается распоряжения в отношении опиума, то это была ошибка, и он сейчас же направит соответ-ствующее разъяснение провинциальным правителям.

Община ликовала. Впервые за всю историю на-шелся кто-то, кто вступился за их права,- более высокий, чем местный правитель или китайский бурго-мистр. Но в то же время все понимали, что чиновник стал ещё более опасным. Он уже наложил свою руку на Акиллу, пресвитера общины Сандалового Дерева, приказав избить его и бросить в тюрьму, и теперь уг-рожал, что уничтожит деревню Сливовую вместе ctf всеми её жителями. В его распоряжении было 140 воо-руженных солдат. Он даже сказал, что намерен выг-нать мама из ущелья. О, хотя бы вернулся мапа!

И он пришёл, а восьмого сентября вместе с не-сколькими пресвитерами отправился в путь, чтобы поговорить с местным правителем и китайским бур-гомистром. Правитель вёл себя дружелюбно, но его дружелюбие было напускным.

- Я сожалею, господин Кун,- сказал он,- но у меня есть приказ комиссара торговли опиумом соби-рать этот налог в моём округе, а здесь единственные люди, у которых есть деньги,- это христиане. Языч-ники являются наркоманами, от них этой суммы ни-когда не получить. Хорошо, идите в Луханг и погово-рите с бургомистром! Если он освободит христиан от налога, я, разумеется, охотно соглашусь с этим!

В Луханге чиновник был очень вежлив, дал не-сколько туманных обещаний и также вежливо попро-щался с мапа и пресвитерами - но Акилла остался в тюрьме. Затем мапа с Лузенгом пришёл в Оливковую деревню, и Третья Сестра смогла насладиться чудес-ным общением. Однако общины были в беспокойстве. Почему чиновники не

слушаются мапа и президентс-ких указаний? Одно было ясно: этот приказ о выра-щивании опиума исходил не от правительства, а от сына губернатора провинции, который хотел извлечь из этого личную выгоду, полагая, что президент ни-когда не узнает о том, что происходит в этой отдалённой провинции. То, что христиане через его голову обратились к президенту, для него было унизительно, и, собственно, именно это привело его в ярость.

Двадцать шестого сентября мапа получил пись-мо от одного из младших чиновников. Там было ска-зано, что он ответственен за то, что христиане не са-жают опиум! А на следующий день второе письмо повергло всех, кто услышал о нём,, в отчаяние.

Мама была граж-данкой Канады, и британский консул прислал ей стро-гий выговор за то, что она от имени церкви лису обра-тилась к президенту. <Они никогда не смогли бы написать ему. Вы не имеете права вмешиваться в поли-тические дела. Вы забыли, что ущелье является погра-ничной областью, и это обстоятельство должно побу-дить Вас к особой осторожности. Вам разрешено пре-бывание в ущелье при условии, что Вы будете нахо-диться там с религиозной целью и никогда не станете вмешиваться в политику. Если чиновники осуществят свою угрозу и потребуют, чтобы вы оставили ущелье, я не смогу Вам помочь. Напротив, я должен дать гене-ральному британскому консулу разъяснение в отно-шении Вас. Конечно, президент издаст манифест, зап-рещающий. разведение опиума, однако очень сомни-тельно, чтобы его власть достигла до такой отдалён-ной местности, как это ущелье. Другими словами, при-дется ещё посмотреть, будет ли приведён манифест в исполнение>.

Но прежде, чем христиане узнали о содержании этого письма, один из членов общины возвратился из Луханга с известием, что манифест президента уже обнародован. К всеобщему удивлению, он гласил:

<Каждый, кто будет пойман при совершении воров-ства, будет убит!> Хотя было видно, что слова <совер-шении воровства> были наклеены на другие слова, а именно: <разведении опиума>. Так местные чиновни-ки одержали победу, сделав как раз то, что предвидел британский консул.

Для маленькой христианской церкви наступили тяжёлые дни. Страх сменялся надеждой. Китайцы вы-сокомерно говорили: <Теперь на церковь обрушатся такие преследования, как никогда!> Сын губернатора созвал на совещание всех чиновников ущелья, чтобы посоветоваться, что делать с <мятежниками>, т.е. хри-стианами. Акилла всё ещё находился в тюрьме, а у не-которых христиан из северных областей угнали скот из-за того, что они отказались платить что-либо до получения ответа от президента. Они также назначи-ли молитву с постом, но ничего не изменялось.

Неужели молитвы останутся без ответа? <Вера есть уверенность в невидимом> - так гласил любимый текст Третьей Сестры. Далеко в Америке, Англии и Австралии жили те, кто помогал в молитве, хотя их и не было видно. Господь говорит: <Не увидите ветра и не увидите дождя, а долина сия наполнится водою, которую будете пить вы и мелкий и крупный скот ваш> (4 Цар. 3,17). Божий ответ был настолько чудесен, что хочется рассказать о внутренней связи различных со-бытий.

Однажды мама и Третий брат вместе молились об этом деле. С веранды дома, где они находились, от-крывалась чудесная панорама ущелья Салуин. Дубо-вая равнина на две тысячи футов возвышается над ущельем. Противоположный берег на несколько ты-сяч футов возвышается над рекой, красуясь своими живописными скалами. За этой горной цепью, пример-но на той же высоте, что и Дубовая равнина, располо-жена резиденция бургомистра - город Луханг, где в тюрьме томился Акилла. Когда миссионеры молились вместе, у них вырвалась такая просьба: <Господь, Ты Сам соверши Свой суд над этими людьми, которые так несправедливо поступают с Твоими детьми>.

В этот вечер китайский бургомистр и комиссар по торговле опиумом ужинали вместе.
Они начали спо-рить между собой. Комиссар требовал сумму налога, говоря, что не намерен больше ждать. Бургомистр от-ветил, что он не в состоянии дать такую большую сум-му, пока христиане не выплатят налог. Комиссар вы-разил недоверие его словам, намекнув, что бургомистр тайком торгует с японцами. Словесная перепалка пе-реросла в драку. Комиссар был здоровым, сильным мужчиной, а бургомистр маленьким и худым. Неожиданно
вмешался старый отец бургомистра; опасаясь, что его сын в этой драке будет побеждён, он схватил нож и заколол комиссара. Это случилось 1 октября 1941 года.
Бог свершил Свой суд.
За гробом комиссара шёл закованный в кандалы бургомистр. 11 ноября Акилла был освобождён из тюрьмы, а 13 января 1942 года в ущелье появились люди президента. Они провели инспекционную поез-дку по ущелью, лично наблюдая за тем, чтобы все посевы опиума были уничтожены. Христиане так и не платили налога на опиум, а язычники потеряли уро-жай, поскольку уже было поздно сеять пшеницу или что-либо другое.
Вскоре по ущелью распространился слух, что единственным наказанием бургомистру было то, что его перевели на другое место. Возможно, он обосно-вал конфликт с комиссаром тем, что хотел исполнить манифест президента, обеспечив тем самым себе защи-ту высших инстанций.
Да, поток постоянных опасностей прогоняет сон-ливость, побуждая нас бодрствовать
и молиться. Но сердце Шлифовщика драгоценных камней полно со-страдания. Как нежно Его пальцы прикасались к ним в эти полные страха дни! И каким значительным
было каждое Его прикосновение к маленьким дрожащим огненным камням!

ГЛАВА 3
Избранный Камень

Почему слова стиха Евр. 11,1 стали любимым из-речением маленькой необразованной девушки, кото-рая росла и воспитывалась в примитивном племени, в затерянном на краю света ущелье? Здесь вы найдёте ответ на этот вопрос.
1942 год начался большой надеждой. Мама ска-зала, что пришло время и девушкам учиться в библей-ской школе. Конечно, учёба могла продолжаться толь-ко в течение
месяца, поскольку женщины в ущелье слишком заняты и не в состоянии выкроить больше времени. Решили, что занятия для них будут прохо-дить во время новогодних
праздничных дней, в фев-рале, так как в эти дни и женщинам предоставлялось какое-то количество свободного времени. Никогда раньше Третья Сестра не слышала о библейской шко-ле для девочек. Как жаждало её сердце принять учас-тие в этом!
Вторая Сестра не проявляла к обучению интереса. Новый год начался для сестёр ссорой. При этом из уст Третьей Сестры сорвались нехорошие сло-ва, которые принадлежали к её прежней, языческой жизни. На это Вторая Сестра заметила, что если хрис-тианка способна произносить такие слова, то она не хочет быть такой христианкой. Она становилась всё равнодушней по отношению к Богу и христианству.
Это было действительно ужасно. Третья Сестра сми-ренно попросила у своей сестры прощения, но та оже-сточила своё сердце.
Лузенг отправился в Дубовую равнину, чтобы привести оттуда маму в свою деревню, на библейскую неделю. Отец обеих сестёр был очень сердит на Тре-тью Сестру и не разрешил ей участвовать в занятиях.
Если она осмелится посещать уроки, то ей придётся искать пропитание где-нибудь в
другом месте; во вся-ком случае, он ничего ей не даст. Он угрожал ей так-же, что
она не будет заниматься и на запланирован-ных библейских курсах в Дубовой равнине. Христи-анка, которая гневается и ссорится со своей сестрой, недостойна

того, чтобы принимать участие в таких мероприятиях. Он приводил и другие аргументы, до-казывая, что она недостойна участвовать в обоих ме-роприятиях. Но это было просто немыслимо! Улучив свободную минутку. Третья Сестра уединилась на склоне горы, бросилась в траву и стала горячо молить-ся: <О Господь, я знаю, что сама виновата! Я не могу понять, как я могла так поступить. То, что я сказала, вырвалось из моих уст прежде, чем я смогла осознать. Пожалуйста, помоги мне, сделай так, чтобы во время нахождения здесь мамы я могла посещать занятия!>

Во время этой молитвы солнце ласково освещало её, а рядом покачивались в траве маленькие жёлтые горные гвоздики. Постепенно её сердце наполнилось глубоким покоем, и в ней созрело решение: что бы ни случилось, она будет принимать участие в занятиях, просто не будет кушать. От двухнедельного поста ещё никто не умер. Она вспомнила о Моисее, который не принимал пищу сорок дней и сорок ночей.

Если уж выбирать между физической и духовной пищей, то она отдаёт предпочтение духовной! Крепко сжав губы, она поднялась с колен и поспешила вниз по горному скло-ну, чтобы продолжить прерванную работу.

После обеда, примерно в четыре часа, раздался звук гонга, возвещая о том, что мама со своим спутни-ком приблизились к приветственной арке. Третья Сес-тра поспешила вверх по крутой тропинке и встала в ряд вместе с другими. О, там виднеется ещё одна жён-щина из племени лису - мама была вместе с женщиной!

Это Есфирь из Мухенгпо! На ней была длинная юбка и короткая блузка китайских женщин, так как лису, которые живут вблизи границы с Бирмой, циви-лизованнее тех, которые живут выше, в области Залве-ен. После общего приветствия Третья Сестра незамет-но для других взяла сумку Есфири, повесила её себе на плечо и понесла с горы, в то время как все, оживлённо беседуя, направились в сторону хижины Томаса. Она теперь почти всегда пустовала, и лишь во время осо-бых мероприятий служила в качестве гостиницы.

В этот вечер проповедовал Лузенг. Третья Сестра забилась в тёмный угол часовни и слушала, её душа жадно впитывала каждое слово. Когда проповедовал Лузенг, Библия становилась для неё живой книгой. Она удивлялась: неужели он услышал про её ссору с сест-рой? При одной мысли её глаза опустились, а лицо потемнело от сердечной боли. Конечно, он очень рас-строится. В глубине души она молилась о том, чтобы Бог дал ей силы смиренно принять его упрёки. Если понадобится, она докажет, что Вторая Сестра тоже виновата, но для её собственных злых слов нет ника-кого оправдания. Ей просто нужно научиться ежеднев-но бодрствовать над своим языком.

В понедельник Третья Сестра появилась на заня-тиях. Ей ничего не дали кушать, но она не пропускала ни одного урока. Лишь по прошествии двух дней мама услышала об этом и подозвала к себе Лузенга.

- Знаешь ли ты, что одна из девушек уже полтора дня участвует в занятиях, ничего не евши? Её отец ска-зал, что если она будет заниматься, он не разрешит ей...

- Да, я знаю об этом. Только что услышал,- ска-зал Лузенг, и на его обычно светлом лице появились строгие морщины.- Не переживай, о ней уже позабо-тились. Некоторые из девушек хотят поделиться с ней своей едой. Но я не понимаю, почему люди не могут сдерживать свой язык! Они ссорятся, причём кто-то из-за гневных слов христианки внутренне охладевает!

Его красивое лицо покраснело от возмущения. Мама следила за ним с лёгкой улыбкой. Никто так силь-но не горячился, как Лузенг! У него был пылкий харак-тёр - пылкий в любви и пылкий в гневе. Конечно, язы-ческие слова никогда не соскакивали с его уст, но при-родный характер ярко проявлялся в его речи. Он умел подобрать удивительно острые слова, обходясь без крепких языческих выражений. Может быть, в деревне есть, кроме него, и другие люди с такими же

способно-стями? Так как мама не знала, кого имеет в виду Лу-зенг, она не особенно волновалась по этому поводу.
- Нам необходимо пойти к ним с увещанием,- сказал Лузенг.- Сегодня у нас нет времени для этого, но в субботу ты сможешь пойти со мной? Мне не хо-чется идти одному, так как там будут девушки!
- Я охотно пойду с тобой,- пообещала мама.- Мы освободим субботний день от занятий и посетим неверующих, побеседуем с ними. Ты согласен?
Субботний день был солнечным и ясным. Между покрытыми снегом вершинами гор виднелись клочки ярко-голубого неба. Вторая Сестра решила провести это утро за ткацким станком; она уселась за ним перед домом, где могла ясно видеть склоны гор на другой стороне ущелья. Белое облачко плавало у подножия гигантской вершины. Казалось, будто оно заблудилось при подъёме и, устав в поисках пути, решило отдох-нуть под покровом огромной скалы. Повсюду видне-лась свежая весенняя зелень. Едва только Вторая Сес-тра приступила к работе, как перед ней появились Лузенг и мама. Третья Сестра робко встала у двери. Первым заговорил Лузенг. Он стоял перед хижиной, озабоченно наморщив лоб, и сразу же приступил к делу.
- Мне больно слышать, что ты, Вторая Сестра, отпала. Я всё знаю. Третья Сестра не должна была так выражаться, но она говорит, что согласна при всех из-виниться
перед тобой. Бог не благоволит к тем, кото-рые не хотят от всего сердца простить
проступок ближ-него. Вечная жизнь - это не игрушка, которую можно взять и потом снова отбросить назад. С Богом нельзя играть - сначала пойти с Ним, а потом снова повер-нуться к Нему спиной!
Вторая Сестра опустила голову. Она выглядела испуганной и, кажется, была готова покаяться.
- Мне очень жаль, что так произошло. Я вино-вата! - тихо сказала она.
- Хорошо. Ты можешь сказать маме, что винова-та, и протянуть ей руку? - Лицо Лузенга было мрач-ным, но Вторая Сестра не испытывала страха перед мамой. Она сразу же поднялась и протянула ей руку.
- Я виновата. Прости меня! - просто сказала она.
- Сегодня вечером я жду тебя в часовне,- ска-зал Лузенг, при этом лицо его просветлело.- Мы да-дим тебе возможность встать и исповедовать твою вину перед братьями. И тебе тоже, Третья Сестра! - добавил он, коротко кивнув в ту сторону,
где стояла маленькая фигурка.
Затем он и мама удалились, чтобы посетить дру-гую хижину.
Третья Сестра переступила через порог и протя-нула сестре руку:
- Я так рада, что ты вернулась! Пожалуйста, про-сти меня. Я приложу все силы, чтобы никогда больше не произносить таких слов!
Вторая Сестра дружелюбно посмотрела на неё и протянула в ответ руку.
- Ты поможешь мне найти нужные слова, что-бы попросить прощения сегодня вечером в часовне?
- Конечно, помогу,- ответил маленький огнен-ный камень.- Я первой начну своё исповедание, что-бы все поняли суть дела, и тогда тебе будет легче! - Это была последняя ссора между сёстрами, о которой слышала мама.
Библейская неделя оказалась счастливым временем. У Лузенга всегда в запасе было что-то весёлое и оригинальное, и все радовались этому. В среде лису иногда бывали массовые пробуждения, когда целые семьи и даже деревни обращались в христианство. Однако Оливковая деревня была в этом смысле исклю-чением. Над каждым плодом нужно было трудиться отдельно. Большинство участников библейских заня-тий были молодыми людьми, которые стали христиа-нами несмотря на угрозы родителей. Испытывая оди-наковые трудности, они очень сроднились между со-бой. Все они были молодыми и в большинстве своём холостыми. Это обстоятельство пришло
на память мама, когда она услышала, что Лузенг строит себе дом. Сам он никогда не заговаривал на эту тему, и ничто в его поведении не говорило о том, что он оказывает предпочтение какой-либо из местных девушек. Но мама постепенно начинала понимать обычаи лису. На грустном опыте миссионеры усвоили, как важно, с кем обручится местный многообещающий евангелист. Многие из них оказались непригодными для служения Господу из-за выбора неподходящей жены. Поэтому маму

очень интересовало, кто же из девушек станет избранницей Лузенга.
Как уже было сказано, сам Лузенг никогда не гово-рил об этом. Но молчаливым свидетелем его планов был строящийся дом. По всей вероятности, его избранницей должна была стать одна из четырёх: Рода, Лидия, Сара или Вторая Сестра. Из этих четверых больше шансов было у высокой и красивой Сары, которая отличалась ясным умом и острым язычком. Лузенг открыто хвалил её способность всегда правильно отвечать на вопросы по Библии. Всякий раз во время соревнований на луч-шее знание Библии первой оказывалась не Есфирь, а Сара. Третья Сестра никогда не была первой.
В конце библейской недели сёстры пригласили маму и Лузенга на ужин, состоящий из
риса и куряти-ны. Лузенг сказал, что он очень занят, но Третья Сест-ра молча отказалась спускаться вниз, пока Лузенг не согласился идти с ними. Мама при этом
впервые услы-шала её имя, хотя в лицо знала и раньше. Во время за-нятий на прошедшей неделе выражение этого лица час-то вдохновляло её и придавало новых сил. Третья Сес-тра всегда сидела в первом ряду, поскольку христиане в этой деревне садятся по голосам. Все присутствующие образуют хор, и каждый голос садится на своё ме-сто. Душа этой девушки была открыта для принятия того, о чём говорилось на занятиях. Когда она замеча-ла, что говорящий обратил на неё внимание, на её лице отражалась застенчивость, что свидетельствовало о чистой девичьей скромности. В то же время она обла-дала твёрдой волей, которая граничила с упрямством. В тот вечер мама очень ясно почувствовала это. На сле-дующий день, перед вечерним собранием, Лузенг при-шёл в хижину мамы. Он был чем-то очень озабочен. Мама, хорошо зная его, спросила, что случилось.
- Сегодня ночью в деревне будут солдаты,- от-ветил он,- это опасно для девушек. Никто из них не должен показываться на улице, им опасно находиться даже в собственных домах.
- Но разве их родители в собственном доме не являются для них достаточной защитой?
- Что может защитить лису от ружья? Это ки-тайские солдаты. Я однажды собственными глазами видел, как они разбивали запертые двери. Для языческих родителей дверь представляет слишком большую ценность, чтобы расплачиваться ею за честь своей до-чери. Как ты знаешь, большинство родителей наших девушек всё ещё являются язычниками, они легко смот-рят на грех.
- Ну что ж, тогда иди и передай девушкам, чтобы они пришли и провели ночь в моей
хижине,- мама ра-довалась, что может взять это маленькое стадо под свою защиту.Хотела
бы я посмотреть на солдат, которые осмелятся разбить мои двери!
-Прекрасно! - лицо Лузенга сразу же просвет-лело.- Если они будут спать на полу,
им всем хватит места!
Вечером часовня была переполнена. После хоро-шего, радостного собрания хижина Томаса преврати-лась в пчелиный улей, полный смеющихся девушек. Вдруг в комнату вошёл Лузенг, пытаясь скрыть своё смущение.
- Все ли здесь?
- Все, кроме Третьей Сестры,- хором ответили девушки.
Третья Сестра? Её дом находится на самой окраине деревни. Лузенг повернулся и исчез в темноте. Пример-но через три минуты дверь снова открылась и вошла Третья
Сестра. Свет от горящих дров осветил её фигуру. Она была маленького роста, как и
большинство лису в её возрасте. По нашему счёту ей было семнадцать лет, по обычаям лису - восемнадцать (ребёнок считался годо-валым в день рождения, а ко дню китайского Нового года ему уже было два года; например, если ребёнок родился
в декабре, то к Новому году, что соответствует пример-но нашему 1 февраля, ему уже будет два года). Большие тёмные глаза с остро очерченными бровями делали её лицо очень привлекательным. Когда она улыбалась, как в этот момент, нельзя было не залюбоваться её прекрасными
белыми зубами. Лёгкий румянец украшал щёки. Но больше всего привлекало в

ней робкое, постоянно меняющееся выражение лица, которое принято называть <очарованием>. К сожалению, нам никогда не удавалось схватить его фотокамерой. В то время как она объясня-ла своё опоздание, стараясь поскорее исчезнуть с поля зрения, мама сказала сама себе: <О, ты здесь самая кра-сивая! Меня удивляет, что Лузенг не замечает этого>.
На следующий день занятия внезапно были пре-рваны тем, что маму кто-то позвал. Выяснилось, что упомянутые солдаты представляли из себя отряд раз-ведчиков, которых президент направил в это ущелье и которые хотели видеть маму. Среди них был сын и преемник местного правителя, а также капрал мест-ного вооружённого отряда, родственник правителя. Увидев маму, он указал пальцем на неё и сказал:
- Ты ответственна за это дело,!
Его поведение ясно свидетельствовало о том, что мама имеет врага в его лице. Она тихо молилась в сво-ем сердце: <Да, Господи, я усвоила свой урок. Никог-да больше я не буду обращаться в Египет за помощью, никогда!>
На следующий день заканчивалась библейская неделя, и мама собралась в обратный путь. Протянув на прощание руку Третьей Сестре, она сказала:
- Не теряй надежды заниматься на библейских курсах в следующем месяце. Бог может открыть тебе путь. Я буду молиться за тебя!
- Я благодарна тебе, мама,- просто ответила Третья Сестра.- Только Бог может сделать это. Отец ни за что не хочет отпустить меня.
- Только не оставайся из-за того, что у тебя нет денег, если отец будет согласен отпустить тебя. Я по-забочусь о тебе! - сказала мама.
- О, как я благодарна вам!
После этого они расстались. Девушки поднялись на скалу, с которой далеко видна была тропа. Они пели песни, пока мама с носильщиками не скрылась из виду.
Третья Сестра возвратилась к своим прежним обя-занностям, но в её сердце постоянно билась одна мысль: при любых обстоятельствах она должна при-нять участие в февральских библейских курсах. Мама как раз недавно изучала с ними историю Иисуса На-вина и обращала внимание, что это Бог, только Бог разрушил стены Иерихонские. Непреклонность её отца подобна стене, которую только Бог может поколебать и разрушить, но её задача состоит в том, чтобы ежед-невно обходить эту стену в молитве - если возможно, семь раз в день.
И на седьмой день Бог разрушил стену.
Это случилось в прекрасное солнечное январское утро. В это время небо особенно голубое, солнце ласко-во пригревает, а с высоких снежных вершин дует вете-рок. Видимо, Третья Сестра сидела во дворе, перед сво-им ткацким станком, так как все девушки, которые на-деялись отправиться в библейскую школу, должны были удвоить старания, чтобы обеспечить семью полотном и тем самым заработать себе месяц каникул. Вдруг пе-ред прилежной маленькой ткачихой появился Воанер-гес. Его морщинистое лицо расплывалось в приветли-вой улыбке. Он огляделся вокруг и, убедившись, что никто не наблюдает за ними, приглушённым голосом сказал:
- У меня есть для тебя письмо любви, но ты ни-кому не должна говорить об этом. Сегодня вечером, когда я буду проходить мимо, ты можешь дать мне ответ!
Затем, лукаво подмигивая, он передал Третьей Сестре маленькую свёрнутую записку и исчез за углом дома.
На какое-то мгновение сердце Третьей Сестры, кажется, остановилось. До восемнадцатилетия ей ос-тавалось несколько дней. Христианская церковь лису запрещает обручаться девушкам, не достигшим восем-надцати. В связи с языческим окружением, которому характерны свободные нравы и чересчур свободный язык, в церкви лису молодой человек не мог лично сде-лать предложение девушке. Он должен был написать ^письмо любви> и передать его пресвитеру деревни. Пресвитер проверял, прилично ли содержание этого письма, и если всё было нормально, то передавал его девушке. Её ответ также проверялся пресвитером и передавался по назначению. Ни в коем случае моло-дые люди не могли сами обмениваться письмами.
Христиане лису приходят в ужас от американских обычаев и считают, что люди,

живущие на западе, ве-дут себя в этом вопросе легкомысленно. Их радость становится особо ценной, если они откладывают не-посредственное объяснение друг с другом до брака, когда перед Богом и людьми заключают брачный союз. Разводы у них чрезвычайно редки и считаются позором.
Как поражённая громом, сидела Третья Сестра за своим ткацким станком. Её взгляд был прикован к маленькому посланию, которое она держала в дрожа-щих руках. Ей не нужно было открывать его, чтобы узнать имя автора. Она хорошо знала этот почерк.
Лузенг! Неужели это возможно?
Затем её охватил страх, что кто-то может увидеть это письмо. Открыть его и прочитать прямо там было рискованно. Но где ей найти безопасное место? Она быстро зашла в свою маленькую хижину и огляделась вокруг. Может быть, спрятаться в сенях, в дальнем углу, за ящиком с зерном? Если она встанет между ним и стеной, её никто не увидит. Дрожащими руками, со страхом в глазах, сквозь который, однако, сияла её любящая душа, открыла она письмо Лузенга. Он об-ращался к ней, называя <сестрой>. О, она хорошо по-нимала это. Лузенг до такой степени чувствовал от-вращение к языческим словечкам, что выбрал самое чистое слово, известное ему, и она за это ещё сильнее любила его. В письме он спрашивал, согласна ли она через год или два выйти за него замуж. Она может, отбросив страх и робость, ответить ему. Он хотел бы, чтобы между ними было святое единство, в котором преобладало бы не материальное, но духовное. В его предложении было одно условие: он просил пообе-щать, что она никогда не будет препятствовать ему в изучении Библии или в труде для Господа, из-за кото-рого ему придётся неделями не бывать дома, так что вся работа в поле в этот период ляжет на её плечи. Сам он обещал позаботиться о том, чтобы она каждый год могла участвовать в занятиях февральской женской библейской школы. Они должны пообещать друг дру-гу, что на первом плане у них будет изучение Библии. Письмо заканчивалось словами: <Если же ты не лю-бишь меня, то я навсегда останусь холостым!>
<О Лузенг, Лузенг! Ты так изысканно начал пись-мо, называя меня <сестрой>, и так заканчиваешь его!> От волнения на глазах у девушки появились слёзы. Какая уж тут работа! По всей вероятности, ткацкий ста-нок в тот день больше не работал. И, видимо, мален-кой коричневой руке было нелегко сразу же написать подходящие слова, так что не одна страница была выр-вана из блокнота, пока наконец был готов удовлетво-рительный ответ. Мама никогда не видела этого пись-ма, но позже она слышала о других письмах, которые были написаны почерком Третьей Сестры и которые свидетельствовали о том, что она помогала своим роб-ким подругам составлять нужный ответ.
Вот каким было вероятное содержание её соб-ственного ответа:
<Брату Лузенгу.
Если ты в состоянии любить такое незрелое, неве-жественное, маленькое создание, как я, тогда - да. Я буду рада через 3-4 года выйти за тебя замуж. Я обе-щаю тебе, что буду поступать так, как скажешь ты, я всегда буду помогать тебе осуществлять твоё призва-ние: изучать Библию и проповедовать. И делать это я буду с радостью - сердце моё весьма расположено к этому.
Третья Сестра из семьи Ю.
P. S. Я сердечно благодарю тебя>.
Последнюю приписку невозможно точно перевес-ти. Я не знаю подходящего слова, чтобы передать ту робкую, благодарную улыбку, которая содержится в этом <благодарю> на языке лису. Одно несомненно, что сердце Лузенга при чтении этого письма забилось силь-неё, и я могу представить себе, как он отбросил назад свои чёрные локоны, почувствовав, будто весь мир те-перь принадлежит ему.
А счастливой молодой девушке нужно было, в конце концов, покинуть своё убежище, чтобы передать ответ Воанергесу. Затем нужно было поговорить с от-цом. Отдаст ли он её. Третью Сестру, Лузенгу? Как билось её сердце! Если отец намерен выдать

её
замуж за какого-нибудь язычника, он сможет потребовать за неё крупную сумму денег. Церковь же не разрешала никакого выкупа за невест. Кроме того, что у него
появлялся хороший зять, никакой прибыли от Лузен-га ему не будет. Согласится ли он с этим?
Однако, даже если он не даст своего согласия, для неё достаточно будет радости этого дня: Лузенг лю-бит её, как и она его любит! Это счастье, которого хва-тит на многие дни!
Но как ей сохранить свою тайну? Она понимала, почему это необходимо. Лузенг хотел уберечь их обоих от насмешек язычников, которые в состоянии заставить покраснеть любого христианина. Рано или поздно им не миновать этого, но если это
будет незадолго до свадь-бы, то можно и потерпеть. Но как сохранить тайну? Третья Сестра больше всего опасалась своего собствен-ного лица, которое обязательно выдаст её радость все-у миру. А Вторая Сестра? Она глубоко сочувствовала ей. Во всяком случае, ей хотелось сохранить с ней са-мые добрые отношения.
В этот вечер Третья Сестра ждала, пока все собрались в часовне, и лишь когда свет соснового факе-ла стал совсем слабым, она прошмыгнула внутрь и спряталась за спинами других. Она заметила, как Лу-зенг глазами осматривал ту сторону, где сидели девуш-ки, но она продолжала прятаться. Она не доверяла себе самой, если их взоры встретятся здесь, перед всеми. Впрочем, ему недолго осталось ждать, сегодня вече-ром он получит её ответ.
На следующее утро Воанергесу нужно было разыс-кать отца Третьей Сестры и поговорить с ним, а если тот согласен, передать ему просьбу Лузенга, что помол-вку желательно сохранить в тайне. Отец заявил, что он согласен, но сказал немало слов в отношении того, что он терпит немалый ущерб. Он приложил всё старание, чтобы дать понять Лузенгу, что не всякому он так про-сто отдал бы свою
дочь и что Лузенг должен быть очень признателен ему. Но с первого взгляда на старика каж-дый мог увидеть, что тот внутри гордился своим буду-щим зятем, которого уважала вся деревня.
Будучи язычником, он не упустил случая сравнить гороскопы молодых людей. Выяснилось, что Лузенг родился в год козы, а Третья Сестра - в год коровы. Это обеспокоило его, так как коровы и козы не могут
терпеть друг друга. Конечно, христиане знают, что обращаться к гороскопам - это суеверие, но отец Ю был язычником. Раз гороскоп был неблагоприятным, то ему приходилось считаться с тем, что Третья Сест-ра может умереть уже в первый год после свадьбы! Как может он дать своё согласие? Однако внутренне он восставал против утраты такого зятя. Что же делать? Если он согласится на этот брак, то тем самым разгне-вает своих богов; если же он воспрепятствует ему, то сам себя лишит той чести, которая сделает его предме-том зависти всех соседей. Вдруг ему в голову пришла одна идея.
- Воанергес, а не мог бы Лузенг жениться на Вто-рой Сестре? Она родилась в год зайца. Козы и зайцы не дерутся друг с другом.
Это действительно была идея - выход, которым обычно пользовались язычники. Разве
Лузенг не от-носился с уважением ко Второй Сестре? Воанергес даже вспомнил об одном маленьком событии, которое мог-ло помочь воплотить эту идею в жизнь. Лузенгпа дол-го смеялся, когда много лет назад его восьмилетний сын заявил за столом, что он сегодня видел во сне свою будущую жену. Малыш ни за что не хотел назвать её имя, пока наконец его родители догадались, что речь, скорее всего, идёт о Второй Сестре. Эта история чрез-вычайно развеселила отца Ю и он поручил Воанерге-су передать Лузенгу своё предложение. Конечно, для Третьей Сестры это плохо, но, в конце концов, речь идёт о её благе, а Лузенг, по крайней мере, будет дово-диться ей родственником.
Один Бог видел переживания Третьей Сестры, пока она не узнала ответ Лузенга. Вчера - на вершине счас-тья, а сегодня - эти мучительные сомнения. О Боже, неужели Ты допустишь это?! Как сказано в Библии:
<Есть ли между вами такой человек, который, когда сын
его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? ...тем более Отец ваш Небесный

даст блага просящим у него>. Это было то, на чём она могла основать свою веру. Вера - это уверенность в невидимом, уверенность, что не-видимое и сокрытое находится в работе и что Его обе-тования остаются незыблемыми. Весь этот тяжёлый день Третья Сестра цеплялась за эту веру, успокаивая свои дрожащие руки и робкое сердце.

Вечером, в сумерках, в их хижине снова появился Воанергес. Третья Сестра дрожала всем телом. Она спряталась в тёмном углу хижины, чтобы никто не видел её, когда прозвучит приговор.

- Ничего не получается,- заявил Воанергес.- Лузенг с таким возмущением отверг это предложение, что даже я испугался. Я выскочил из комнаты, как ошпаренный. Если бы вы видели его сверкающие гла-за! <Я хочу Третью Сестру и никакую другую, пока я жив!> - воскликнул он таким голосом, что я почув-ствовал себя, как на пороховой бочке, к которой под-несена спичка. Этот молодой человек похож на своего деда, горе тому, кто осмеливался дразнить его! Гово-рю вам, я выскочил оттуда, как ошпаренный. И я со-ветую тебе не пытаться сделать это ещё раз. Или ты сам иди к нему и сам сядь на пороховую бочку!

Как уже упоминалось выше, отец Третьей Сестры был заикой. В последующую за этим четверть часа едва удалось начать беседу. Ему обычно требовалось нема-ло усилий, чтобы правильно сказать первое слово, а если он был чем-то взволнован, это давалось ему с ещё боль-шим трудом. Он уже освоился с мыслью, что Лузенг будет его зятем, а теперь, из-за того что гороскопы не подходят друг к другу, всё рушится. Однако Воанергес был умным стариком и знал, как поправить дело.

- Есть одно обстоятельство, которое мы упусти-ли,- сказал он.- Мы сравнили только годы их рождения.

Не помнишь ли, какому животному соответствует день, в который родилась Третья Сестра?

Лису, которые никогда в своей жизни не посеща-ли школу, которые не знают таблицы умножения, а для того, чтобы правильно посчитать, пользуются паль-цами, никогда не забывают гороскопы своих детей. Да, отец Ю очень хорошо помнил, какое животное соот-ветствовало дню рождения Третьей Сестры, и когда сравнили дни рождения молодых, то, ко всеобщему удовлетворению, выяснилось, что они гармонируют между собой.

- Если гороскопы дней рождения согласуются между собой, то Лузенгу опасаться нечего,- заметил мудрый Воанергес.

Итак, в тайне от всех была отпразднована помол-вка. Воанергес принёс на следующий день два длин-ных бамбуковых сосуда с мёдом - подарок для отца.

- Ты, конечно, отпустишь Третью Сестру в биб-лейскую школу,- сказал он как бы между прочим.- Лузенг просит тебя об этом.

Так пали стены иерихонские. <Вера есть осуще-ствление ожидаемого,- позже свидетельствовала Тре-тья Сестра с серьёзным выражением на своём прекрас-ном личике.- Она является реальностью, действитель-ностью>.

Глава 4 ДВАКАМПЯ ПОДПОЕТ ДРУГ К ДРУГУ

Дом Лузенга быстро рос в высоту. В деревне по-говаривали, что Лузенг написал

<письмо любви>, толь-ко никто не знал кому^и каким был ответ. Воанергес умел хранить тайны.

Путь к деревенскому роднику проходил через поле Лузенга, и Третья Сестра каждый день, идя за водой, могла радоваться новым штрихам в строящем-ся доме. Этот дом строился не так, как обычно дома лису, он был уменьшенной копией <дома милосердия> мапы и вместо одной имел три комнаты. Мысль об этом заставляла сильнее биться сердце Третьей Сест-ры. Лузенгпа считался лучшим плотником во всём ущелье, поэтому дом получался на славу. Поскольку для чтения Библии им будет нужен свет, то в доме пла-нировались даже окна, что для лису было в диковин-ку. А чтобы содержать новый дом в чистоте, Лузенг решил отказаться от

обычного для лису способа при-готовления пищи - разжигать огонь прямо на полу. Молодые люди будут готовить и питаться вместе с родителями.
Третья Сестра тщательно избегала встреч с Лузен-гом: она боялась, что лицо может
выдать её, к тому же избегать встреч считалось хорошим тоном. Но зато она каждый
вечер могла видеть его в часовне. При этом вся-кий раз ощущала невыразимое блаженство, когда он взглядом скользил по рядам девушек и, найдя её, сразу же отводил глаза в сторону. При этом его лицо освеща-лось такой счастливой улыбкой,
что она удивлялась, как это никто до сих пор не разгадал их тайны. А с какой силой проповедовал Лузенг в эти вечера! Глубокая радость, переполнявшая его сердце, казалось, прямо-таки струилась из него и изливалась на других. Раньше Третья Сестра с удовольствием оставалась после собра-ний побеседовать с другими девушками и молодыми парнями о повседневных событиях или о ходе войны. Теперь же
она сразу спешила домой, оправдываясь тем, что ей необходимо особенно много ткать, поскольку она хочет принять участие в библейских курсах, которые будут проходить в Дубовой равнине.
Но однажды, идя к роднику за водой, она лицом к лицу столкнулась с Лузенгом, который как раз воз-вращался оттуда. Для обоих встреча была неожидан-ной, и лицо
Лузенга засияло таким счастьем, что Тре-тья Сестра сразу же отвернулась и поспешила вверх. Ни слова не было сказано ими, но всё же молодая де-вушка в эту ночь долго не могла уснуть, снова и снова переживая дорогие для неё мгновения. Действитель-но, это были счастливые дни.
Из Оливковой деревни принять участие в фев-ральских библейских курсах собирались
Сара, Лидия, Хлоя, Рахиль и Третья Сестра. Лузенг вызвался сопро-вождать их в Дубовую равнину, так как ему нужно было привести оттуда для зимовки белых мулов мапы.
Вторая Сестра снова начала духовно ослабевать. Она даже открыто выразила желание
посетить в этом году во время новогодних праздников горячие источ-ники. Это обстоятельство причиняло Третьей Сестре немало страданий.
Наконец наступил долгожданный день, и группа счастливой молодёжи отправилась в путь. В этой груп-пе находились также несколько братьев, которые несли вещи своим сёстрам. Когда в пути они встречались с молодыми парнями, которые также посещали библейс-кую школу, дело не обходилось без весёлых шуток:
- Мы через несколько дней ждём вас назад,- под-дразнивали они будущих учениц библейской школы.- Вы, девчонки, скоро соскучитесь по дому и раньше вре-мени покинете школу! Вы до конца не выдержите!
Некоторые парни просили девушек переписать и принести им на обратном пути новые песни. Кто-то заметил:
- В конце каждой недели вас будут посылать в окружающие деревни проповедовать. Мы будем по-мнить о вас!
Итак, девушкам приходилось выслушивать и шут-ливые, и серьёзные слова в свой адрес. Они смеялись, краснели, кивали головами или радостно отвечали собеседникам. С бьющимися сердцами оставили они позади себя дорогую и близкую им
деревню. Однако все радовались предстоящему времени, которое озна-чало новую страницу в жизни каждой из них.
Группа из Оливковой деревни первой достигла цели. Мама поспешила навстречу пришедшим, чтобы сердечно приветствовать их. Когда она увидела Тре-тью Сестру, то радостно воскликнула:
- О, и ты здесь. Третья Сестра! Значит, ты тоже смогла прийти? Благодарение Богу
за это!
При этих словах она с такой теплотой пожала ей руку, что та вдруг почувствовала себя виновной. Ведь мама пока ещё ничего не знала. Лузенг тем временем осмотрел спальные комнаты и выбрал для них лучшую.
- Здесь, девушки,- сказал он,- вы можете раз-ложить ваши постели. А кровати

здесь настоящие! - добавил он удовлетворённо, потрогав бамбуковые ци-новки, лежащие на коротких, вкопанных в землю, стол-биках.- Вы можете спать по двое. Сами решите, кто с кем будет спать. Пятая из вас может спать с Есфирью.
Так он заботился, чтобы им было удобно. В тот же вечер он рассказал маме свою тайну.
- Вот это да! - удивлённо воскликнула та.- А я-то думала, что ты интересуешься Сарой. Значит, я на-прасно переживала, ведь вы с ней совершенно не под-ходите друг другу по темпераментам. Значит, Третья Сестра! Я очень рада твоему выбору, она мне нравится больше всех. Но мне казалось, что ты не проявляешь к ней никакого интереса!
- Мне хотелось бы и дальше сохранить это в тай-не,- засмеялся юноша, услышав такое замечание.- Я намерен уплатить за её книги.- С этими словами он положил на
стол два доллара.
- Я не возражаю. Может быть, ты захочешь сам выбрать ей библейское имя?
Его глаза снова засветились, но сразу же стали задумчивыми...
- Мне не нравится перевод библейских имён на язык лису, за исключением только одного. Мария - вот красивое имя.
- Значит, она будет Марией,- решила мама. Так Третья Сестра получила библейское имя. Мама, конечно, охотно согласилась хранить пока тайну. Но именно благодаря ей секрет быстро раскрыл-ся. В это утро ей предстояло много работы. Лузенг должен был возвратиться в Оливковую деревню с жи-вотными. У мамы не было ни минутки, чтобы погово-рить с Марией об услышанной новости. Девушки по-просили выдать им записные книжки, карандаши, руч-ки и чернила. И когда Мария протянула деньги в уп-лату за все эти предметы, мама возразила:
- Тебе ничего не нужно платить. Один из жите-лей Оливковой деревни уже сделал это для тебя!
В Америке внесение платы за кого-либо из учени-ков было настолько распространённым явлением, что маме даже в голову не пришло, что людям из племени лису этот путь служения Богу неизвестен, и она своим
замечанием невольно выдала всем, что именно Лузенг является этим жертвователем.
После обеда мама позвала Марию к себе.
- Мария, ты не хотела бы каждый вечер сопро-вождать меня во время прогулок? Мы смогли бы вме-сте молиться за Лузенга. Ты же знаешь, что в этом ме-сяце он отправляется трудиться среди язычников. Там, куда он идёт, трудное положение, и он очень нуждает-ся в наших молитвах.
Мама надеялась, что благодаря этим прогулкам она ближе познакомится с девушкой, но та настолько робела перед белой женщиной, что почти всё время молчала, лишь кратко отвечая на вопросы. Но молит-вы за Лузенга изливались из глубины её сердца, пока-зывая, что общение с Небесным Отцом не было для неё чем-то новым. Лишь на площадке для игр, которые происходили после занятий, мама смогла больше узнать её. Допус-тив какую-то ошибку, девушка всякий раз сразу же смиренно просила у всех прощения. А как она любила своих земляков! Во время молитвенных часов она мо-лилась одна из первых и никогда не заканчивала мо-литвы без того, чтобы попросить у Бога благословения на своих братьев и сестёр в Оливковой деревне. Это она делала постоянно. Нельзя сказать, что в этом году она была лучшей ученицей, но во время последующих биб-лейских курсов она трудилась отлично и на последних занятиях была отмечена как первая ученица.
Заключительный день был особенно волнующим. На помосте стояли первые двадцать четыре ученицы библейских курсов племени лису. Две девушки сказа-ли краткое слово, остальное время заполнили пением и чтением наизусть текстов из Библии. Девушкам объя-вили об открытии воскресных школ, в которых они будут учительницами,-теперь они были подготовлены
для занятий с детьми. Мама перевела несколько подходящих песен, сопровождающихся жестами. Де-вушки разучили эти песни. Поскольку для лису такие песни были слишком уж необычными, они оказали на них большое впечатление. Радовались не только дети, но и взрослые. Ко времени заключительных экзаме-нов прибыло много гостей и среди них немало моло-дых братьев из Оливковой деревни. Когда девушки, сдав экзамены, выходили из помещения, Енох, улыба-ясь, сказал:
- Это было почти так же хорошо, как и у нас на экзамене.
Мама тихонько засмеялась и подумала: <Мужс-кое тщеславие! Я думаю, что было даже

лучше!>
В Оливковой деревне все с нетерпением ожидали увидеть, чего же достигли девушки за месяц занятий в библейской школе. Каждый вечер несколько девушек поднимались на помост, чтобы продемонстрировать, чему они научились. Сара рассказала повествование об Иосифе - о том, как Господь сломил его юношес-кую гордость. Мария рассказала об опасностях, кото-рые могут в повседневной жизни ослабить стремление к небесному. У всех девушек было что предложить слу-шателям. Особенно
радовались всё новым песням, ко-торые сопровождались жестами.
Прошло всего два дня после возвращения деву-шек, как вдруг, совершенно неожиданно, появился Лузенг, раньше времени оставив то место, где он тру-дился. В его планах не было предусмотрено такое ско-рое возвращение, но разве мог он оставаться вдали, не увидев собственными глазами, как обстояло дело: ста-ла ли Мария лучше проповедовать в юношеском круж-ке и какие новые песни она выучила? Он просто не мог больше выдержать и поэтому возвратился. Правда, он пытался объяснить это тем, что порвал брюки и возвратился
починить их. Вернувшись на место своего труда, он написал маме: <Они возвратились совершён-но другими девушками!> Так было положено начало ежегодным библейским курсам для девушек.
Это были счастливые дни для маленькой группы христиан. Они едва замечали тучи войны, которые собирались над их головами. Были написаны ещё два <письма любви>:
от Еноха Саре и от Тихика Хлое. Иона, который на сей раз был посредником, заметил маме: <Странно, но мне кажется, что ответ Сары на-писан почерком Марии>.
Так началась её эпопея со-ставительницы <писем любви>. Можете вообразить себе двух девушек, как они, спрятавшись в укромном уголке поросшего лесом склона горы, шепчутся, об-суждая содержание маленького, но такого важного послания. Позже мама также заметила это. Сам при-ветливый тон письма, а также почерк выдавали его автора. Однако Енох был доволен и после получения ответа объявил о помолвке.
Но возвратимся к тем мрачным тучам. Мама уеха-ла в Куньмин лечить зубы, мапа - на конференцию. Однако Третий брат и его друг продолжали трудить-ся в ущелье. Два месяца спустя после возвращения де-вушек из библейской школы японцы сосредоточились на китайско-бирманской границе. Однажды во второй половине базарного дня они неожиданно начали бом-бить город Паушан. Было пролито неописуемо много крови, но Господь в Своём милосердии сохранил жизнь миссионеров, и они невредимыми достигли Ду-бовой равнины. Обстоятельства, связанные с войной, помешали маме и мапе возвратиться в ущелье, но они утешались
надеждой, что белые беженцы, покинувшие город Паушан, возьмут на себя труд по проведению занятий в библейской школе в период дождей. Лису с радостью приняли их, но... никто не знал языка лису.
Поэтому как миссионеры, так и местные жители ежед-невно молились о скорейшем возвращении их соб-ственных белых учителей. Бог ответил на эти молит-вы самым необычным образом. Китайским офицерам вскоре понадобился надёжный человек, который знал бы язык лису и их обычаи и который мог бы предосте-речь лису от вступления в дружеские отношения с япон-цами. Они попросили мапу взять на себя эту роль, по-зволив ему вместе с мамой перейти линию американс-кого фронта. Итак, в конце августа они уже снова на-ходились в ущелье. Между тем, маленькая страна лису превратилась в арену военных действий. Поэтому их возвращение было настоящим чудом, так что церковь в этой местности явно видела, как Бог отвечает на молитвы Своих детей.
Несмотря на все, мысли Марии в эти дни были далеки от военных событий. Лузенг в своём брачном предложении написал, что хотел бы жениться через год или два, а Мария ответила: <Через три или четыре года>. Теперь же эти планы рушились: Лузенг хотел, чтобы брак состоялся уже этой осенью. Боясь, как бы её отец не изменил своего решения, Лузенг назначил дату свадь-бы на 13 ноября. Но ведь за такое короткое время не-возможно приготовить всё необходимое для брака! Правда, можно пораньше соткать и сшить новогоднюю одежду, а также сшить для Лузенга пару
матерчатой обуви. Как и все лису, он большей частью ходил боси-ком. Девушки

Оливковой деревни научились у китай-цев шить башмаки и сандалии, украшенные красивой вышивкой. Вся деревня завидовала им. Мария решила, что у Лузенга обязательно должна быть пара таких баш-маков. Будучи сама не очень-то искусной в рукоделии, она попросила помощи у своих подруг, Роды и Лидии, так как, по обычаю этого племени, теперь она Должна была заботиться об одежде для Лузенга. Она радовалась этому и, идя по деревне, украдкой наблюдала за замужними женщинами, как они кроили одежду для своих мужей, и таким образом училась.

Почти целый месяц отец Марии путешествовал вверх и вниз по ущелью, приглашая на свадьбу друзей и родственников. Это важное дело доставляло ему мно-го удовольствия. Ему было позволено пригласить столько гостей, сколько он хочет, и поэтому он внёс в свой список не менее ста человек. Он решил, что если уж отдаёт свою дочь даром, то пусть, по крайней мере, свидетелем его великодушия будет дорогой праздник с большим количеством гостей. Конечно, заботу о пище взял на себя Лузенг. Единственно, что могло омрачить радость - это отсутствие на свадьбе водки. Отец, ус-лышав об этом, не преминул со вздохом заметить: <Ох, уж эти мне христиане!> Однако Лузенг пообещал, что риса и свинины будет так много, что гости даже смогут кое-что взять домой. Поэтому каждый должен был при-нести с собой кусок материи, чтобы упаковать потом в неё пищу. Само собой разумеется, что отец Марии везде, куда ни заходил с приглашением, оставался ноче-вать. В глубине души каждый посмеивался над стари-ком, который с гордостью рассказывал о новом доме своего будущего зятя, куда скоро переедет его дочь. В этом доме есть даже ставни, и Лузенгпа обдумывал, каким образом защитить их от воров. Доски на полах были прибиты гвоздями, да и вообще при строитель-стве дома употреблялись гвозди, что для лису было со-вершенно новым. Гвозди были свадебным подарком мапы. Мама подарила им два больших шкафа. О, ему было о чём рассказать! Лузенг намеревался предоста-вить свой дом для ночлега гостям во время рождествен-ских праздников, а также в дни предстоящей свадьбы. Гости смогут спать на новом деревянном полу. Дом в состоянии вместить сто человек! Это действительно было чем-то необычным и приятным - быть тестем человека, который всё делает не так, как другие. <По-этому,- заканчивал он обычно свою речь,- вы обяза-тельно должны прибыть на свадьбу!>

А Лузенга смущал один важный вопрос: кого при-гласить в качестве дружка? Обойти кого-то из друзей - значит унизить их. После долгих размышлений он решил вообще обойтись без дружка. Он сообщил Ма-рии о своём решении и сказал, что она вправе сама решить, как быть в отношении подружки. У неё тоже были проблемы с этим. В племени лису не принято, чтобы подружкой была сестра невесты. Так что Вто-рая Сестра, которую назвали Марфой, не могла оби-деться. Но как быть с подругами? В конце концов, это же не просто её свадьба, это свадьба Лузенга! Так что предложение Лузенга принесло ей большое , облегче-ние. Она тоже обойдётся без подружки.

Кажется, действительно намечалось нечто гран-диозное. Мапа сообщил, что приведёт с собой из Ду-бовой равнины китайского гостя - учёного, который получил образование в Америке и владеет английским, этот гость будет фотографировать молодых.

Тринадцатого ноября выдался замечательный осенний день. Рис уже собрали, в полях краснела гре-чиха. Голубое небо распростёрлось над покрытыми снегом вершинами гор. Ели и сосны в изобилии пред-лагали свою благоухающую хвою для <ковра> в ча-совне, а пышные ярко-красные полевые цветы красо-вались в солнечных лучах. Жизнь была прекрасной.

В центре деревни раздавались весёлые голоса Лузенга и сотни гостей, которые сообща воздвигали приветственную брачную арку. А на окраине деревни, в доме своего отца, Мария с волнением ожидала тор-жественного момента. По обычаю лису, жених с дру-зьями должен прийти за невестой. Под мягкий звук гонга молодые парни отправлялись в деревню невес-ты, где их ожидало угощение,

затем всё свадебное ше-ствие направлялось в часовню той деревни, где жил жених.
Поскольку Лузенг и Мария жили в одной де-ревне, отцу Марии не нужно было
устраивать угоще-ние в своём доме и Лузенг мог один привести свою невесту. Час
за часом Мария терпеливо ожидала, а её подруги приходили и уходили, сообщая ей
все мельчайшие подробности происходящего. Но никто из них не сказал о причине
задержки. Лузенг, который часто учил других, как нужно вести себя на свадьбе,
вдруг, когда наступил его час, испугался. Если бы можно было, он бы убежал. Он
находил один повод за дру-гим, чтобы ещё немножко оттянуть тот момент, когда он
должен будет привести свою невесту. Снова и сно-ва он вспоминал что-то такое,
что обязательно нужно было сделать, пока наконец у него уже не осталось никаких
отговорок. Волнующий момент был неизбежным. Все уже были здесь - белый человек,
знамени-тый китайский врач, сотня гостей, так что уже ничего нельзя изменить.
Примерно в десять часов утра он на-конец, плотно сжав губы, отправился к хижине
Ма-рии. Недалеко от дверей хижины стояла группа языч-ников, которые при его
приближении начали, подтал-кивая друг друга, шушукаться между собой. С самым
серьёзным выражением лица молодой жених зашёл в дом и сказал смущённой
маленькой
невесте: <Пошли!> И они отправились по восточному обычаю - мужчи-на впереди - к
часовне.
Как это часто случается в жизни, Лузенг, кото-рый раньше уверенно учил других,
был теперь взвол-нован и нерешителен, в то время как его подруга, ко-торая
боялась из-за своего незнания наделать ошибок, хотя и робела, но вела себя
правильно. На все вопросы она отвечала внятно, приятным голосом. Она
выглядела и вела себя так, что все признали её самой луч-шей невестой, какую
когда-
либо видело это ущелье.
Но всё в жизни, даже и смущение во время церковного венчания, приходит к
концу.
Позже Лузенг, рассказывая маме о своих переживаниях, признался:
<Как только церемония закончилась, я снова почув-ствовал радость. Остаток дня
пролетел очень быстро и счастливо!>
Так соединились эти два камешка.
В западных странах у молодых людей всё ещё бытует неверное мнение, что Бог
соединяет двух лю-дей для одной единственной цели - земного счастья. Истина же
состоит в том, что Бог, охотно даруя лю-дям земное счастье, имеет гораздо более
высокие на-мерения. Следующая глава подтвердит этот факт.
Опал имеет гладкую поверхность. Для огнистого бриллианта, напротив, характерна
неровная поверх-ность, которая лучше отражает свет и краски. Для того, чтобы
придать опалу эту неровность, его помещают вместе с другим камнем в специально
предназначен-ный сосуд. Камни трутся друг о друга, и в результате на них
появляются неровности и грани. Лишь хоро-шему шлифовщику можно доверить этот
процесс, по-скольку он требует большой тщательности и опыта. Чтобы довести до
совершенства знаменитый Кулли-нанский бриллиант, потребовалось девять месяцев.
Бог очень часто пользуется таким же способом, чтобы сде-лать Свои огненные
камни
прекрасными и совершенными. И, наблюдая за двумя человеческими судьба-ми,
которые теперь будут сопутствовать друг другу во всех жизненных обстоятельствах
и трудностях, не бу-дем забывать о Величайшем Мастере-шлифовщике, Который с
большой любовью, скрупулёзно трудится над ними.
Война - своего рода алмазная пыль
Алмазная пыль, смешанная с маслом,- это един-ственный материал, который
используют для полиров-ки драгоценных камней. Такую смесь наносят на диск,
вращающийся со скоростью 2500 оборотов в минуту, на котором прочно закреплён
драгоценный камень. Твёрдая алмазная пыль оказывает на камень такое
воздействие,
что он приобретает желаемый вид.
Духовная субстанция, в которую Бог помещает человека на определённый отрезок
времени, состоит из трудных, болезненных событий, которые следуют одно за
другим
и которых невозможно избежать. Их нужно просто принимать и переживать. Когда же
шли-фовка закончится, засияют чудесные лучи терпения, отречения от собственного
<я> и глубокого смирения. Мы, смертные, называем этот процесс борьбой. Но есть

люди, которые видят вещи с более возвышенной точки зрения. Они во всех скорбях узнают руку Вели-кого Мастера, Который полирует Свои камни.
Мария переживала настоящее человеческое сча-стье. У неё был супруг, которым она восхищалась и которого любила, уютный дом и цель, которой они могли служить вместе, трудиться для Господа. Пер-вым радостным событием на горизонте их жизни был приближающийся праздник Рождества Христова.
Впервые Оливковая деревня пригласила к себе все христианские общины ущелья. Это требовало больших подготовительных работ. Во время последнего Рож-дества в Дубовой равнине собралось не менее тысячи человек; однако в этом году из-за страха перед солда-тами многие, вероятно, не рискнут далеко уходить от своих домов. И всё-таки ожидалось несколько сот гостей,
так что нужно было заготовить много дров и ово-щей, а также приготовить мясо и столы. Решили рас-пределить всю работу, потому что в минувшем году организация была не на лучшем уровне. Во всяком слу-чае, так думал Лузенг, у него были свои представления о том, как организовать всю работу. Каждый день молодёжь собиралась в часовне, обсуждая предстоящий праздник. Они обратились к маме с просьбой, чтобы она специально для христиан Оливковой деревни на-писала рождественскую песню, которой они собирались удивить и порадовать гостей.
До Рождества предстояло отпраздновать ещё две свадьбы - Еноха с Сарой и Тихика с
Хлоей. Пастор Лука со своей семьёй посетил Оливковую деревню и обвенчал обе пары. На полях стояла гречиха, готовая к уборке,- это следовало сделать до Рождества. Семьи лису помогали друг другу в этой работе, и Марию так-же время от
времени просили помочь то тут, то там. Кроме этого, ей нужно было пошить новогоднюю одеж-ду для Лузенга, и здесь ей советом и делом помогали Елизавета и жена Луки. Эта одежда стала потом люби-мой одеждой Лузенга. Он долго носил её, и
даже когда она совсем выходила из строя, он настаивал на том, чтобы её чинили.
Мария теперь жила в доме Лузенга. Ей нравилось общаться с Лузенгпа, которого все
любили благодаря его весёлому и приветливому нраву. Но домом управ-ляла Лузенгма, правда, лишь тогда, когда Лузенг от-сутствовал. Красноречие, организаторские способнос-ти и острый ум он, несомненно, унаследовал от матери. Хотя Лузенгма уже была далеко не молода (когда Лу-зенг женился, ей исполнилось шестьдесят лет), в поход-ке и осанке она сохранила лёгкость и подвижность де-вушки, а домашнее хозяйство вела с большой осмотри-тельностью. В обязанности Марии входило накормить
свиней и кур, сварить кашу для больной коровы, засо-лить стручки фасоли и перца и т. д. Лузенгма славилась как хорошая кулинарка; к ней нередко приходили женщины поучиться, как вкусно солить овощи, или купить приготовленное ею варенье. Да, многому можно было научиться в доме Лузенгма.
Кроме этого, предметом заботы Марии стали Тимофей, двоюродный брат Лузенга, который пас ко-ров и помогал в полевых работах, и маленький сын Томаса Иоанн. Великодушная Лузенгма вскоре после смерти его матери приняла ребёнка в свою семью. Сам Томас часто совершал миссионерские поездки, и по-скольку Иоанн, собственно, не был членом семьи Лу-зенгма, добродушная женщина редко наказывала его, что, естественно, принесло свои пагубные плоды. Ма-рии приходилось теперь участвовать в происходящих порою конфликтах, но все эти тяготы в первые годы брачной жизни не казались ей слишком тяжёлыми.
Это Рождество вспоминали потом как самый удав-шийся праздник, который когда-либо
переживали хри-стианские общины ущелья. Новый порядок приготов-ления пищи получил всеобщее признание. Мария выз-валась быть кухаркой. Эта работа была самой трудной, и желающих выполнять её обычно не было. Примитив-ные плиты - обычно это были просто отверстия в зем-ле - окружали большой котёл с кукурузой, под кото-рым поддерживался огонь. Для того чтобы кукуруза разварилась, требовалось несколько часов, поэтому кухарки должны были уже спозаранку находиться у своих плит и часами стоять на холодном ветру, наблю-дая, чтобы кушанье не подгорело. Мария сама вызва-лась на эту неблагодарную работу, и она была един-ственной, кого не пришлось будить в то утро. Её скром-ная верность идеалам Лузенга сияла удивительно чу-десным светом в этом маленьком опале.

Одно событие омрачило праздник, бросив предо-стерегающую тень на наступающий год: в последний вечер праздника вдруг появились китайские солдаты. Они разыскали часовню и, поднявшись на помост, напомнили собравшимся о том, что идёт
война, а так-же предупредили, что все должны хранить верность Китаю, не уподобляясь некоторым языческим пригра-ничным племенам, которые приветливо встретили при-шедших на их территорию врагов. Однако никто не предполагал, как близко уже была война. На проща-нье гости вручили общине Оливковой деревни благо-дарственное письмо и выразили желание на следую-щий год снова провести праздник здесь. Однако про-шло долгих пять лет, прежде чем мама снова смогла отпраздновать Рождество в их кругу.
Марии никак не удавалось правильно выговорить слово <японец>, но это волновало её меньше всего. Её мысли очень быстро вновь возвратились к радостной теме - подготовке к февральским женским библейс-ким курсам. Три недавно вступивших в брак женщи-ны, Мария, Сара и Хлоя, собирались принять в них участие. Мужья решили сопровождать их, чтобы по-мочь им донести вещи в Дубовую равнину. Третий брат находился в отлучке: он путешествовал по ущелью, поэтому Лузенга попросили заменить его в качестве преподавателя. Трое учениц библейских курсов с не-терпением ждали назначенного срока, но в долгождан-ный день в горах вдруг разразилась метель. Так как у людей племени лису нет ни зонтиков, ни тёплых паль-то, маленькой группе пришлось задержаться. Они очень скоро промокли бы насквозь - а лису очень боятся простуды. Делать было нечего, приходилось ждать, пока погода улучшится. Как горячо молились они в воскресный день! Однако небо по-прежнему было затянуто тёмными тучами. Лузенг отправился
раньше и потому уже находился в Дубовой равнине, помогая маме в подготовке к курсам. Весь день Ма-рия думала о своём муже. Как он будет разочарован, что она не смогла вовремя прийти! Они оба так радо-вались этому первому совместному пребыванию в биб-лейской школе! Лузенг даже обещал Марии помочь ей приготовиться
к проповеди, когда настанет её черёд говорить в большом послеобеденном богослужении общины. Сможет ли она вообще попасть туда? Пер-вый день занятий на другом конце ущелья уже подхо-дил к концу, а плохая погода может сохраниться ещё
несколько недель, в феврале это бывает часто.
На следующее утро небо всё ещё хмурилось. Вы-соких горных вершин вообще не было видно, они пря-тались за тёмным покрывалом облаков. Расположен-ные ниже склоны гор также выглядели очень непри-ветливо; но маленькое общество больше не могло ос-таваться на месте.
Как прекрасно выглядела Мария, когда с покрас-невшими от усталости и холода щеками к вечеру она появилась в Дубовой равнине! Какой привлекатель-ной была её робкая улыбка, обнажавшая белоснежные зубы! Лузенг встретил своих земляков в церковной кухне. После того как он радостно приветствовал всех, он, казалось, просто не мог отойти от Марии. Снова и снова находил он какой-нибудь предлог, чтобы ока-заться поближе к ней.
В этом году число учителей возросло. Прибыла Ева Тзенг, дочь одного из китайских
пасторов, чтобы помочь маме в ведении хозяйства; одновременно она присутствовала
на уроках Библии, музыки и английс-кого языка. Её задача во время библейских курсов со-стояла в том, чтобы научить девушек искусству вяза-ния, которое до того времени было совершенно незна-комо жителям ущелья.
В первый вечер молодые люди после собрания долго сидели вокруг огня в спальне девушек, беседуя между собой. Ева хотела ближе познакомиться с каж-дой ученицей и подсела к ним. Вдруг послышались чьи-то шаги, и все бросились врассыпную. Вошла мама и с удивлением спросила Еву, что делали здесь молодые мужчины.
- О, они, за исключением Лузенга, приятно бе-седовали между собой! А Лузенг делал письменные упражнения, заполнив целую страницу одним-един-ственным английским словом: <Мария>. Почему он не написал ничего другого?
Ева удивлялась этому, но мама понимала его. Любовь должна каким-то образом проявляться, и как должно было ликовать сердце Марии, когда она виде-ла, как на бумаге снова и снова появляется её имя! Она, конечно, понимала этой безмолвный язык. Это был сердечный привет Лузенга ей одной.

В этом году к обычным дисциплинам добавились занятия по гигиене и уходу за детьми. Позже стало очевидно, насколько важным было это добавление. Лису, являясь анимистами, с детских лет были науче-ны, что болезнь является следствием укуса беса, что демона можно умилостивить только кровавой жерт-вой и таким образом победить болезнь. Когда же им начали говорить о действительных причинах заболе-ваний, о вирусах, которые наиболее сильно развива-ются в грязи и в темноте, эта информация произвела настоящую революцию в их представлениях и жизни. В этой сфере предстояло сделать ещё очень много, но всё же, сравнивая старые и новые фотографии, можно без труда заметить огромную перемену после этих за-нятий как в людях, так и в устройстве быта, особенно в Оливковой деревне. Совместная жизнь девушек из разных деревень, расположенных по всему ущелью, вне всякого сомнения, послужила существенному расши-рению их кругозора.

После торжественного праздника, устроенного в связи с экзаменами, Мария вынуждена была сразу же отправиться домой. Были запланированы новые заня-тия: двухнедельные библейские курсы для старших мальчиков, так называемые <курсы для пастухов ко-ров>. На эти занятия был приглашён и Тимофей. Во время его отсутствия забота о коровах ложилась на плечи Марии. Однако война чуть не помешала кур-сам. В эти дни шум то и дело пролетающих самолётов обострил страх людей - подтверждались слухи, что враг находится на расстоянии всего лишь двух дней пути. Разрешат ли родители при таких условиях поки-нуть своим детям деревни, чтобы принять участие в библейских занятиях? Если японцы приблизятся, то придётся вывести из строя паром, а в таком случае не-чего и думать о возвращении домой с западного берега. Все знали, что на месте переправы уже находились китайские солдаты, которые только ждали приказа об уничтожении парома. Поэтому все с большим напряжением ожидали наступления дня занятий. Этот день закончился радостной хвалой Богу - на курсы при-было тридцать шесть мальчиков. Обе спальни были заполнены, а двух мальчиков, пришедших последни-ми, даже пришлось поместить в доме мамы. Каким сча-стливым временем оказались дни этих занятий! Это было самое прекрасное время года в стране лису. Вер-шины гор сверкали серебром, а ещё влажная земля ото-гревалась под солнечными лучами. Персиковые дере-вья красовались своими нежными розовыми цветами и напоминали о другой, новой жизни, которая долж-на поселиться в сердцах этих 36-ти юношей. Тепло вес-ны, а также суровые внешние опасности подготовили почву молодых сердец к принятию Слова Божьего. И хотя курсы продолжались всего лишь две недели, поз-же эти распустившиеся почки засвидетельствовали о внутренней жизни воскресения.

Был даже проведён заключительный экзамен. Тимофею выпала честь руководить пением, а кроме того, он заслужил хорошее свидетельство. Когда он спешил назад, в свою Оливковую деревню, сердце его наполняла неведомая доселе радость и глубокое же-лание продолжать образование. До сих пор он вынуж-ден был проводить свою жизнь в тени знаний и даро-ваний Лузенга, что в определённой степени тормози-ло его развитие. Однако именно своему двоюродному брату он был обязан теми немногими знаниями и тем воспитанием, которые стали проявляться лишь в кру-гу его ровесников, а в присутствии Лузенга не могли проявиться. Он вдруг обнаружил, что и в нём есть спо-собность что-то делать, кем-то руководить. Позже Лузенг рассказывал маме, что после возвращения у Тимофея было так много впечатлений, что, когда он начинал рассказывать, никому не удавалось вставить в его рассказ ни словечка. Нетрудно представить ма-ленькую группу недавних учеников, которые сидят в поле вокруг костра и делятся впечатлениями, а пламя костра освещает их сияющие радостью лица.

То, что произошло с Тимофеем, в какой-то степени обогатило и Марию. Полевые работы всё больше перекладывались на их плечи, и, работая вместе, они часто повторяли наизусть стихи из Библии или пели знакомые песни.

1943-й год, который начался так радостно, к кон-цу принёс огромные, никому раньше неведомые труд-ности. В продолжение весенних и летних месяцев ки-тайские войска продвинулись до самой Бирмы, одна-ко в конце сентября противник снова вынудил их от-ступить в Китай. Заключив союз с языческими племенами,

проживающими у бирманской границы, япон-цы решили занять нижнюю часть ущелья и затем про-двинуться вглубь его.
В один из последних дней октября пришло извес-тие, что солдаты приблизились к Оливковой деревне. Никто не знал, к какой партии они принадлежали. В любом случае для лису это было недоброе известие. В страхе пастухи и полевые работники
возвратились со склонов гор в деревню. И вот длинная вереница сол-дат медленно приблизилась к деревне, а вскоре про-звучала команда: <Здесь разместятся китайские сол-даты. Ты и ты - вы оба - быстро нарвите травы для лошади командира!> Об отказе или промедлении не-чего было и думать, это грозило бедой для всех. Поз-же стало известно, что японцы расположились по дру-гую сторону горы, в Бирме, а следующая их группа находится на расстоянии двух дней южнее ущелья. Новоприбывший полк решил временно остановиться в Оливковой деревне, заняв, по причине отсутствия здесь свободных домов, жилища лису.
Командир медленно поднимался по тропе, кото-рая вела к дому Лузенга. Увидев новое строение, он быстро соскочил с лошади, вошёл в дом, осмотрел его со всех сторон, с одобрением отметив чистоту в доме и его просторность. Затем он объявил:
- Здесь будет мой штаб!
В страхе и смущении Мария прошмыгнула мимо солдат в дом, пытаясь в спешке собрать и вынести под дерзкими взглядами солдат постельное бельё, книги, одежду.
Но куда же ей идти со своими вещами? Адъю-тант командира уже занял для себя хижину Томаса. Ей не оставалось ничего другого, как унести все эти вещи в хижину
Лузенгма и разместить их на ящике с зерном в маленькой кладовой, расположенной около жилой комнаты. Однако и здесь уже были солдаты,
которые как раз обследовали кастрюли Лузенгма, что-бы <одолжить> что-то для приготовления пищи коман-диру. У них, практически, не было своей посуды, и они были вынуждены всё необходимое брать у лису. Но в ущелье нет лавок, где можно было бы купить другую посуду. За железными кастрюлями нужно было отправ-ляться в
китайский город, расположенный на рассто-янии четырёх дней пути, и на спине нести товар в де-ревню. Теперь о путешествии в город нечего было и думать, приближающиеся японцы отрезали все пути туда. Марии оставалось только беспомощно
взирать на то, как солдаты с аппетитом поглощали их еду. И лишь после того, как они поедят, она могла взять гряз-ные кастрюли и приготовить пищу для своей семьи. Несколько утешало то, что и другие жители деревни испытывали то же самое.
Эти солдаты были язычника-ми и потому бесчестными. Когда по прошествии дли-тельного времени они покинули деревню, обнаружи-лось, что исчез единственный
на всю деревню медный чайник, принадлежавший Марии. Но мы забегаем вперёд.
Командир выразил сожаление, но сказал, что вой-на есть война. Он пообещал позаботиться о том, чтобы солдаты вели себя подобающим образом. Если кто-то из жителей деревни обнаружит пропажу или солдаты будут плохо обращаться с ними, пусть об этом донесут ему, и он накажет виновных.
Когда вечером христианская община, по обычаю, собралась в часовне, пришло и несколько любопыт-ных солдат; они сели на задние скамейки, чтобы по-смотреть и послушать, что здесь будет происходить. Так как большинство из них не понимало языка лису, молодые люди начали перешёптываться между собой, рассказывая о своих
переживаниях.
- У вас отобрали дом, Мария? Что же вы теперь думаете делать: жить вместе с Лузенгма или перейдёте
в пещеру? В нашей маленькой хижине квартируют трое солдат, так что мне приходится спать на полу!
- В доме Лузенгма живут двое солдат,- ответи-ла Мария.- Они готовят для командира еду, и мы вы-нуждены каждый раз ждать, пока они покушают, что-бы потом
приготовить себе. Они, конечно, пользуются нашими дровами и нашими кастрюлями.

Я
вынуждена жить вместе с Лузенгма, Лузенгпа и Тимофеем.
- У вас хоть есть кладовка для хранения зерна и прихожая, где можно жить, если погода не слишком холодная!
- Да, конечно; могло быть ещё хуже!
- Неужели Лузенг отправится в Дубовую равни-ну на библейские курсы, оставив тебя
одну в таких ус-ловиях?
- Да, если нужно, он пойдёт. Я обещала никогда не препятствовать ему в этом! - ответила Мария.
При этом она опустила голову, чтобы никто не видел навернувшиеся слёзы. В этом году (1943) в пери-од дождей занятия в библейской школе были разделе-ны на три части, потому что у мапы и мамы в августе родился сын Денни. Оставалось всего четыре дня до начала ноябрьских курсов. Вечером, когда солдаты ушли и двери после них были затворены, Лузенгма вдруг затронула больной вопрос.
- Ты сейчас не можешь оставить нас и отправить-ся на библейские курсы,решительным
тоном обра-тилась она к сыну.
- Я молюсь об этом,- уклончиво ответил тот.- Солдаты не посмеют обидеть Марию, ведь их коман-дир живёт рядом. Он знает, что мапа очень любит нас, и до него обязательно дойдёт это. Меня больше бес-покоят другие христиане и особенно наша часовня. Она целыми днями стоит пустая, а сегодня вечером я заметил, что солдаты
тайком осматривали её.
- Однако мы подвергаемся большой опасности, и наше положение очень нелёгкое. Я думаю, тебе не сле-дует идти! - упрямо повторила Лузенгма.
Она обожала своего сына и хотела, чтобы он был при ней.
- Вы не подвергаетесь никакой опасности; по-чти сотня солдат будет охранять вас.
К тому же отсут-ствие одного человека в этой маленькой хижине озна-чает одним неудобством меньше,- ответил её непрек-лонный сын.
- Тебе нужно переправляться через реку, а назад ты уже возвратиться не сможешь!
Мария поняла, что её нежно любимый муж решил отправиться в путь.
На следующий день стало ясно, что Лузенг не на-прасно беспокоился о часовне. Он обнаружил там не-сколько солдат, которые сдвигали скамейки, чтобы разложить на них свои постели. И он решил пойти к их командиру. Вообще-то это было нелёгким делом - приблизиться к нему; даже его собственные солдаты приближались к нему, кланяясь на каждом шагу. Но ведь, в конце концов, этот офицер жил в его доме! И,
горячо молясь внутри, подобно ветхозаветному Не-емии, босоногий молодой лису попросил аудиенции у властелина.
- Ну, Лузенг, что ты хочешь? - встретил тот его.
- Господин, ты говорил, чтобы мы ставили тебя в известность, если твои солдаты будут в чём-то ущемлять нас. Некоторые из них заняли нашу часовню. Мне жаль, но этого мы позволить не можем. Они живут в наших домах, пользуются нашими вещами, и мы не возражаем, понимая, что идёт война. Но с часовней дело обстоит иначе. Она освящена; это то место, где мы поклоняемся Богу. Это единственное место, где
мы можем собраться для этой цели. Эта часовня нужна нам каждый вечер!
- Я разберусь в этом,- коротко сказал командир. Когда Мария черпала воду в роднике, она расска-зала бывшим там женщинам о том, что произошло, и вскоре все христиане деревни знали, что их часовне уг-рожает опасность и как Лузенг вступился за неё. Весь день они горячо взывали к своему Небесному Отцу, чтобы Он
помиловал их. В их домах совершенно не было места, куда они могли бы собраться для молитвы и чтения Библии. Все они переживали незнакомые им доселе трудно-сти. В одном доме пропала ложка, в другом курица. Всё это были вещи, изза
низкой стоимости которых никто не осмеливался пойти к командиру. Каждую хижину при-ходилось теперь держать под постоянным присмотром. В то время как Томас целый месяц путешествовал, про-поведуя в окрестных деревнях, солдаты, жившие в его доме, завладели его заметками, которые он тщательно собирал и

хранил в течение многих лет, и использовали их для курения. Это была невосполнимая утрата. Все они были написаны от руки. Каждый день люди лишались чего-то, испытывали скорби и переживания. Ещё не по-дошло время убирать гречиху,
но вскоре им нужно бу-дет на рассвете уходить в поле, потому что дни становят-ся
всё короче, как быть тогда? Утром приходилось ждать, пока покушают солдаты, и только потом завтракать са-мим. Но в одном все были едины: ежедневных молит-венных собраний ни в коем случае нельзя прекращать. Поэтому они взывали к Богу: <Господь, сохрани нам нашу часовню!>
В этот вечер часовня была переполнена. Христи-ане собрались в полном составе. Большей частью это были молодые люди до тридцати лет. После того как спели первую песню, вдруг показалась высокая фигу-ра командира. Он вошёл в часовню и поднялся на воз-вышение в сопровождении переводчика. Лузенг мол-ча уступил им своё место.
- Я говорил вам, жителям Оливковой деревни, что буду поступать по отношению к вам честно и спра-ведливо,- приветливо начал свою речь командир. Переводчик быстро и умело переводил китайские сло-ва.- Но все вы понимаете, что жить нам приходится ' в военное время и что ни для кого из нас жизнь не мо-жет быть такой
же удобной, как раньше. Моим вои-нам нужно где-то жить, и некоторые из них хотели бы приспособить для этого вашу часовню. Я не принуж-даю вас, но прошу тех, кто согласен передать нам эту часовню, пустующую целыми днями, поднять руки!
В помещении воцарилась мёртвая тишина. Ко-мандир напряжённо смотрел на собравшихся. Не ше-вельнулась ни одна рука. Несколько смутившись, ко-мандир повернулся к переводчику, думая, что тот не-верно перевёл его слова.
- Скажи им то же самое другими словами. Пусть поднимут руки те, кто не согласен предоставить нам часовню!
Тотчас поднялись все руки. Молодые лица были решительными, и руки ни у кого не дрожали. Было очевидно, что командира это рассердило. Однако, сказав, что он никого не хочет принуждать, он тем самым связал сам себя. Он шёл сюда, нисколько
не сомневаясь, что эти люди, чтобы завоевать его рас-положение, немедленно удовлетворят его просьбу. С суровым выражением лица он сказал:
- Ну что же... Пусть часовня остаётся за вами. Я отдам приказание.- С этими словами он покинул по-мещение.
С каким облегчением вздохнули все собравшиеся! Как они славили в глубине души Бога! Они знали, что в задней части часовни находились солдаты, ко-торые наблюдали за ними. Так в продолжение после-дующих длинных и трудных месяцев христиане Оливковой
деревни имели утешение - возможность совме-стного общения с Богом и друг
с
другом.
Прошло немного времени, и командир отдал вто-рое приказание: <Конец вечернего богослужения хри-стиан будет означать конец рабочего дня для всех жи-телей деревни. Каждый, кто появится на улице после того, как христиане разойдутся по домам, будет схва-чен, как шпион!>
С этого времени солдаты днём и ночью охраняли каждую тропинку, ведущую в деревню, поскольку враг находился лишь на расстоянии двух дней пути, а неко-торые его подразделения располагались по другую сторону горы.
Такой была обстановка, когда Томас и Лузенг отправились в библейскую школу. Мы можем не со-мневаться в том, что Лузенг нашёл время и возмож-ность поговорить с Марией, уверяя её в своей любви и оставив ей в утешение' библейский стих, который ему самому давал уверенность в том, что Бог сохранит его семью. Вечером тридцатого октября оба они уже си-дели в <доме милосердия> мамы и рассказывали ей о событиях в своей деревне.
Таким образом, на Марию легла вся ответствен-ность за тяжёлую повседневную домашнюю работу. Уже нужно было приступать к уборке гречихи, да и кроме того работы было много. Но Бог, Который обе-щал, что никто не будет подвержен испытанию сверх сил, послал ей особое утешение. Простившись с Мари-ей, Лузенг внутренне постоянно видел перед собой её спокойный и в то же время несколько

робкий взгляд. Поэтому сразу же после прибытия в Дубовую равнину он решил написать ей письмо. Письмо получилось длин-ным, на три страницы; в нём он выражал свою любовь к ней и к матери и просил прощения, если его уход был ошибкой. Письмо было подписано: <Твой нехороший Лузенг>. Мария спрятала письмо в карман куртки и постоянно носила его у сердца. Да, конечно, он иногда допускал ошибки, её неугомонный, упрямый Лузенг. Но нехорошим он не был, нет, нет!

Грохот далёкой пушечной канонады время от времени стал доноситься до деревни и пугал Марию. Ни разу в жизни ей не доводилось видеть пушку. Сол-даты говорили, что эти пушки принадлежат японцам, которые находятся на расстоянии трёх дней пути, на бирманском перевале. Это, видимо, громадное огне-стрельное оружие, если оно способно производить та-кой грохот, что его слышно в их деревне. Конечно, для птицы это расстояние было значительно короче, но у лису своё представление о расстояниях. От двух сол-дат, которые готовили пищу для командира, она ра-зузнала, что японцы уже находились бы в двух днях пути южнее от них, но другой их отряд застрял на пе-ревале. Это несколько успокоило Марию.

В эти тревожные дни новое событие принесло с со-бой радость и ободрение. Марфа, её сестра, также полу-чила <письмо любви>, и их старый отец дал согласие на помолвку. Правда, не обошлось без жалоб с его стороны, что он теряет вот уже вторую дочь, не получая за это ни-чего. Манассия, будущий жених, происходил из хорошей семьи, которая относилась к числу самых зажиточных в деревне. Он был сильным, высоким молодым человеком, и так как христианином он стал в пору ранней юности, то хранил себя в строгой чистоте. Вскоре они поженились. Между сёстрами возникли совсем новые, близкие отно-шения, которые уже никогда не нарушались. Манассия. доводился родственником Лузенгу, так что все радовались этим переменам. Марфа теперь жила недалеко от Марии, и для Марии было ободрением делиться с сестрой всеми проблемами. Благодаря этим событиям, дни, оставшиеся до возвращения Лузенга, пролетели быстро.

Однако солнечный свет в эти дни нередко омра-чался и тёмными тучами. Вскоре возникла новая уг-роза в лице человека по имени Цзао, появившегося в их деревне.

Этот человек заявил, что он прибыл по поручению правительства, чтобы основать здесь шко-лу, так как лису должны теперь изучать китайский язык. Вначале христиане не придали этому особого значения, ведь у них были собственные школы. Одна-ко этот человек активно взялся за дело, дав понять всем, как важно им усвоить китайский язык. Он лгал - просто это был удобный момент, чтобы набрать учеников, и он решил воспользоваться им. Более бла-гоприятное время трудно было и придумать, посколь-ку в домах лису проживали китайские солдаты, с ко-торыми они не могли разговаривать и которые не по-нимали их. Поэтому слова Цзао падали на благопри-ятную почву, и люди соглашались с тем, что им нужно учить китайский язык."

Так обстояли дела в деревне, когда Лузенг воз-вращался домой. Как он радовался возможности сно-ва быть вместе с Марией! Рано утром он отправился в путь и после обеда уже достиг своей деревни. Ему сра-зу же рассказали о Цзао. Он узнал, что никто из хрис-тиан не посещает его занятий, хотя тот предпринял всё, чтобы привлечь и их. Он даже приглашал их в гости, за обедом рисуя радужные перспективы, которые от-кроет перед ними знание китайского языка,- ведь при наличии этих знаний они смогут занимать правитель-ственные должности. Он даже обещал тем, кто будет посещать его школу, обеспечить в Тали бесплатное образование. Главное, чтобы они теперь получили в его школе элементарные знания.

Лузенг после обращения к Богу испытывал боль-шое желание получить хорошее образование. Мама и мапа знали об этом, но они уже не раз убеждались, как часто знание китайского языка оказывалось для христи-ан лису роковым. Местный правитель старался исполь-зовать грамотных лису в своих целях: для составления счетов, написания различных документов и т. п. Эти хри-стиане, практически, были

потеряны для дела Божьего. К тому же дворец правителя как правило представлял своего рода греховное болото, и далеко не каждый хрис-тианин мог длительное время противостоять искушени-ям и без вреда для души жить в этой атмосфере. Мама ещё раньше предлагала Лузенгу выучить английский язык, чтобы затем продолжить образование, но тот не-далеко ушёл в этой области. У Лузенга не хватало терпе-ния и усидчивости, он полагал, что можно обойтись без знания грамматики. Ему казалось, что достаточно про-сто заучивать слова наизусть. Но убедившись, что таким образом далеко не уйдёшь, он вообще прекратил зани-маться английским языком. Поэтому Цзао не показался ему чем-то опасным, во всяком случае, он решил хоро-шенько подумать над его предложением.
Единственным временем для обсуждения этого вопроса были поздние вечерние часы, когда солдаты отправлялись на отдых. В один из таких вечеров он заговорил о предмете, который последнее время вол-новал его. Он сидел посреди комнаты и жарил на го-рячей золе пшеничные зёрна. Лузенгма и Лузенгпа уже улеглись спать, а Мария отдыхала на ящике для зерна в заднем углу кладовки.
- Я почти решил на некоторое время прекратить проповедовать и заняться изучением китайского язы-ка,- наконец, как бы между прочим, сказал он. Ма-рия сразу же подняла голову и с напряжением стала вслушиваться.
- Я не могу продвигаться вперёд, пока знаю толь-ко язык лису. Большинство учебников написано на английском языке, но я понял, что никогда не смогу достаточно хорошо овладеть этим языком, чтобы чи-тать эти книги. С китайским языком дело обстоит иначе. Если я выучу его, у меня будет вся Библия. Сейчас я могу читать только Новый Завет. Кто знает, когда миссионеры переведут оставшуюся часть Библии! А если я овладею китайским языком, то не буду бояться проповедовать в отдалённых местах. В нынешних ус-ловиях, когда повсюду встречаются солдаты, которые то и дело допрашивают путников, я не отваживаюсь отправиться в дальние места. Я основательно всё обдумал и уже почти решил оставить всё остальное и ог-раничиться только изучением китайского языка.
Но теперь проснулась также и его мать и стала прислушиваться.
- Ты можешь делать это в своей деревне! - ска-зала она. Её радовала мысль, что он, благодаря этой учёбе, останется дома.- Господин Цзао будет счаст-лив заниматься с тобой!
- Может быть,- с ноткой нетерпения ответил Лузенг, сразу же угадав её тайные мысли,- но совсем скоро мне придётся отправиться в Тали, чтобы там в течение пяти лет продолжать учёбу. Я должен буду дать слово провести там полных пять лет, чтобы основатель-но овладеть языком, чего я, собственно, и хочу!
- Пять лет?! О нет, сын! Я умру, прежде чем ты вернёшься домой. Подумай только: я ведь старая женщина, мне уже шестьдесят два года!
На лице сына показалась лёгкая улыбка. Какое-то время он палочкой подвигал к себе поджаренные зёрна, брал их в руку и отправлял в рот. Затем сказал:
- Ты, мама, ещё совершенно здоровая и крепкая. Город Тали расположен на расстоянии всего лишь де-сяти дней пути отсюда. Если ты заболеешь, я сразу же приду домой. По такому случаю мне обязательно да-дут отпуск.
Старая женщина вздохнула.
- Но ведь ты женат. Ты ведь не намерен взять Марию с собой?
- Конечно, нет. В той школе нет женщин. К тому же, тебе нужна её помощь, и Мария будет скучать по дому. Нам придётся разлучиться на пять лет. Ей скоро исполнится девятнадцать лет. Мы оба молоды и при-надлежим друг другу, здесь всё в порядке. Детей у нас нет. Именно теперь самое удобное время для учёбы. Через пять лет Марии будет двадцать пять, а мне двад-цать девять - самое хорошее время для создания се-мьи. Я думаю, что если я хочу когда-либо отправить-ся на учёбу, то нужно делать это именно теперь.
Лёжа в маленькой, тёмной кладовке, Мария креп-ко прижала руки к сердцу, чтобы никто не услышал, как сильно оно бьётся. <У нас нет детей>,- сказал он. Да, это было так, но теперь?.. Лузенг пока ещё ничего не знает. Да и она лишь через

несколько месяцев смо-жет сказать что-то определённое. Что же ей теперь де-лать?

Пять лет не видеть Лузенга? Это же всё равно, что жить без солнца пять лет! Как же она вынесет это? Ти-хонько она снова опустилась на постель и стала молить-ся:

<Господь, я обещала никогда не препятствовать учёбе Лузенга. Теперь помоги мне! Пять лет! Как я буду жить без него? Да, дело обстоит так, как он сказал, и я благодарю Тебя за это: он принадлежит мне и я - ему, и изменить это бессильны любые обстоятельства! Дол-жна ли я сказать ему, что...? Может быть, это повлияет на его решение. Но я не осмелюсь. Если это не так, не будет ли он потом всю жизнь упрекать меня? Я стану препятствием к его образованию, а ведь я пообещала ему. Господь, дай мне сил вынести это!>

Спустя годы Лузенг как-то сказал о Марии: <Она с удивительной силой переносила испытания!> Но эта сила приобреталась только в молитве, она была даром Духа Святого. Как же должен был Великий Мастер любить этот Свой маленький опал! Огненные сер-дца, как ясный, прозрачный камень, покоятся в Его руке, где никто не может увидеть их. Как он любит каждое их движение! Они также чувствуют Его любовь и успокаиваются. <Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится...>

В последующие суровые дни Мария не раз испы-тывала мир и успокоение от Его прикосновений.

Приближался праздник Рождества. Праздновать его в Оливковой деревне в этом году было просто не-возможно, потому что солдаты полностью завладели нею. Нечего было и думать получить разрешение на то, чтобы большое количество гостей пересекло реку. Поэтому христианская церковь лису решила провести рождественскую конференцию в двух местах. Цитата из письма того времени поможет нам лучше предста-вить ситуацию.

<29 декабря 1943 г.

В ясное солнечное утро, незадолго до Рождества, ко мне прибежала взволнованная Ева. <Мама, иди ско-рее и посмотри! - кричала она.- Город Луханг го-рит!> Я выбежала за ней на улицу и увидела, что за горой, на противоположном берегу Салуина, высоко в небо поднялся столб дыма, затем второй и третий, пока наконец не показалось пламя. Луханг был глав-ным городом нашего округа, и японцы захватили его два месяца назад. В то время как мы стояли и смотре-ли, вдруг донёсся грохот пушек, и мы поняли, что бит-ва в полном разгаре.

В последнее время бои шли внутри ущелья, и мы слышали глухой рокот орудий, который, казалось, доносился издалека. Луханг расположен примерно на том же уровне, что и Дубовая равнина, но по прямой до него было всего несколько миль, и потому канона-да была слышна так ясно. Высокие горные пики отра-жали звук, посылая его к окружающим нас горам, пока этот смертоносный грохот, подобно раскатам грома, не достигал наших ушей. Это было ужасно.

Всё утро мы паковали вещи, необходимые для бегства. На следующий день мы увидели ещё большее пламя, но уже с другой стороны, и это утро мы также провели в бесплодных мыслях о бегстве. В какую сто-рону бежать?! Когда наконец всё успокоилось и сол-даты сказали нам, что враг отступил, мы начали рас-паковывать свои вещи. Такой была жизнь в то воен-ное время.

Однако после этого мы праздновали Рождество. Поскольку пересечь реку можно было лишь с разре-шения военных, христиане Оливковой деревни вынуж-дены были праздновать вместе с церковью из Санда-лового Дерева, а мы - в Дубовой равнине. Обе дерев-ни находятся в непосредственной близости от Лухан-га. Поэтому мы удивились, как много гостей решилось прибыть на праздник. Третий брат чувствовал себя немного нездоровым после обострения ревматизма. Поэтому мапа решил принять участие в праздновании Рождества в Сандаловом Дереве, а Третий брат - на этой стороне реки>.

Луханг расположен на расстоянии одного дня пути от Оливковой деревни, это составляет приблизи-тельно тридцать три мили. Сообщение о пожарах в городе и о

перестрелке Мария получила от разведчи-ков командира. На этот раз, кажется, китайцы побе-дили. Поэтому она вместе с Лузенгом и другими мо-лодыми людьми приготовилась пойти на праздник в Сандаловое Дерево. Там они вместе со ста двадцатью другими гостями пережили чудесные дни. Лузенг с не-терпением ждал подходящего момента, чтобы поделиться
с мапой своими планами. Наконец тот освобо-дился, чтобы выслушать его. Он
не показал виду, что честолюбивые планы Лузенга испугали его.
- Цзао - язычник,- подумав, медленно произнёс он,- и мне неприятно, что ты хочешь заниматься у него. Ты не выдержишь долго в языческом окружении. Поче-му бы тебе не посещать христианскую школу в Дубовой равнине, чтобы учиться под руководством господина Янга? Правда, тебе придётся сидеть рядом с шестилет-ними мальчиками, но это будет длиться недолго, ты бы-стро обгонишь их. Было бы хорошо
начать с самого на-чала, чтобы заложить прочное основание. Если ты про-работаешь
начальные книги, то будешь хорошо подго-товлен к дальнейшему образованию. У Китайской внут-ренней миссии есть в Тали больница. Ты мог бы пять лет провести там, чтобы основательно изучить китайский язык. Мне кажется, это лучший вариант.
Лузенг был счастлив. Он ожидал, что мапа вооб-ще отвергнет его планы. Близились к осуществлению его радужные мечты об учёбе, о путешествиях в отдалённые области, о новых знаниях. Когда маленькая группа христиан Оливковой деревни спускалась по кру-тому склону горы, возвращаясь домой, он казался са-мым радостным и разговорчивым из всех. Мария оза-боченно наблюдала за ним. Она уже достаточно хоро-шо знала своего Лузенга, к тому же, она видела его бе-седующим с
мапой. Видимо, мапа одобрил его планы, иначе Лузенг не был бы таким радостным. Сегодня вечером она узнает об этом. Так оно и случилось.
Тяжелее всех пережила новость Лузенгма. Она очень хорошо знала, что никогда не сможет отговорить своего сына от принятого им решения. Она надеялась, что он, по
крайней мере, на год останется в деревне, чтобы учиться здесь под руководством Цзао. Но те-перь, оказывается, ему нужно сразу же собираться и
отправляться в Дубовую равнину. Она жаловалась и вздыхала, но никто не обращал на неё внимания. Ма-рия тоже готовилась к февральским занятиям в биб-лейской школе. Она, по крайней мере, сможет этот месяц провести вместе с мужем в Дубовой
равнине:
Лузенг - в китайской школе, а она - на библейских курсах. Он обещал помочь ей подготовить текст для воскресной проповеди.
Вести с фронта были не утешительные. Японцы снова захватили Луханг. В Оливковой деревне по-пре-жнему стояли китайские солдаты. Лузенг, полный ра-дужных надежд, с радостным сердцем отправился в путь, чтобы начать изучать китайский язык. Скоро и Мария последует за ним в Дубовую равнину, на биб-лейские курсы.
Эти курсы должны были начаться пятого февра-ля. Мапа через солдат сообщил ученицам, что они с Лузенгом будут ожидать их на берегу реки и сопро-вождать при
переправе на другую сторону. Он уже выхлопотал всем им разрешение на переправу. Вскоре маленькая группа женщин Оливковой де-ревни радостно отправилась в путь. У
Сары и Хлои недавно родились малыши, поэтому они не смогли на этот раз заниматься. Зато захотела учиться Марфа. Мария, Рахиль и Лидия уже в третий раз отправля-лись туда, а Рода, Анна, Мариам и Сусанна - впер-вые. Восемь девушек только из Оливковой деревни! Достигнув берега реки, они, в ожидании девушек из Сандалового Дерева и Малой деревни, наслаждались привалом на скалистом берегу. Вскоре они заметили на восточном берегу мапу и Лузенга и начали пере-крикиваться
с ними. Когда от противоположного бе-рега отчалил плот, в последний момент Лузенг запрыг-нул на него. Да, он знал толк в гребле, и боцман был рад его помощи. Вдруг на середине реки стремительное
течение подхватило слабое судёнышко и повлекло его вниз. Девушки, которые

впервые осмелились отправиться в такое путешествие, очень испугались, но Марии и
её подругам удалось успокоить их. Вско-ре судно достигло скалистого берега, и паромщик, под громкие крики пассажиров, привязал его.
Лузенг первым перепрыгнул через канат на берег. Он поздоровался со всеми за руку
и сразу же дал не-сколько советов.
- Ожидайте спокойно, пока все высадятся, и только потом садитесь сами. Смотрите
не трогайте вёсла, так как моряки говорят, что это чревато несчастьем!
Как они все были счастливы! Сколько им нужно было рассказать друг другу! Каждый хотел в первую очередь посмотреть на маленького сына мамы. Они слышали, что у него красные волосы, и просто не мог-ли представить, как выглядят красные волосы
на го-лове человека. Лузенг, который находил в этом удо-вольствие, однажды даже смог искупать его.
- Что ты говоришь?! Искупать? Ты, видимо, ду-маешь, что достаточно побрызгать на
него водой, как это делаем мы?
- О нет,- отвечал Лузенг,- вода покрывает всё его тело, до самой головы. Но вода
тёплая, мама сперва подогревает её!
- О, как это ужасно! - воскликнула одна из де-вушек.- Бедный малыш!
- Ничего подобного! - засмеялся Лузенг.- Он нисколько не боится. Наоборот, он любит купаться, болтает ногами, брызгается и кричит, когда его выни-мают из ванны!
Тут было о чём поговорить. Каждый ли день его ку-пают? Не простуживается ли он? Что, он никогда не будет болеть? Чудесам белых людей нет конца! Никто из деву-шек в этот день не заметил, каким крутым был подъём.
Белый малыш занимал их мысли на протяжении всего пути, пока они не прибыли в Дубовую равнину.
Мама использовала этот интерес, чтобы продол-жить занятия по уходу за детьми. Каждое утро три или четыре девушки наблюдали за тем, как маленького Денни купали, затем пеленали, клали в корзинку мес-тного производства, которую затем ставили в тени ветвистого дуба. В этой части ущелья никому из мест-ных жителей не придёт в голову укладывать ребёнка спать одного. Это также дало обильную пищу
для удивления и всевозможных замечаний. Во время заня-тий подчёркивалась важность правильного питания, своевременного сна, свежего воздуха и чистоты. Каж-дая мысль была совершенно новой. Во всех этих бесе-дах мама преследовала цель, которую Павел характе-ризует словами: <Преобразуйтесь обновлением ума вашего>. Тем самым преодолевались тайные язычес-кие понятия и обычаи, которым несознательно следо-вали и христиане. Раньше, как только разговор захо-дил о рождении ребёнка, девушки или хихикали, или стыдливо опускали взор. И то, и другое, конечно, не соответствовало библейскому взгляду. Дети - это дар Божий, и
подруги не должны были избегать молодую мать, как принято у язычников, как будто
она совер-шила что-то плохое. Скорее, они должны радоваться вместе с ней, ведь Бог доверил ей маленькую жизнь, чтобы она воспитала её для Него.
Чтобы достигнуть цели, мама сочинила подходя-щую песню, основной мыслью которой было: <Отку-да ты, дитя, пришло?> Тем самым мысли учениц биб-лейских курсов направлялись в сторону чистоты и цен-ности маленькой жизни, дарованной Богом.
Мария, о тайне которой мама ещё не знала, радовалась этому. Разве мама не помогла бы ей ещё больше, если бы она знала эту тайну? Для мамы было большой радостью
поднять драгоценную маленькую жизнь на такую вы-соту, чтобы каждый действительно
мог увидеть в ней дар Божий.
Мария, благодаря этим занятиям, получила боль-шое благословение и в духовном отношении. На этот раз проходили третью главу Первого послания Петра и, в частности, остановились на тексте <Так некогда и святые жёны...> Каждая ученица

получила от мамы образ какой-то библейской женщины для подготовки к празднику по случаю окончания занятий. Они долж-ны были извлечь из жизни этой <святой жены> хотя бы одно поучение. Для Марии стало чем-то совершенно новым то постоянство, с которым библейская Ма-рия предпочитала духовные вопросы всему остально-му, а также осознание ею важности тихого времени преклонения перед Богом. Она знала, что Лузенг тща-тельно соблюдал тихий час общения с Богом, но ни-когда раньше не понимала важности и ценности это-го. Библейская Марфа настаивала на том, что мате-риальные вещи, как, например, хороший обед, имели такое же значение. Но Иисус встал на сторону Марии и сказал: <...одно только нужно. Мария же избрала благую часть>. Мария из племени лису также избрала благую часть и больше уже от этого не отступала. На протяжении последующих шести лет перемены в её жизни и влияние её на других были очень заметны в сравнении с её соученицами, которые не проявили по-стоянства и вскоре возвратились к образу жизни Мар-фы. <Оставьте её, она доброе дело сделала для Меня>,- говорит Господь. Никогда не будет ошиб-кой поступать по Его Слову; это верно и в наши дни.

Возвращение домой не было таким же солнечным, как путь в школу. Словно серое облако опустилось на Марию, прогнав улыбку с её лица. Лузенг разошёлся во мнениях со своими учителями, после чего оставил занятия в китайской школе под руководством господина Янга и возвратился в Оливковую деревню, где ; он мог делать, что хотел. Мария восприняла его поступок как позор и оттого мучилась. Она знала его резкость, которая быстро сменялась глубоким раская-нием, когда он приходил в себя. Конечно, она была рада, что он снова дома, только лучше бы это произош-ло при других обстоятельствах. Она не знала точно причин разногласий и понимала, что в переполненной маленькой хижине, в присутствии солдат, которые уже немного понимали их язык, не будет возможности поговорить и выяснить всё. Ей приходилось терпеть и ждать, пока ей скажут суть дела. Может быть, Лузенг уже отказался от своего плана учиться далеко от дома? Свою тайну она не сможет вечно держать в себе. Обрадуется ли он, когда узнает? Не рассердится ли? И снова она тихонько удалялась на своё место в малень-ком крестьянском домике, незаметная, верная, посто-янно стремящаяся угодить другим и внимательная к малейшим переменам, которые происходили в горячем сердце её возлюбленного.

Лузенг много времени проводил в общении с Цзао. Дома он был вспыльчивым, а лицо его мрачным. Её Лузенг не был счастлив - в этом у Марии с перво-го же дня по возвращении не было сомнений. Он по-стоянно говорил о своём намерении отправиться в Тали и остаться там на пять лет; к тому же он угово-рил некоторых из своих земляков подписать, подобно ему, соответствующий договор. Иасон, Манассия, Ге-деон и другие заявили о своей готовности идти с ним. Они также ежедневно занимались с Цзао.

Недавно на долю Лузенга выпала неожиданная честь. На деревенских выборах язычники вместе с хри-стианами возложили руки на его голову в знак того, что они желали бы видеть его в качестве старосты деревни.

Лузенг, которому только исполнилось двадцать пять лет, и вдруг староста!

Мария не помнила, чтобы кто-либо из жителей деревни был избран на эту долж-ность в таком возрасте. Лузенг отказался, но с этого времени стал выше держать голову, и Мария в глуби-не души переживала за него. Он уже не так строго, как раньше, относился к тихому времени общения с Гос-подом. Спокойно и робко Мария пыталась помогать ему; она привела в порядок его Новый Завет и при каждом удобном случае старалась напомнить ему о важности ежедневного тихого общения с Господом, которое может предохранить от неверных жизненных шагов. Сама она старалась иметь это тихое время но-чью, после всех дневных забот. Но сердце её постоян-но - и утром, и днём, и вечером - посылало к небу горячую мольбу о своём возлюбленном Лузенге. Два дня спустя после возвращения домой она услышала уди-вительную

новость: в имении правителя находились американские солдаты! Американская армия, которая длительное время выжидала, прежде чем перейти в на-ступление, снова была оттеснена. Мапа предложил по-слать в Оливковую деревню группу врачей для оказа-ния помощи солдатам, которые заболели малярией. Ко-мандир согласился с этим предложением, и вскоре те прибыли в деревню. Неделю спустя, когда Мария воз-вращалась домой с поля, она услышала во дворе анг-лийскую речь.
- Неужели мапа здесь? - спросила она удивлённо. Лузенг, который только что вышел из курятника, держа в руках собранные им яйца, ответил:
- Нет, это американские солдаты. Они пришли сегодня утром с фронта и должны разместиться в на-шей деревне. А тебе показалось, что это голос мапы? - спросил он, и лицо его просветлело. Как давно Марии недоставало этого света! - Мне жаль, что они вынуждены питаться только китайской пищей. Белые люди плохо переносят местную еду. Мама, отнеси эту курицу и эти яйца! Пусть они приготовят их на завтрак. Китайские солдаты кушают, когда солнце уже поднялось высоко, а белые люди не привыкли так долго ждать.
- Но ведь их же снабжают продуктами,- возра-зила мать.
Куры и яйца в те дни представляли большую рос-кошь. Солдаты брали себе то, что им нравилось, и пла-тили столько, сколько считали нужным.
- Я слышал, как один американский солдат ска-зал, что голоден. Он, конечно, не предполагал, что я немного понимаю английский.- Лицо Лузенга снова просветлело.Они так напоминают мне мапу! Их са-поги скрипят так же, как сапоги мапы.
Его жена снова внимательно посмотрела на него. Он любил мапу, и она была уверена, что в глубине души он переживал о разрыве, который произошёл между ними из-за его неожиданного бегства. Она умо-ляла Господа, чтобы это состояние длилось недолго. Её молитва была услышана скорее, чем она могла пред-полагать.
Как и в прошлом году, после библейских курсов для девушек такие же курсы должны были состояться и для молодых парней, и Томас должен был помогать при этом в качестве учителя. Однако, когда Томас стал добиваться разрешения на переправу через реку, так как мапа участвовал в какой-то конференции и пото-му не мог позаботиться о нём, Цзао отказался выпи-сать ему соответствующий документ. И так было не только с Томасом. Остальные одиннадцать молодых ребят с западного берега реки, которые изъявили же-лание заниматься на библейских курсах, получили подобный отказ. Приближался день начала занятий, но никакой возможности переправиться не было. То-мас, зная, как мало учителей было в этом году в рас-поряжении мамы, очень переживал об этом и попро-сил Лузенга молиться вместе с ним об этой проблеме.
Как-то утром Мария увидела, что Лузенг скло-нился в углу хижины над своим письменным столом. Она слышала, что на тот берег реки должен быть по-слан человек, и предполагала, что Лузенг пишет пись-мо для мамы. Какую радость доставил бы он ей, если бы она знала, что это было письмо раскаяния, в кото-ром Лузенг просил прощения за свой поспешный уход и в котором сообщал, что с того момента он пережил самые несчастные дни в своей жизни. Он больше не мог выносить совместной учёбы с язычниками и их грязных разговоров. К тому же он понял, что ввёл в искушение и других, так как Цзао настолько обнаг-лел, что стал приглашать к себе на обед христианских девушек, и был очень недоволен, когда они отказыва-лись. Во всех отношениях это было безрадостное вре-мя для него. Во время прибытия американских солдат его сердечная тоска достигла апогея. <Всякий раз, ког-да они разговаривают друг с другом,- писал он,- мне кажется, что я слышу голос мапы, и, когда я слышу скрип их кожаных сапог, мне кажется, что приближа-ется мапа. Я всё яснее сознаю, что не прав, и всё глубже чувствую тоску по нём>. Далее он объяснил, поче-му не смог прийти Томас. На другой

стороне Салуина мама переживала особые трудности. С ней не было ни мапы, ни Третьего брата, чтобы помочь ей. Она со-гласилась на проведение этих курсов при условии, что Томас возьмёт на себя некоторые предметы. На курсы прибыло больше тридцати молодых ребят, а Томаса не было. Она догадывалась о причине его отсутствия, и письмо Лузенга только подтвердило её предположе-ние. Вскоре ей удалось установить связь с американской
частью, так как некоторые из них нередко появля-лись здесь - то попить чаю, то к обеду, то по другим причинам. Поэтому посланец из Оливковой деревни вскоре принёс туда нужный документ, и уже на следу-ющий вечер Томас и трое учеников появились в Дубо-вой равнине, а с ними явился и Лузенг. Его лицо сияло прежним светом, когда он рассказывал о своих пере-живаниях.
- Теперь я знаю,- доверительно признался он,- что поступил вопреки воле Божьей, когда оставил своё служение Ему, и надеюсь, что никогда не забуду этого урока!
Когда таким образом все недоразумения были улажены и восстановлены прежние отношения, он ещё раз рассказал, как рад, что в их деревне находятся аме-риканские солдаты.
- Я думаю, что среди них есть христиане и они хотели бы сказать нам об этом. Когда мы пели в ча-совне, один из них - высокий, с красными волосами - подошёл поближе и стал вместе с нами петь, только по-английски. Мы подумали, что он хочет этим пока-зать нам, что он тоже является христианином. Мы все радостно засмеялись и протянули ему руки!
Позже маме было интересно услышать американ-скую версию этого события. Высокий (выше шести футов) американский капитан рассказал ей: <Подумай-те только: они пели песни, которые мы разучивали дома, в воскресной школе. Поэтому я подошёл к ним и стал петь с ними!> Так что обе стороны были рады этому.
Библейские курсы для мальчиков закончились очень радостно, так как не только Томас, но и Лузенг помогали в занятиях, к тому же неожиданно для всех возвратился Третий брат, с радостью приняв на себя свою долю ответственности.
После заключительного дня Лузенг возвратился домой, к Марии. Его лицо сияло, как
и прежде, так как с его души свалился тяжёлый груз. Однако проще-ние далеко не всегда означает, что можно обойтись без наказания. Когда Цзао услышал о решении Лузенга, он сильно разгневался.
- Ты не можешь просто так аннулировать своё обещание. У меня хранится расписка, которую ты дал правительству, и не только ты, но и пятеро других. Это государственное дело, и я потащу тебя в суд!
Встретив как-то Марию, шедшую к роднику, он закричал:
- Или ты повлияешь на своего мужа, чтобы он изменил своё мнение, или ему будет плохо!
После чего маленькая женщина, опустив голову, поспешила с этой вестью домой. Но Лузенг не дал себя так легко запугать. Чем больше Цзао угрожал, тем упорнее он противостоял ему. Позже вся церковь ис-пытала на себе притеснения с его стороны.
Мапа всё ещё находился в отлучке, и Цзао прак-тически мог делать, что хотел. Он отказывался выпи-сывать христианам разрешение на переправу через реку и днём и ночью угрожал Лузенгу. Иону, который состоял на правительственной службе, он обвинил в корысти, так как тот, исполняя приказ чиновника, пользовался лошадью. В связи с этим обвинением Иона был брошен в тюрьму. В военное время совсем нетруд-но было обвинить кого-либо в предательстве, что влекло за собой смертную казнь. О, как молилась малень-кая группа христиан каждый вечер в своей часовне!
Цзао угрожал, что следующим будет Лузенг. Лузенг сомневался, что обыкновенный школьный учитель в состоянии много сделать, но Марию угрозы Цзао не-мало пугали.
Подошло время доверить мужу драго-ценную тайну, что её ожидает счастье материнства, и
его радость по этому поводу была для неё живитель-ным бальзамом.
В конце мая опасность для Лузенга стала настоль-ко очевидной, что Мария и его мать стали просить его бежать на противоположную сторону реки и некото-рое время
оставаться там. Мапа уже возвратился. Од-нажды он пригласил Лузенга к телефону. Между ки-тайским штабом и отрядом солдат в Оливковой дерев-не была установлена телефонная связь. Для лису это было ещё одним чудом. Значит, люди, находящиеся

друг от друга на расстоянии дневного пути, могут по проводу разговаривать друг с другом! Когда прибыл солдат, чтобы позвать Лузенга к аппарату, сердце Ма-рии, а также Лузенга, наполнилось чувством гордости. Солдат сказал, что с ним хочет говорить мапа. Это был первый случай, когда Лузенг пользовался телефоном, однако он сразу же узнал голос мапы, который пригла-шал его прибыть на некоторое время в Дубовую равни-ну. Лузенг получил паспорт и отправился туда. Для Марии это было ответом на молитву.

Цзао, который утратил всякую надежду привлечь Лузенга на свою сторону, обратил теперь внимание на христиан, которые жили далеко от мапы. В деревне Ла-мех церковь лису также открыла школу, преподавателем которой был знающий китайский язык человек из пле-мени лису, по имени Тит. Цзао принялся за эту школу и приказал закрыть её. Тит был брошен в тюрьму и там избит. Затем Цзао выслал его в Дубовую равнину к мапе, пригрозив убить, если он осмелится возвратиться назад.

Когда Тит прибыл в Дубовую равнину, занятия в библейской школе уже начались. Мапа, возвратившись, привёл с собой одну китаянку, мисс Констанцию Цзех, которая была известна как очень хорошая учительни-ца библейских школ. Мапа переводил её, и благовест-ники из племени лису с большим удовольствием пользовались её яркими восточными иллюстрациями. Лузенг писал домой длинные вдохновенные письма, и Мария отвечала ему. Однако нередко случалось, что Цзао брал её письма и приказывал перевести их. Китайский сол-дат, который должен был делать это, как-то заметил:

<Да это же просто любовные письма, адресованные мужу, почему ты так сердишься?>

Бедная Мария! Она смущённо опускала голову, видя, как её письма откры-то читались другими. Но она продолжала писать Лу-зенгу. Когда командиру нужно было отослать свои пись-ма через реку, он обычно использовал для этой цели кого-либо из жителей деревни, и как только Мария уз-навала об этом, она поздно вечером старалась сунуть ему маленькую записку. Поскольку вся деревня - и язычники, и христиане - любили Марию, посыльный прятал её записку в складки своего тюрбана и незамет-но проносил на другую сторону реки.

17 августа Мария родила ребёнка. Маленькой маме кроме Лузенгма да тех советов, которые она получила на библейских курсах, никто не помогал при родах. Однако и мать, и ребёнок (это был мальчик) были здо-ровы. Малыш оказался совсем маленьким. Лузенгма была в восторге, и даже старый Лузенгпа, когда ему наконецто было позволено войти в хижину, просиял широкой улыбкой на морщинистом лице. Молодому отцу, находящемуся в Дубовой равнине, ничего не со-общили. Языческие обычаи всё ещё держали в своём плену даже и христиан. Наконец Лузенгма, как бы меж-ду прочим, сообщила своему сыну об этом событии. Малышу уже было двенадцать дней от роду, когда Лу-зенг впервые узнал о его существовании.

Лузенг старался никому не показывать своей ра-дости, но всё же блеск в его глазах и то, как он закиды-вал назад голову, всем, кто знал его, красноречиво говорили о его чувствах.

- Неужели тебе не хочется вернуться домой? - удивлённо спросила мама.

- В этом нет необходимости,- с напускным равнодушием ответил Лузенг. Затем он добавил:- Я просил мапу дать ему имя.

- И как же его назвали?

- Он предложил назвать его Павлом, но мне ка-жется, что это уж слишком. Сам я дал бы ему более скромное имя.

- Глупости! Совершенно правильно назвать его Павлом. Так что ты теперь Павелпа, а Мария - Па-велма! Не так ли?

- Нет, нет! - возразил Лузенг.- Я не хочу, что-бы нас называли так. Лучше сохранить свои христи-анские имена.

Люди племени лису крепко держатся обычая на-зывать родителей по имени ребёнка, но Лузенг и слы-шать не хотел об этом. Никогда мама не слышала, что-бы его звали

так.

Несколько дней спустя ранним утром Лузенг по-явился у дверей мамы.

- Мне нужно возвратиться домой,- сказал он и протянул ей письмо,- прочитай!

Мама читала: <Дорогой Лузенг! Я надеюсь, что у тебя всё хорошо. Все братья и сёстры шлют тебе при-вет. Наш сын родился семнадцатого августа, когда первые лучи солнца заглянули в окно нашего дома. Бог дал мне силы, и твоя мать помогла мне. Малыш по-хож на меня. Меня это огорчает. Возможно, когда он подрастёт, то будет похож на тебя.

До недавнего времени ничего особенного не слу-чилось, но сейчас ребёнка рвёт, и он ничего не ест. Мы не знаем, в чём дело. Он всё худеет и худеет; родив-шись, он весил всего четыре фунта. Я не прошу тебя вернуться домой, но мы боимся, что ребёнок умрёт.

Он такой крошечный! Будь счастлив. Не переживай за меня, я только хочу, чтобы ты увидел нашего малы-ша, прежде чем он умрёт. Будь здоров. Оставайся с миром. Пишет тебе та, которую ты любишь>.

Из содержания письма ясно видно, какой масте-рицей писать письма была Мария. Никто не мог уп-рекнуть её, что она хотела оторвать Лузенга от биб-лейских курсов и позвать домой. Она просто косну-лась струн его души, и он уже не мог оставаться вда-ли. Пока Лузенг собирался в дорогу, мапа выписал ему паспорт, необходимый для переправы через реку. Но прежде чем покинуть Дубовую равнину, Лузенг попро-сил у мамы лекарств. Мама уже при чтении письма начала обдумывать, что могло послужить причиной болезни. Она дала Лузенгу необходимые указания, и тот отправился в путь.

Можно вообразить его прибытие домой! Как би-лось его сердце, когда он спешил по знакомой тропе и когда он наконец увидел свою деревню, в которой жила его любимая! Каким робким и смущённым выг-лядел он, заходя в свой дом! В доме никого из посто-ронних не было, и он взял малыша на руки. Видно было, что тот действительно болен. Но предпринятые им сразу же меры не были безуспешными. Уже на сле-дующий день наступило улучшение. Какая радость! Лузенгма всюду рассказывала, как Лузенг спас жизнь маленькому Павлу.

Восхищённый отец внимательно разглядывал малыша. <Лицом он похож на Марию, хотя ручки его похожи на мои руки,- писал он маме.- Я думаю, что он красивый мальчик.

У него ещё нет волос, только лёгкий пушок на головке!>

Теперь мы на время оставим счастливых родителей.

Мапа, мама и маленький Денни отправились в отпуск на родину. Третий брат остался у лису, и это было для них большим утешением. Однако было не-легко отправлять письма через границу, поскольку война ещё не закончилась. Ни один из цензоров не знал письменности лису.

Конечно, им писал Третий брат, и когда мама спросила его о Лузенге и Марии, он ответил: <Они очень счастливы. Мария и старая мать Лузенга рабо-тают в поле, в то время как Лузенг путешествует вок-руг и проповедует. Он разочаровался в своём новом доме, после того как его покинул проживавший там командир, и теперь строит новый, недалеко от часов-ни. Должен сказать, что Лузенг является гордостью обеих женщин, Марии и старой матери. Павел растёт и очень не любит, когда его умывают>.

Итак, мы на несколько лет оставим эту малень-кую хижину на склоне горы, которую Бог одарил боль-шим человеческим счастьем.

Глава 6
Высшее искусство шлифовщика камней

Самый великолепный и известный в истории ка-мень был однажды подарен королю Англии, который послал его в Амстердам на обработку. Камень пере-дали самому

искусному ювелиру. И что вы думаете, тот сделал с ним? Он взял бесценный камень и сделал на нём зарубку. Затем он ударил по нему своим инстру-ментом, и, о ужас,
в его руке оказалось два куска... Мастер неделями готовился к этому удару, изучая ка-мень. Тот удар был вершиной его мастерства... И хотя казалось, что он этим ударом разрушил драгоценный камень, в действительности было наоборот, так как из двух половинок получилось два чудесных брилли-анта, которые позже засияли
в королевской короне.

Из этой главы вы узнаете об одном ударе, кото-рый, казалось, должен был уничтожить драгоценный камень, но в действительности он означал нечто совер-шенно обратное. Даже в самых больших драгоценных камнях, известных миру, содержатся изъяны и недостат-ки, когда они извлекаются из недр земли ещё необрабо-танные. Чтобы они стали действительно знаменитыми, мастер должен тщательно изучить их и затем разбить. Любовь Марии к Богу длительное время была смеша-на со слабым элементом человеческих чувств. Требова-лось удалить его, чтобы её служение Богу стало более действенным. Вначале на неё большое впечатление ока-зала любовь Лузенга к Богу, и в последующие годы её благоговение
перед Богом смешивалось с благоговени-ем перед Лузенгом. Нужно было исправить это, так как в противном случае это могло привести к тому, что при падении одного мог не устоять и другой. Поэтому Ве-ликий Шлифовщик камней, хорошо изучив все тонкости строения камня, пришёл к выводу, что настало вре-мя нанести удар. Он сделал это не Своей собственной рукой (аналогия здесь не совсем
точна), а просто пре-доставил человеческой природе самой сделать это. Но, несомненно, всё происходило под Его контролем.

Когда закончилась война с Японией, миссионер-ки со своими детьми не сразу смогли
возвратиться на-зад. Первыми в ущелье вернулись некоторые из муж-чин, и среди них мапа. Церковь лису сердечно привет-ствовала его. Мапа посетил окрестные деревни. Затем он сообщил христианам, что миссионерское общество поручило ему предпринять длительное путешествие, чтобы исследовать всю провинцию и выявить не
ох-ваченные ещё евангелизацией племена. Он пригласил Лузенга и некоторых других братьев сопровождать его, и те с радостью согласились. Путешествие длилось семь месяцев. Когда они наконец возвратились назад, вместе с ними прибыла мама и маленький Денни. Не-которые из учениц библейской школы вышли им на-встречу, но Мария не смогла принять в этом участия, поскольку дома не могли обойтись без её помощи. Она написала маме маленькую ласковую записку, в кото-рой выражала надежду, что позже мама вместе с Ден-ни посетят Оливковую деревню.

Как хорошо было после семи месяцев разлуки сно-ва видеть Лузенга дома! Приходили
соседи, желая пого-ворить с ним. Никто из христиан не пропустил вечерне-го собрания, на котором Лузенг, с присущим ему жаром, описывал чудесное путешествие, во время которого они обнаружили не менее ста различных племён! Глаза Ма-рии блестели от радости, а Лузенгма, которая сидела в заднем углу часовни, будучи не в состоянии сдержать своих чувств, время от времени восклицала: <Чудесно!
Удивительно!> Если что и нарушало эту радостную об-становку, то это было поведение маленького Павла. За время длительного отсутствия он отвык от Лузенга.
Тот не раз пытался привлечь сынишку кусочком сахара, но двухлетний карапуз ни за
что не хотел сдаваться. Чув-ствовалось, что именно он является хозяином в доме. Если он чего-то просил, оглашая своим криком дом, то дедушка или бабушка сразу же давали ему просимое. Лёгкие наказания со стороны матери приносили мало пользы. Он слишком рано понял, что стоит ему погромче закричать, как к его услугам сразу же были и дедуш-ка, и бабушка. А этот человек, которого называли па-пой, выглядел так, как будто он мог навести здесь поря-док. Поэтому маленький

Павел решил не очень-то про-являть по отношению к нему дружеские чувства. Лузенг терпеливо пытался как-то подольститься к нему, но тот решительно отклонял всякие попытки.

Хотя Мария не сразу встретилась с мамой, она ус-лышала от других, что та принесла с собой новую идею - основать библейский клуб. Собственно говоря, это касалось детей, но молодые люди также могли вступить в него. Целью этого клуба было совместное изучение наизусть определённого числа стихов из Библии, за что каждый из участников в качестве поощрения время от времени получал вознаграждение. Кто полностью за-канчивал курс, мог, ничего не платя за это, принять уча-стие в последующих библейских курсах. Из Оливковой деревни многие пожелали стать членами этого клуба, но, как заметила мама, из числа семейных была одна лишь Мария. Остальные, смеясь, говорили, что у них для этого просто нет времени. У Марии работы было не меньше, но она, сидя за ткацким станком, клала пе-ред собой Библию и учила свои стихи. Тимофей также стал членом клуба, но ему учить стихи приходилось только вечерами. Мария закончила первый курс в числе лучших. Среди других подарков она в качестве воз-награждения получила кожаную книгу, которая для лису была ценной вещью. Ей вовсе не обязательно было учить так много стихов, чтобы иметь возможность бес-платно посещать библейские курсы, так как о содержа-нии учениц из числа женщин заботилась церковь лису. Однако это обстоятельство не мешало ей тщательно выполнять все задания. Когда позже проводился вто-рой годовой курс, она снова приняла в нём участие.

Наконец наступил день, когда мама посетила Оливковую деревню. Пять лет прошло со времени её последнего приезда. Она отметила здесь большие пере-мены. К примеру, под приветственной аркой стоял дет-ский хор, который под руководством Лидии пел наи-зусть, и притом в четыре голоса, песню <Стоит учитель у ворот, пусть войдёт>. Было умилительно слышать, как маленькие мальчики исполняли басовую партию: <Пусть войдёт!> Как видно, стоило во время проведе-ния женской библейской школы особо подчёркивать необходимость работы с детьми. В то время как мама шла вдоль длинного ряда, пожимая протянутые ей руки, она искала взглядом своих бывших учениц и прежде всего Марию с её малышом, которого она ещё не виде-ла. Он был привязан к спине матери, которая теперь взяла его и протянула вперёд, чтобы мама могла по-жать и его маленькую ручку. Тут же стояла и Марфа с Аполлосом на спине, и Хлоя со своим вторым мальчи-ком, и Сара со второй дочкой, и многие другие. Это была радостная встреча, и мама побывала в каждом доме, где жили её ученицы, которые теперь из-за своих материнских обязанностей не могли посещать библей-ские курсы. Все эти маленькие семьи выглядели счаст-ливыми. Рахиль вышла замуж за Иасона, и, хотя она очень тяжело пережила утрату первого ребёнка, её ма-ленький, чистенький домик представлял пример того, что можно сделать с помощью простых вещей племени лису. Над дверями дома Марии и Лузенга кто-то ка-рандашом написал: <Мария и Лузенг, у вас чудесный дом>. И действительно, этот просторный, чистый бам-буковый дом заслуживал такой похвалы.

Во время этого посещения мама сделала ряд при-ятных наблюдений. Маленькое событие, связанное с вечерним богослужением, заслуживает особого упоми-нания. Лузенг руководил собранием. Мария сидела на своём обычном месте, среди сопрано, в переднем ряду, напротив помоста. Мама села среди альтов, чтобы видеть и проповедника, и слушателей. По мере того как Лузенг увлекался предметом своей проповеди, воз-растало его красноречие. Лицо Марии ясно отража-ло, что её душа тронута проповедью Лузенга, а также её любовь к нему, оно стало прямо-таки сиять. Подоб-но чудесному опалу, оно пылало благоговением, вдох-новением и преданностью, пока взгляд Лузенга вдруг не остановился на ней. В течение нескольких мгнове-ний их взгляды говорили один другому, что они лю-бят друг

друга, что у них полное единство во всех человеческих делах и служении Богу. Затем Лузенг быс-тро отвёл свой взгляд в сторону, и Мария опустила глаза. Однако мама заметила всё.
<Известен ли тебе опал - его нежные оттенки и внутренний огонь, который постоянно горит в его сердце, поскольку в нём живёт Божествен-ное дыхание?>
Элиза Хопкинс
Мама, сидя на своём месте, внутренне радовалась и благодарила Бога за огонь в сердцах этих молодых людей, который продолжал гореть и через пять лет совместной жизни. Она также радовалась тому, что именно любовь к Господу раздувала это пламя. Чис-тая любовь преобразовывала их души в образ Учителя.
Обычная страсть была бы не в силах сделать их лица такими сияющими. Это был небесный свет.
После посещения Оливковой деревни мама долж-на была возвратиться в Дубовую равнину. Но прежде чем она покинула деревню, Лузенг рассказал ей о сво-их новых планах, о своей новой мечте. Он собирался сломать свой дом и построить новое, двухэтажное, зда-ние, на верхнем этаже которого прямо на полу можно будет позже разместить сотню учеников или гостей. Затем он хотел рядом со своим нынешним домом пост-роить часовню, гораздо большую той, которой они пользовались теперь. Ему очень хотелось, чтобы биб-лейские курсы в период дождей в будущем проводились в его деревне. Такие курсы на протяжении вот уже деся-ти лет проводились в Дубовой равнине, и окрестные деревни всё это время получали благословение от со-вершающихся там силами учеников воскресных бого-служений. Он считал, что наступило время проводить такие богослужения на западном берегу Салуина.
В то время мама мало верила в осуществление та-ких больших планов. Воды и деревьев, этих двух мате-риалов, крайне необходимых для такого смелого пред-приятия, было мало в окрестностях Оливковой дерев-ни. Потом ведь нужно ещё построить дом для миссио-неров. Это было слишком много. Однако Лузенг не ос-тавлял своих планов, делая определённые шаги к их осуществлению. Уже через год мама, к своему велико-му удивлению, со всем своим домашним скарбом пере-бралась в Оливковую деревню и временно останови-лась в новом доме Лузенга. Рядышком с ним прямо на её глазах воздвигался бамбуковый дом для её семьи.
В эти хлопотливые дни её сопровождали две бе-лые гостьи, одна из которых была врачом. Но уже в первый день занятий в женской библейской школе обе гостьи покинули Оливковую деревню. Ученицы должны были на воскресных послеобеденных богослужени-ях поочерёдно проповедовать.
Именно здесь, во время проповеди Марии, мама и пришла к теме этой главы.
Мария в своей проповеди говорила:
- Когда здесь была врач и обращалась к нам, мне очень помогли её слова об испытаниях в жизни веру-ющего. Я думала, что никто не переживал таких тяжёлых испытаний, как я. Однако врач подчеркнула, что Бог преднамеренно допускает такие испытания, что-бы в нас могла развиваться и расти духовная жизнь. Это очень помогло мне и в корне изменило моё мыш-ление. Подобно тому как члены нашего тела нужда-ются в движении, без которого они атрофируются, мы, христиане, нуждаемся в трудных обстоятельствах, ко-торые приближают нас к Богу. Если бы это было не так, мы бы никогда не узнали силу Его руки, поддер-живающей нас, и верность Его любви к нам. Эта про-поведь принесла мне настоящее благословение!
Мама тихо сидела на своём месте и размышляла о словах Марии. <Я думала, что никто не переживал таких тяжёлых испытаний, как я...> Что же это были за испытания? Действительно, она много работала, так как была очень прилежной и старательной. Однако многие женщины деревни были вынуждены работать ещё больше, чем она. Ведь Лузенг, её муж, считался одним из самых состоятельных в деревне. Правда, ей пришлось жить вместе с его родителями, но ведь они были христианами. Судьба Роды, жившей с болтли-вой свекровью-язычницей, была намного тяжелее.
Испытания? Что она имела в виду? С этого дня мама стала наблюдать за ней.
Лишь по прошествии нескольких месяцев, сопос-тавляя различные факты, она всё

поняла.

С какого-то времени между обеими женщинами, глубоко любившими Лузенга, женой и матерью, происходила невидимая борьба за его расположение. Каждая стремилась к тому, чтобы именно она была для него са-мой любимой. Когда в их семье возникали разногласия, ему часто было нелегко решить, кого он должен защи-щать, жену или мать. Маленький Павел представлял ещё один объект соперничества. (Было бы неверно рассмат-ривать поведение женщин как ревность, так как никогда дело не доходило до открытых ссор, и случайный посе-титель вообще ничего бы не заметил.) Однако, хотя и не-видимо, но что-то стояло между ними. Лузенгма действо-вала, как <погонщица> (если можно так выразиться). Она была очень энергичной, работала быстро и с умом. Ма-рия, хотя и старалась, рядом с ней казалась медлитель-ной, как в рассуждениях, так и в движениях. Намёк в при-сутствии мужа на то, что она недостаточно трудится для семьи, был для неё мучителен. Преданность мужу состав-ляла часть её сущности. С другой стороны, Лузенгма и не думала <подгонять>. Она имела привычку вслух раз-говаривать сама с собой, не сознавая того, что тем са-мым подталкивает Марию к какому-нибудь делу. Ма-рию же не нужно было заставлять работать. Напротив, её нужно было скорее уговаривать пожалеть себя. Бо-ясь, как бы свекровь не стала жаловаться соседям, что работа не сделана, она нередко шла на поле, когда мож-но было бы немного отдохнуть дома. Такое состояние длилось шесть лет, достигнув однажды своего апогея.

Подошло время уборки гречихи, но как раз нака-нуне этой тяжёлой работы Мария почувствовала недо-могание. Во время уборки урожая жнецы выходят в поле чуть свет, вручную срезают колосья и связывают их в снопы, немножко отдыхая лишь в обеденное время, что-бы затем продолжить работу до поздней ночи. Мария не спешила с этой работой, полагая, что неважно, на день раньше или позже будет убрано поле. Однако не-терпеливая Лузенгма думала иначе. Она попыталась найти кого-нибудь в помощь, но у всех было вдоволь своей работы. Ходя по деревне в напрасных поисках помощницы, Лузенгма, по своему обыкновению, гром-ко жаловалась: <Все болеют, и как раз в такое время, когда нужно убирать урожай. Вот пойдёт дождь и унич-тожит весь урожай. Что мне теперь делать? Ведь в поле гречиха на весь год! Никто не хочет помочь нам!> Ко-нечно, в такой маленькой деревне не могло быть, что-бы слова Лузенгмы не дошли до Марии. Результатом было то, что на следующее утро она, хоть и с трудом, встала, когда было ещё темно, приготовила завтрак и чуть свет отправилась в поле. Вечером она была почти в бессознательном состоянии, и Лузенг заметил это.

- Я не заставляла её идти в поле,- сразу же ста-ла оправдываться старая мать, опасаясь неудоволь-ствия любимого сына.- Я знаю, что она чувствовала себя неважно и что ей надо было бы отдохнуть, но она сама захотела пойти! -- Затем она повернулась к сыну и тихонько сказала: - Ты же знаешь её упрямство. Что я могла сделать? Не буду же я её привязывать!

Так началась ссора. Она была не первой. Лузенгу всё это было очень неприятно. Когда наконец они ос-тались одни, он стал увещевать Марию:

- Ты слишком чувствительна,- сказал он.- Не принимай всё так близко к сердцу. Ты же знаешь, что старая женщина не всегда думает, что говорит. Но она права, ты слишком упряма. Почему ты не веришь ей, когда она говорит, что не хотела, чтобы ты шла жать гречиху и вязать снопы?

Единственным ответом Марии был поток слёз. В глазах Лузенга слёзы были признаком отвратительной слабости, поэтому он отвернулся от неё, лёг на своё место и вскоре спокойно заснул.

Однако жене его было не до сна. Всё её тело ныло от переутомления. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с сердечной мукой, которая терзала её. Она так старалась всем угодить, и вот её же и обвинили! Теперь она знала, что Лузенгма назвала её упрямой, и знала, почему. Лузенгма обвинила её, чтобы оправдать себя. Усталая,

обескураженная, совсем одна в эти тёмные ночные часы... Искусителю представилась редкая воз-можность, которой он не преминул воспользоваться. <Испытай хотя бы раз любовь Лузенга к тебе,- нашёптывал он ей.- Ты же знаешь, как поступает язычница в таких случаях. Она просто уходит из дому и не воз-вращается, пока он не начнёт искать её. Это его сразу встряхнёт. А Лузенгма - как она испугается! Ведь по языческому обычаю, если Лузенг в течение трёх дней не возвратит тебя, твой отец может подать на него в суд! Хочет ли он ещё вообще жить с тобой? Во всяком случае, слова, которые он сказал тебе сегодня вечером, не говорят о том, что он любит тебя, как прежде!>

Искуситель душ очень хорошо знает, с какой сто-роны подойти к нам и когда именно преподнести нам свою ложь. И на этот раз он достиг своей цели. Когда на следующее утро Лузенг проснулся, кровать Марии была пустой. Вначале он не придал этому значения, так как она часто вставала раньше него, но, когда наступи-ло время завтрака и оказалось, что её никто не видел, он забеспокоился. Мать, которая чувствовала угрызе-ния совести, первая догадалась, что произошло.

- Не кажется ли тебе, что она убежала? - про-шептала она.

Лузенг остановился, как вкопанный. Его Мария, которую все в деревне знали как самую верную жену, убежала из дома? И теперь повсюду будут говорить, что в семье Лузенга ссорятся? И он, самый известный евангелист ущелья, должен пережить этот позор?! Его лицо обдало жаром, а глаза заблестели таким гневом, что даже мать испугалась.

- Может быть, это и не так,- робко сказала она.- Возможно, она сгоряча побежала к отцу. Я пос-ле завтрака схожу туда и скажу ей, что я была не пра-ва, и попрошу её вернуться!

Но в доме отца никто не видел её и ничего о ней не слышал. Зная, что самым страшным для Лузенга было то, что повсюду будут судачить об этом, его мать зашла под каким-то предлогом к Марфе. Но и там Марии не было видно. Поиски были безуспешны. В конце концов пришлось смириться с неизбежным: Мария выбрала языческий путь и убежала.

Однако Лузенг уже оправился от первого шока и, обладая способностью рассуждать быстро и решитель-но, уже принял решение. Вечером он собрал всех чле-нов семьи и обговорил с ними дальнейшие шаги. Преж-де всего они должны постараться, чтобы никто в дерев-не ничего не узнал. Сотни христиан смотрели на него, руководящего пастора, и на его семью, как на образец для подражания. Но Мария с целью самозащиты избра-ла языческий путь. Этот факт любыми путями необхо-димо скрыть, если его вообще ещё возможно скрывать. На следующее утро Лузенгпа, Лузенг и Тимофей долж-ны разойтись в трёх направлениях, чтобы разыскать Марию. Один из них отправится на север, другой - на юг, третий - на запад. Казалось невероятным, чтобы она переправилась через реку, так как её слабость по-мешала бы ей уйти далеко от деревни. Они никого не должны спрашивать о Марии, но повсюду справляться у друзей о цене на зерно, обращая при этом внимание на любой признак того, что она может находиться там. На второй день они нашли её - Мария находилась в долине Сандаловое Дерево, в родительском доме Са-муила. Старая мать Самуила была в очень близких от-ношениях с Лузенгма, и Мария нередко оказывала ей гостеприимство, когда та в базарные дни приходила в Оливковую деревню для покупок. Однако Мария, ви-димо, ничего ей не рассказала, а своё посещение объяс-нила тем, что нуждается в небольшом отдыхе. Но Са-муилу, который учился в госпитале в Тали на санитара и единственный во всей округе обладал какими-то ме-дицинскими познаниями, не нужно было много расспра-шивать Марию, чтобы узнать её тайну. Он всегда вос-хищался ею, и вполне могло быть, что Мария, в ответ на его дружеские, полные сочувствия вопросы, довери-лась ему. Правда, своим пребыванием в его доме она подвергала себя некоторой опасности,

так как Самуил был красивым молодым человеком, о котором тайно вздыхала не одна девушка. Однако он был христиани-ном, а потому его нелицемерное восхищение ею не было ей неприятным. Когда на второй день в дом явился Ти-мофей, Мария поняла, что он ищет её, и ей было прият-но, что Лузенг не терял времени напрасно. Несмотря на это, она спокойно отвергла предложение Тимофея возвратиться домой, объяснив свой отказ тем, что ей очень хочется ещё немного отдохнуть. Тимофей понял её. Она ожидала, что Лузенг сам попросит её об этом.

Не было никаких сцен. Напротив, это происше-ствие было своего рода верхом искусства хранения тайн, так как никогда ни слова об этом не проникло за пределы Оливковой деревни. В деревнях лису есть не-мало сплетниц, которые с удовольствием разнесли бы по округе пикантную историю о том, как жена глав-ного пастора убежала из дому и как её искали. Но, благодаря мудрым действиям одного человека, всё осталось в тайне. Даже через два года после этого мама ни о чём не подозревала. Она задумалась лишь тогда, когда Мария проговорилась о каких-то испытаниях и когда наконец Лузенг доверился ей и всё рассказал.

Когда молодую женщину привели домой, это со-бытие, по обычаю лису, было отпраздновано чудесной курятиной. По такому случаю могли даже заре-зать свинью. Казалось, что её бегство увенчалось ус-пехом и что совет искусителя был единственно пра-вильным. О нет! Дьявол никогда не приведёт нас на злачные пажити или к водам тихим. Марии пришлось пережить очень тяжёлые дни, и она горько раскаива-лась, что послушалась голоса врага Божьего. Несколь-ко месяцев спустя, когда она, находясь на женских биб-лейских курсах, получила особое благословение при изучении Евр. 2,1, она к своему свидетельству добави-ла: <Однако очень важное значение имеет наше реше-ние...> Что она имела при этом в виду, не понял никто из слушателей. Но она уже начала вкушать в своей жизни горькие плоды неверного решения.

Первой реакцией семьи в повседневной жизни была предупредительность и дружелюбие по отноше-нию к ней. Лузенг, вне всякого сомнения, поговорил со своей матерью, и та отступила на задний план, дав по-чувствовать Марии, что она здесь является желанной и нужной. Лузенгма стала придерживать свой язык, чего она уже давно не делала. Но друзья Лузенга думали иначе. Одним из его лучших друзей был Андрей, кото-рого недавно благословили на служение дьякона в Оливковой деревне. Андрей и его жена Лидия жили вместе с матерью Андрея. Андрей, как и Лузенг, пере-живал о том, что его жена не может найти общего язы-ка со свекровью. Он был умным мужем, однако сразу же принял сторону Лузенга в его суждении о поведении Марии и своей матери. Лидия, которую Лузенг всегда уважал, также встала на его сторону, осуждая Марию за то, что из-за её поведения молодой руководитель об-щины чуть было не стал всеобщим посмешищем. С это-го времени прекратилась дружба между Марией и Ли-дией. Правда, они, когда было необходимо, разговари-вали друг с другом, но уже никогда их нельзя было увидеть вместе, а ведь они были прежде такими хорошими подругами! Участливая Рода, сестра Андрея, напротив, защищала Марию, когда только для этого предостав-лялась возможность. Она рассказывала ей всё, что про-исходило в их доме, когда Лузенг посещал Андрея. Го-ворил ли Лузенг со своими друзьями об этом деле или нет - одно было ясно: он начинал воспринимать по-ступок Марии как оскорбление и чувствовал, что Анд-рей с Лидией сочувствовали ему. Вследствие этого из-менилось его отношение к своей маленькой жене. Она чувствовала, что что-то изменилось. Лузенг чем даль-ше, тем чаще навещал Андрея. Там его ожидали пони-мание и тёплый приём; никто не мешал Роде постоянно вертеться тут же. Мария рано или поздно

узнавала от неё, о чём там говорили и даже о взглядах, которыми они там обменивались. Лузенг мало-помалу начал до-пускать циничные, суровые замечания в отношении женщин и вообще в отношении женатых людей, и уже никогда его не видели разговаривающим с Марией. Место Лузенга на вечерних собраниях было напротив альтов, среди которых находилась и Лидия, и нередко случалось, что оба невольно улыбались друг другу, ког-да какой-то момент в проповеди казался им особенно ценным. Взгляд Лидии говорил проповеднику, как цен-ны были для неё его мысли, на что тот отвечал ей пони-мающим взглядом. Молодому супругу и в голову не приходило, что Мария видела эти взгляды взаимного понимания, и они были ей, как нож в сердце. Единство со своим супругом в духовных вопросах было для неё самым ценным из всего, чем она обладала, но теперь он принадлежал её бывшей подруге.

Как опрометчиво поступаем мы порой, сами не отдавая себе в этом отчёта! Лузенг и Лидия даже не подозревали, что своим поведением они лишали Ма-рию самого дорогого, что было в её жизни; возможно, они вообще не думали о такой мелочи, как улыбка при всех. Лузенг всегда улыбался своим друзьям. На этот раз это была Лидия, которая сидела в часовне напро-тив него и которую он никак не мог не видеть.

Мама долгое время не знала о том, что происхо-дило между этими тремя молодыми людьми. Но, же-лая узнать о трудностях, которые переживала Мария, она стала тихонько наблюдать за ней; во время собра-ний она заметила, что часто её лицо искажала злая, болезненная гримаса, которая, однако, после несколь-ких мгновений тихой молитвы, во время которой она сидела с закрытыми глазами, сменялась выражением глубокого мира. Затем она открывала глаза и начина-ла пристально смотреть на проповедника, как бы от-гоняя от себя посторонние мысли. В книге Песни Песней (2,14) сказано нечто об укрытии: <Голубица моя в ущелье скалы под кровом утёса... дай мне услышать голос твой... Ловите нам лисиц и лисенят, которые портят виноградники>.

Именно это происходило с Марией. В то время, как тело её находилось среди множества людей, душа её улетала в <ущелье скалы, под кров утёса>. Лишь таким образом этот маленький огненный камень мог сохраниться. Можно было только догадываться, ка-ким раскалённым был этот очищающий огонь. Языч-ница, находясь в таком положении, обязательно по-слушалась бы совета дьявола и ответила на это друж-бой с каким-нибудь мужчиной. Вокруг было немало молодых мужчин, которые охотно ответили бы Ма-рии, если бы она подала хотя бы малейший повод. В Оливковой деревне жило много мужчин, как язычни-ков, так и христиан, а Мария была необычайно краси-ва. Но однажды в своей жизни она уже послушалась совета дьявола и слишком хорошо знала, что теперь пожинает плоды собственного проступка.

У Христа есть для нас выход: Он может напол-нить всякую пустоту в нашем сердце! И Мария избрала этого небесного Друга в качестве <ущелья скалы>, доверив Его чистому, любящему сердцу все свои душевные переживания.

Это продолжалось несколько месяцев, пока мама узнала о причине такого поведения Марии во время собрания. Она стала размышлять: нужно ли ей пого-ворить об этом с Лузенгом и Лидией? Если предста-вить им их поведение, как своего рода воровство, то это будет очень больно им. Обвинить их в том, в чём они не видят вины, значит до такой степени обидеть их, что потом будет нелегко успокоить. Слова: <Вме-шательство очень часто лишь запутывает дело>, при-надлежащие епископу Тэйлору Смиту, постоянно зву-чали в её ушах; но видеть мучения Марии во время богослужений было невыносимо. Ей не оставалось ничего другого, как наблюдать за Марией, и, когда она замечала, что лицо её омрачалось и глаза закры-вались, она тоже начинала молиться: <О Господь, по-моги ей! Сделай, чтобы всё снова стало хорошо!> И, когда на юном лице Марии боль сменялась выраже-нием мира, она тихо

благодарила Господа.
Её удивляло, что это постоянное мучение ни разу не удержало её от посещения собраний. Каждый вечер она появлялась здесь - какой бы тяжёлой ни была дневная работа или как бы плохо она ни чувствовала себя. Садилась она всегда на своё обычное место. Ог-ненный камень! Ведь она легко могла внушить себе перестать посещать собрания, раз эти двое своим по-ведением так ранили её, или хотя бы садиться так, что-бы не видеть Лузенга и Лидии. Однако ни того, ни другого она не делала. Никогда она не пропускала собраний и никогда не садилась на другое место. Сама того не сознавая, она постигала новый для себя урок:
её богопочитание и её любовь к Лузенгу постепенно отделялись друг от друга. Богослужение в часовне те-перь означало для неё общение с Богом, и ничто дру-гое. Она позволила своей душе очищаться в огне, что-бы в ней смог отразиться
образ любимого Учителя. Теперь она всё своё внимание обращала на смысл про-поведей или содержание песен, не позволяя своим мыс-лям, как прежде, блуждать вдалеке. Благодаря этому она возрастала в смирении и силе. Через неё две де-вушки Оливковой деревни пришли ко Христу и с её помощью утверждались в вере, Авигея и Еводия. В фев-рале 1949 года, после того как Мария провела несколь-ко дней в Малой деревне, где проходили библейские курсы, мама получила от христианской общины этой местности следующий отзыв: <Мы получили через эту ученицу библейских курсов большое духовное благо-словение. Посылай нам, пожалуйста, побольше таких!>
Однако пришло время, когда бремя стало слиш-ком тяжким для Марии, и мама решила,
что настал момент поговорить с Лузенгом об этом. Мария> лежала больная в своей хижине, и мама поняла, что эта маленькая женщина ни в чём сейчас так не нуждается, как в сердечном мире. Она стала молиться, чтобы пред-ставился удобный
случай для разговора, и такая воз-можность появилась, когда Лузенг неожиданно вошёл в её комнату, где никого больше не было.
- Проходи, Лузенг, посиди немного,- сказала она.- У меня есть к тебе серьёзное дело, о котором мне бы хотелось поговорить с тобой. Оно угнетает меня гораздо больше, чем все существующие ныне полити-ческие опасности. Между тобой и Марией образовался какой-то разлад. Когда я в декабре 1947 года находи-лась в вашей деревне, то с радостью отметила, как вы любите друг друга. Но теперь дело обстоит иначе, и твоя маленькая жена лежит внизу совершенно больная. Самуил сказал мне, что Марию уже два года что-то угне-тает. Конечно, я не стала расспрашивать его подробно о причине, так как это не моё дело. Однако я думаю, что ты должен что-то сделать. Возможно, с твоей сто-роны была проявлена неосторожность, в которой ты сам себе не давал отчёта; возможно, это было слово,
которое ранило её и о котором ты забыл. Во всяком случае, она от чего-то сильно страдает, и я думаю, что ей нужно как можно скорее помочь. Лицо Лузенга стало серьёзным.
- Я даже не представляю, что бы это могло быть,- ответил он.- Я думаю, что это связано с её неуравновешенным темпераментом.
- Нет, это не так,- мягко возразила мама,- я думаю, здесь что-то другое. И ты быстро найдёшь при-чину, если захочешь.
- Хорошо. Если бы я чувствовал, что где-то был
не прав, я бы, конечно, признал это,- задумчиво и спо-койно сказал Лузенг.- Это было бы моим долгом по отношению к Богу. Я сейчас пойду к ней и поговорю. С этими словами он вышел. Мама же ушла в свою
комнатку и стала молиться.
В тот же день ей нужно было по какому-то делу
посетить Лузенгма, и она отправилась вниз, к их дому. Однако Лузенгма не было дома, и она зашла к Марии. Та с радостным лицом лежала на своей постели у огня, а Лузенг, сидя рядом с ней, играл на скрипке, которая принадлежала маме. Чувствовалось, что здесь царит атмосфера мира и счастья. И она сразу же вышла из
комнаты, в глубине души вознося Богу молитву бла-годарности.

Глава 7
Созданный только из пыли пустыни .....

<Известна ли тебе красивая легенда об опале, который возник из пыли пустыни, песка и кремня и который своей красотой и ценностью обязан одному недостатку? Это камень с надломанной сердцевиной. Сердцевина у него вся в мельчайших тре-щинках, которые заполнены воздухом и отражают свет. Вот откуда красивые от-тенки и тот нежный огонь, который посто-янно горит внутри него,- в нём чувству-ется Божественное дыхание.
Ты видишь только трещины и пыль пус-тыни, но из этого материала Господь создаёт драгоценный опал. Мы должны быть сломлены, прежде чем будем в состоянии отражать
Его сияние, и тогда в храме на-шего сердца сможет зажечься светильник, который уже никогда не угаснет>.
Элиза Хопкинс
Мария заболела. Первые признаки скрытого недуга проявились во время тех рождественских дней, когда Оливковую деревню посетила миссио-нерка-врач. Мария, которая, как обычно, помога-ла готовить пищу гостям, несмотря на холод и сквозняки, сильно простудилась. Поскольку Лузен-гма и Тимофей также нуждались в помощи врача, Мария умолчала о своей болезни. Но однажды, ког-да она вместе со свекровью молотила зерно, её на мгновение пронзила острая боль, пройдя через челюсть и голову.
Время от времени это повторялось, но боль так же быстро исчезала. Однажды - это было в марте - у Марии внезапно пошла кровь из носа. Сразу же по-звали на помощь
маму, но та не смогла установить причину кровотечения; она дала Марии некоторые лекарства и предписала ей полный покой. Но как мог-ла Мария соблюдать такой режим? Павел был ещё совсем маленьким и плакал по ночам, так что Марии приходилось часто вставать и брать на руки тяжёлого четырёхгодовалого сына. К тому же нужно было со-бирать урожай, и семья остро нуждалась в её помощи;
а весна принесла с собой в деревню политические вол-нения, которых уже давно опасались.
Ходили слухи, что в Паушан вступили коммунис-ты. Мапа находился в той местности,
помогая миссио-нерам в южных районах лису. Один из жителей дерев-ни относил зерно в Луханг и вернулся с новостью, что в городе находится около тридцати красных. Неожидан-но для всех они напали на город и увели с собой неко-торых женщин. Городскому начальству удалось скрыть-ся, унеся с собой лишь то, что было
на них. Захватчики забирали всё, что попадало им в руки, на тысячи дол-ларов. А вчера ночью, рассказывал очевидец, они от-крыто заявили, что намерены напасть на
Оливковую деревню. Всем было ясно, что опасность в первую оче-редь угрожает маме
и Третьему брату. У кого ещё они могли больше поживиться? Разве только у старейшины деревни, который имел несколько ружей!
Лузенг пришёл домой с красными от возбужде-ния щеками.
- Мария, тебе с Павлом необходимо бежать и
спрятаться в пещере. Старым женщинам, таким как моя мать, они ничего не сделают,
поэтому она может остать-ся. Асаф уже собирает вещи, он также хочет увести свою жену в безопасное место. Андрей помогает Роде собраться.
Мы с Тимофеем отнесём всё необходимое для тебя, рис и посуду. Я
останусь дома или пойду туда, чтобы проверить, правдивы эти слухи или нет. Я хочу попытаться подойти как можно ближе к Лухангу; наде-юсь, что в понедельник вернусь.
- А мама тоже спрячется?
- Нет, но она упаковала некоторые вещи и спря-тала их: лекарства, керосин и коечто
ещё. Возможно, что нам удастся закончить начатые библейские кур-сы, но пока ничего определённого сказать нельзя.
В этом году библейские курсы проводились с апре-ля по июнь. Когда слух о

нападении красных достиг де-ревни, учащиеся как раз отправились по деревням для проповеди на воскресных богослужениях. В понедельник вечером они должны были возвратиться, но решатся ли они вообще вернуться? Под покровом ночи Мария со своим Павлом, а также много других молодых женщин карабкались по направлению к ущелью, расположенно-му высоко в горах. Они укрылись в пещере, о существо-вании которой, кроме жителей деревни, не знал никто. Там они оставались в продолжение всей недели; Тимо-фей время от времени приносил им свежие продукты. Все дни непрерывно шёл дождь, так что реки между Лухан-гом и Оливковой деревней разлились, перебраться через них стало невозможно. Это было серьёзным препятстви-ем для тех, кто хотел осуществить разбойничье нападе-ние. Они разделились на две группы, одна для действий на западном берегу, а другая - на восточном. Восточ-ная группа захватила в Деловом Месте молодого прави-теля Двана и потребовала от него свинину, водку, одеж-ду и обувь. Тот согласился на их требования, зарезал не-сколько свиней, выдал им бочонок водки и безропотно дал столько обуви, сколько они требовали. В виду того, что год назад он отпраздновал свою свадьбу, у него было много одежды. К своему немалому удивлению и гневу, он узнал среди грабителей своего лучшего слугу, кото-рый, конечно, знал всё о его имуществе, в том числе и о семнадцати парах его кожаных ботинок.

Спокойствие и послушание правителя поразили нападавших, потому что он был известен как муже-ственный человек. Они решили, что слух о их непобе-димости испугал его. Справедливости ради нужно ска-зать, что он не знал толком, как ему вести себя с этими людьми: коммунисты это или разбойники. Но когда они потребовали от него слишком много, он решил, что это просто грабители, и разработал соответствен-ный план действий. Со времени японской войны он держал при себе офицера Тзенга. Кроме этого офице-ра никто не знал, что после войны он спрятал за до-мом ручные гранаты. Когда разбойники потребовали у него оружие, он отдал им несколько винтовок, и ник-то, кроме него самого и Тзенга, не подозревал, что у него припрятано кое-что получше.

Вторую половину дня правитель Дван вёл себя смирно. С наступлением вечера большинство его непро-шеных гостей после обильного употребления алкоголя свалилось и уснуло глубоким сном.

После полуночи, убедившись по храпу и глубокому дыханию, что все <гости> крепко спят, Дван вышел из дома и запер все двери, включая ворота. Он уже разослал по округе приказ, чтобы каждый из племени лису, у кого есть ружьё или кто может его раздобыть, к утру незаметно явил-ся к его поместью. Он решил окружить свой дом со всех сторон, чтобы тех, кто попытается бежать к воротам, зас-трелить или захватить в плен. Он знал, что лису не посме-ют ослушаться его. Они называли его <дедушкой>, хотя ему исполнился всего лишь двадцать один год.

На рассвете следующего дня Тзенг и Дван забрались на крышу дома и забросали гранатами спящих грабите-лей. Можно представить море крови и адский шум, которые причинило это неожиданное нападение. Очевидец, который рассказывал об этом в хижине Лузенгпа, подроб-но описал, как выглядела в слабом дневном свете комна-та, превратившаяся в кровавое месиво. Примерно трид-цать мужчин остались лежать на месте, будучи мёртвыми или находясь в предсмертном состоянии. Шестеро остав-шихся в живых попытались бежать к воротам, но были схвачены стоявшими там людьми и повешены. Один из бандитов на коленях подполз к воротам, умоляя правите-ля о пощаде. Чтобы обеспечить себе временную свободу, он выдал название банды: <гва-чо>. Когда правитель объя-вил ему о пощаде, он смертельно побледнел и, дрожа всем телом, ухватился за него. Другой попал в капкан, постав-ленный около ворот. Боль в совершенно раздробленной ноге была так сильна, что он кричал и просил о смерти;
после того как ему дали сильную дозу опиума, он умер.

- Что дедушка собирается теперь делать? - спро-сила Мария.- Он едва ли отважится
спать в доме, после того как там были убиты все эти люди. Это было бы для него чуа, не так ли?

Примечание:
<Чуа> означает подвергнуть себя опасности мести со стороны бесов. По языческому поверью, избежать их мести можно лишь посредством принесения в жертву
животного или с помощью определённых заклинаний.

- Говорят, что он собирается переселиться в Олив-ковую деревню,- ответил собеседник.- Нарочный, который объявил об этом решении, тем самым подго-товил нас к его появлению. Джи-гвай-па получил зада-ние обставить свой дом к его приезду. Жёны его уже утром появятся здесь, они провели ночь в соседней де-ревне. Дван отправил их туда ещё до того, как разбой-ники напали на Деловое Место.
- Горе нам,- стонала Лузенгма.- Если прави-тель переедет сюда, нам не избежать неприятностей. Днём и ночью ему будут нужны нарочные, чтобы разносить приказы. Он, конечно, рассчитывает, что мы будем кормить всех его бедных родственников, кото-рые в благодарность за это будут ночью воровать с наших полей зерно и фасоль. О, это плохое известие! Почему, собственно говоря, он должен поселиться в нашей деревне?
- Потому что он боится мести. Если это были коммунисты, то красные придут из Меконга через гор-ный перевал и отомстят ему. Дедушка хочет, чтобы между ним и его врагами была река. Все подвесные мосты через реку Салуин должны быть перерезаны, за исключением моста за нашей деревней. Приказ об этом уже отдан. После этого уже ни один человек не смо-жет перебраться на нашу сторону, разве только вос-пользуется нашим мостом. Река стала такой бурной, что никто не рискнёт переправляться на плоту. Вы же знаете, как рано в этом году начали идти дожди.
Мария с Павлом возвратились домой, так как разбойники, казалось, уже не были страшны. Побе-да правителя принесла людям чувство безопаснос-ти. К тому же все знали, что китайский бургомистр ездил в Бирму и нанял там группу хорошо вооружён-ных солдат, с которыми он надеялся окружить и уничтожить бандитов. Эти солдаты переправились на восточный берег и разрушили мост около Лухан-га. В период дождей невозможно было починить под-весные мосты. Поэтому никто не мог пересечь реку до самой осени, когда вода спадёт и можно будет на плоту переправить новый мост на другой берег, где он будет закреплён.
Всё было точно так, как и предсказывал рассказ-чик: спустя немного времени в горах показалась длин-ная вереница беженцев. Уже рано утром было провоз-глашено распоряжение правителя: <Каждая семья дол-жна послать одного мужчину или женщину
к подвесному
мосту. Нужно перенести в деревню жён правите-ля и всё его имущество!>
В ответ послышался ропот, но громко возражать никто не осмелился. Лузенг всё ещё
находился на биб-лейских курсах, причём количество учеников не умень-шилось. Мария чувствовала себя слишком слабой, что-бы тащить тяжёлый груз в гору. Лузенгпа и матери пере-валило уже за шестьдесят лет, так что единственным пред-ставителем семьи оказался Тимофей. На время его от-сутствия коровы остались
на попечении Марии, потому что на крутом, скалистом склоне горы никак нельзя было оставить без присмотра скот, который был так необхо-дим для вспашки поля,животное
очень легко могло свалиться со скалы.. Когда Мария открыла ворота, вы-пуская коров, она на мгновение остановилась и взгляну-ла на тропу, ведущую к подвесному мосту. Восточная сторона Оливковой горы круто поднимается вверх, об-разуя седловину. В этой седловине, как в чаше, и распо-лагалась деревня. Однако на юге гора круто обрывалась, оставляя между гребнем горы и собственно горой лишь узкий проход. Через этот проход тропа, извиваясь, спус-калась к реке.

Мария заметила, как по ней гуськом медленно поднималась длинная вереница людей. Среди них находилась супруга правителя, её мать, дети этой мате-ри, братья и сёстры правителя (их было человек пять или шесть), несколько его тёток, рабыни и
солдаты. Некото-рые ехали на лошадях; супруга правителя и его свекровь сидели в специальных носилках, -которые мужчины не-сли на плечах. Таким образом, жители деревни были вынуждены оставить на время свои полевые работы и предоставить себя
в распоряжение правителя, не полу-чая за это никакой платы: ведь они были его крепостны-ми. Мария смогла узнать среди тех, кто был поближе, Авигею, Сусанну и некоторых других, они карабкались в гору, согнувшись под тяжестью груза. На фоне
могучих
острых скал люди были похожи на маленькие була-вочные головки. Мария со вздохом отвернулась. Незна-чительным утешением служило то, что люди правителя собирались расположиться на севере лощины, на рассто-янии почти мили от часовни.
Во всяком случае, это было лучше, чем если бы они поселились в непосредственной близости от неё.
Когда вечером Мария возвратилась с поля домой,
Тимофей начал рассказывать:
- Это только начало,- с гневом говорил он.- Завтра придёт дедушка со своими солдатами и всей свитой. Они уже забрали у нас столы. Мы, конечно, можем кушать и на полу, а вот им нужны наши столы! Джи-гвай-па считает, что будет примерно человек семьдесят. И мы должны дважды в день обеспечить эти
семьдесят человек питанием!
- Но ведь не одна наша деревня обязана делать это! - вмешался Лузенгпа.- Видимо,
будут посланы нарочные в близлежащие селения с точным указанием, сколько каждый должен принести фасоли и пшеницы!
- Мы, конечно, будем также и их нарочными. Днём и ночью бегать для них, исполняя
их поручения и при этом питаясь за собственный счёт! - с горечью
сказал Тимофей.
- А наши поля стоят, ожидая уборки,- жалова-лась Лузенгма,- и Мария всё ещё лежит, болеет. У нас остаётся только Тимофей для всякой работы. Если де-душка пошлёт куда-нибудь Тимофея, что мы тогда
будем делать?
- Как только занятия в библейской школе закон-чатся, я буду ходить вместо него! - утешил её Лузенг.
Во всех хижинах деревни в этот вечер происходи-ли подобные беседы. В стране лису
привыкли к тому, что правителю нужно служить, но никто не делал это-го с радостью.
На следующее утро очень рано староста поднял-ся вверх по склону и остановился на
своём обычном месте, около дома мамы, который находился пример-но в центре деревни. Громким голосом и очень строго он объявил:
- Один человек от каждого дома должен спус-титься к подвесному мосту! Сегодня должны прибыть правитель и его люди!
И снова вниз по тропе потянулась длинная вере-ница угрюмых, недовольных мужчин и
женщин. Так как после обеда учеников библейской школы отпус-тили, мама решила посмотреть на длинную колонну, которая медленно приближалась. Правитель и неко-торые мужчины ехали на конях. У них не было време-ни искать свои сёдла. При
виде их Лузенг, стоящий рядом с мамой, угрюмо сказал:
- Теперь наша деревня будет объектом внима-ния для красных и разбойников. Уверен, что они ото-мстят правителю за ту ночную резню!
Когда Иона сдал свой груз и отправился домой, он, проходя мимо мамы, сказал:
- Правитель привёл с собой шесть человек, кото-рых он той ночью взял в плен. Завтра он хочет их убить.

- О нет! - в ужасе воскликнула мама.- Зачем ему делать это? Почему мы должны смотреть на казнь?
- Ну, может быть, это только слухи,- попытал-ся успокоить её Лузенг.
- Есть ли среди них его слуга? - спросила мама.
- Нет, он мёртв. Правитель обещал, что пощадит его, если тот будет хорошо вести себя и не будет пы-таться бежать, а также если он заплатит за освобожде-ние пятьдесят долларов. Но потом несколько вооружён-ных человек прибыли через горы в
Бе-хех, и слуга убе-жал и присоединился к этой группе. Я думаю, он хотел вместе с ними совершить покушение на правителя. Но
его отсутствие вскоре было замечено. Правитель сразу же послал двух солдат, приказав им, как только они его обнаружат, застрелить, что они и сделали.
- Я надеюсь, он не допустит, чтобы здесь кого-то убили,- вздохнула мама.
- Не волнуйся, возможно, все эти слухи необос-нованны,- теперь уже Иона пытался успокоить её. Затем он поспешил к своей глиняной хижине в верхнем конце деревни.
Однако мама не могла избавиться от ужаса, выз-ванного в ней этим известием. Она разыскала Третье-го брата в его хижине, так как мапа всё ещё находился в городе Паушан, который, по слухам, был осаждён
людьми такого же рода.
Третий брат долго думал. Если пойти к правителю и попросить разрешения поговорить с пленными, когда их приведут в деревню, то это может вызвать подозре-ние, что он как-то связан с ними. Всё ещё не было ясно, не являются ли они коммунистами. В любом случае это был политический вопрос. Наконец Третий брат решил послать в дом Анны, где разместили пленных, одного из учеников библейских курсов, который в церковной шко-ле изучал китайский язык, и учителя Иеремию, который во время пребывания в Паушане усвоил некоторые фра-зы. Они должны были попробовать хоть как-то погово-рить с ними. В субботу, прежде чем отправиться в те де-ревни, где им предстояло проповедовать на воскресных богослужениях, они направились к дому Анны. Возвра-тились они оттуда с сияющими лицами.
- О мапа! - уже издалека обратились они к Тре-тьему брату,- пленные были очень рады нам. Мы объяснили им путь спасения и прочитали некоторые библейские стихи. Они поняли нас, и четверо из них приняли в сердце Господа! Двое постарше смеялись, но четверо - это совсем ещё молодые люди, им всего
лишь по шестнадцать лет. Эти четверо сказали, что они очень рады. Они на коленях
благодарили нас!
- Благодарение Богу,- тихо прошептала мама.
- Через некоторое время я тоже посещу их,- добавил Третий брат.- Если мне разрешат, то я хо-тел бы хоть немного наставить их!
Его просьба была удовлетворена, и он смог поз-же поговорить с ними.
- Самый молодой из них знает мапу. Он спро-сил, нет ли его в деревне. Мапа часто
отдыхал в гости-нице его дяди и проповедовал ему, но сам он в то вре-мя не интересовался этим иностранцем, о чём теперь очень жалеет.
- Слышно ли что-нибудь в отношении казни? - спросила мама.
- Нет, этих четверых даже не связали. Анна се-годня утром приготовила им завтрак.
Однако в обеденное время над горами прогреме-ли выстрелы. Мария и Луиза сразу же
поспешили туда и увидели шестерых мужчин, выстроенных в ряд в цен-тре лощины. Правитель приказал солдатам расстре-лять троих из них. Оставшиеся трое, плача и дрожа всем телом, были возвращены в дом Анны. Среди тро-их расстрелянных находился один из юношей. Это было ужасно! Все жители деревни сожалели о нём.
- Зачем ему нужно было расстрелять этого пар-ня? - стонала мама.
- Он говорит, что во время нападения на помес-тье они, насмехаясь над ним и пугая его, направляли на него свои револьверы. Тогда он решил в своём сер-дце отомстить им! - с горечью ответил Лузенг.
- Я понимаю теперь, зачем Бог позволил ему привести этих людей сюда,- вслух размышляла мама.- Нам нужно радоваться этому, а не скорбеть. Так должно было случиться, чтобы они смогли ещё

раз услышать Слово жизни, прежде чем уйти в веч-ность. Люди не могли дать им такой возможности, но Бог сделал это. Как нам нужно благодарить Бога, что мы без промедления указали им путь спасения! Как это чудесно - быть соработниками у Бога!

Мама тяжело переживала случившееся, но нако-нец после этих мыслей она успокоилась.

Лузенг с Тимофеем получили от правителя зада-ние - отправиться в деревню Курюкендорф с поруче-нием. Так как это было в конце недели, Лузенг принял участие в воскресном собрании той деревни. Ему с Ти-мофеем поручили принести правителю донесение раз-ведчиков, которые на другой стороне реки вели наблю-дение за вооружённой группой.

Лузенг возвратился домой, радостно улыбаясь. - Я рад, что мы не богаты,- сказал он.- Семья Са-си-нью-па оказалась в очень щекотливом положении. Все в этой деревне спрятались из страха перед нападением. Днём кто-нибудь из жителей появляется в деревне, чтобы удостовериться, всё ли пока осталось по-прежнему. Деревня как будто вымерла. Все её жители прячутся или в пещерах, или в какихнибудь лес-ных убежищах. А богатый Са-си-нью-па со своими многочисленными мешками зерна не знает, куда бе-жать. Никто не хочет тащить его богатство сначала в пещеру, а потом обратно. А ещё окорока! - Лузенг громко рассмеялся.Вокруг его головы висело око-ло десятка окороков, когда он стоял среди своих ве-щей, отдавая приказания и тут же отменяя их. А в это время его родственники метались туда и сюда, хватая что-либо из его вещей, и если им эта вещь казалась слишком тяжёлой, они бросали её обратно, а он так громко кричал на них, вытирая бегущий по лицу пот!

Долго ещё Мария и все родственники смеялись, представляя себе эту картину.

- Да, истину говорит Библия: <Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, нахо-дящих на вас...> (Иак. 5,1).

- А на богослужение хоть кто-нибудь пришёл? - спросила Мария.

- Да, они возвратились, как только услышали о моём приходе. Но слухи о том, что в Бе-хехе находятся вооружённые люди, подтвердились - там их пример-но сотня. Разведчики постоянно приходят и уходят.

Спустя примерно десять дней вечером, когда уже начало смеркаться, староста снова появился в центре деревни и провозгласил:

- По одному человеку от каждого дома должны отправиться в Ба-ю-де и всю ночь стоять там на стра-же. Поступило сообщение, что пятьдесят человек дви-жутся в сторону нашей деревни. Из каждого дома один должен идти!

В ответ послышалась буря протестов. Весь день напролёт люди работали в поле, с коротким переры-вом на обед, и только что возвратились домой, как вдруг такое приказание! К тому же весь день шёл дождь, как обычно в это время года. Но приказ дедушки обсужде-нию не подлежал, поэтому мужчины, поужинав, отпра-вились в путь. За поясом у каждого был длинный нож, а единственной защитой от дождя служили большие соломенные шляпы.

Мария как раз готовила завтрак, когда в хижину вошёл Тимофей и, усталый, бросился на свою постель.

- Всё напрасно! - коротко сказал он.- Это была лишь маленькая группа торговцев из Тенгчунга. С того времени, как разрушен подвесной мост через Залвеен, путникам ничего другого не остаётся, как воспользо-ваться нашим мостом. Все эти торговцы выглядят очень жалко, как оборванцы. Скоро они прибудут сюда. Из-за того что им пришлось делать такой большой крюк, они весь свой доход использовали на про-дукты, а некоторые из них были вынуждены даже про-давать свою одежду, чтобы купить что-нибудь поесть. Им предстоит ещё неделя пути, но они не смогут голо-дать ещё целую неделю, пока дойдут домой!

Вскоре вереница беженцев потянулась через Олив-ковую деревню. В числе их была даже группа тибет-цев. С этого времени подвесной мост должен был ох-раняться днём и ночью, что также входило в обязан-ности племени лису. Из каждого дома по крайней мере один человек должен был на четыре дня и ночи предо-ставить себя в распоряжение правителя. Лузенгпа чув-ствовал себя достаточно сильным для этой

службы, так что Тимофей мог трудиться на поле. В отношении во-оруженной группы, находящейся в восточных горах, стало известно, что она готовится к нападению. Пра-витель Дван со своим офицером отправился в горы, чтобы лично проверить состояние воздвигнутых там по его указанию укреплений. Лису, проживающие на восточном берегу, должны были днём и ночью охра-нять тропу, ведущую в ущелье Бехех.
Некоторым уте-шением для них служило сознание того, что не они одни отрываются от полевых работ.
А тут ещё свалилось новое горе. Правитель ре-шил укрепить восточный берег вокруг подвесного моста и для этой цели приказал рыть глубокие окопы. Тот участок земли принадлежал Лузенгма, и она по-садила там лён. Теперь же всю землю перекопали, и пропал лён, который предназначался для одежды семье на весь год; причём никто не спрашивал её разрешения и никто не возместил ей ущерба. К тому же всё это было напрасно, поскольку ожидаемого нападения так и не произошло.
Однажды жители деревни заметили толпу людей, спускающихся по восточному склону горы. Их было тридцать семь человек. Издалека невозможно было определить, что это за люди. Решили, что они намере-ны захватить подвесной мост. Коммунисты уже про-никли в северную часть ущелья, и им удалось привлечь на свою сторону учителя, который был христианином и являлся членом северной церкви. Это был молодой Фома, которого позже прозвали Красным Фомой. Он повсюду говорил христианам, что красные намерены спуститься глубоко вниз, чтобы <освободить> их. Не являлась ли эта длинная, спокойно приближающаяся колонна передовым отрядом коммунистической ар-мии? Опять усталых крестьян подняли с постелей и послали оборонять мост. И опять напрасно.
Когда рассвело, выяснилось, что это торговцы со-лью из племени лису, причём среди них было много жён-щин. Они хотели воспользоваться мостом, чтобы пере-нести соль из соляных ям Меконгтале в Тенгчунг, где им за неё предлагали высокую цену. Они обращались к пра-вителю, но тот отказал им. Он сам планировал начать с Тенгчунгом торговлю солью, и так как ему было выгод-но удерживать высокую цену на соль, он отказался про-пустить туда этих людей. Всё их маленькое богатство состояло из груза соли на плечах. Они умоляли правите-ля, чтобы он разрешил им продать соль хотя бы в Олив-ковой деревне. У большинства жителей соль давно за-кончилась. Но правитель отклонил и эту их просьбу. Жители Оливковой деревни должны будут покупать соль у него и притом за установленную им цену.
Бедные люди! Они спустились на две тысячи фу-тов с гор, и теперь им снова предстояло тащить свой груз туда же! Бедные женщины! Это было просто пре-ступление - заставлять их совершить этот тяжелейший подъём. У них не оставалось другого выхода, как по самой дешёвой цене продать соль самому правителю и с пустыми руками возвратиться домой, не в состоянии приобрести ткань для зимней одежды детям, которую они надеялись купить за вырученные деньги. Если бы они решились подниматься в горы с таким тяжёлым грузом, то могли причинить ущерб своему здоровью, от которого потом, возможно, страдали бы всю жизнь.
Теперь правитель заставил жителей Оливковой деревни перенести соль через мост под крышу его дома, не уплатив им за это ничего. Людям пришлось на про-тяжении двух дней без отдыха таскать его соль с бере-га реки в его дом. И опять каждая семья должна была прислать своего представителя. Никто не отдыхал, пока всё не было перенесено наверх. Многие девушки вынуждены были проделывать этот путь несколько раз в день. И вот награда: они могли затем купить у него немного соли за обычную цену! Если им хотелось иметь соль, у них не было другого выбора, они были вынуж-дены покупать её у него.
В течение этих напряжённых дней состояние Ма-рии ухудшилось. Кровотечения из носа, которые рань-ше случались один раз в день, теперь стали чаще. Ни одно из

лекарств, которые давали ей Самуил и мама, не помогало. Её силы медленно таяли, и тогда с нею по-ступили, как написано в Иак. 5,13-14. Мапа снова жил в Оливковой деревне. Вместе с местным дьяконом и Третьим братом он совершил всё, как написано, а цер-ковь в это время молилась в часовне. На следующий день кровотечение ещё раз повторилось, а затем пре-кратилось, и Мария в течение длительного времени могла отдыхать. Как все радовались этому! Даже языч-ники переживали за Марию; всем был дорог этот ма-ленький огненный камень. Лузенг удивлялся тому, с каким переживанием язычники спрашивали о самочув-ствии Марии. Этот случай показал им, что может сде-лать Господь. Однако силы Марии истощились. Теперь на её помощь в работе рассчитывать не приходилось.
Никто не требовал этого от Лузенга, но он сам взял на себя присмотр за коровами,
и его посещения окрестных деревень с целью душепопечительства прекратились.
В августе новое происшествие отвлекло всеобщее внимание от Марии. Серьёзно заболела белая миссио-нерка в Муа-гоу, Четвёртая сестра, жена Аллина Кука. Её муж, который руководил здесь миссионерской рабо-той, послал вестника в Оливковую
деревню с сообщени-ем, что Четвёртую сестру, которая страдает от сильных болей, необходимо как можно скорее доставить в боль-ницу. Она просила, чтобы её отнесли
к маме, откуда за-тем она смогла бы попасть в Китай, в больницу. Её муж из-за трёх маленьких детей и бывших в полном разгаре занятий библейской школы не мог сопровождать её. По-этому он послал второго посыльного, чтобы уведомить миссионеров Оливковой деревни, что Четвёртая сестра уже находится в пути и было бы неплохо, если Третий брат спустится по ущелью навстречу ей. На следующий день
рано утром Третий брат вышел из деревни.
Несколько дней прошли в томительном ожида-нии, пока очередной посыльный не принёс весть, что в хижине лису, где отдыхала Четвёртая сестра, закон-чился весь
запас сухого молока, а она, кроме него, ни-чего не могла принимать; поэтому она очень просила, чтобы кто-то принёс ей молоко. Посыльный прибыл к маме вечером. Шёл сильный дождь, однако двое из учеников библейской школы вызвались тотчас же идти. Смелые юноши взяли по фонарю и отправились в путь, в то время как остальные молились за них. Вре-мя от времени до слуха путников долетал шум срыва-ющихся со скал камней, которые громко катились по склонам гор. Не зная, куда именно упадёт камень, они с приближением шума останавливались и начинали молиться. Бог сохранил их невредимыми, помог дос-тигнуть цели и возвратиться обратно, сохранив также
и жизнь белой миссионерки. Через два дня её на но-силках доставили в Оливковую деревню.
Хотя она во время пребывания в деревне не мог-ла вставать с постели, её поведение послужило боль-шим благословением для лису, они ещё долго вспоми-нали о ней. Эта женщина интересовалась всеми. Ма-рия уже окрепла настолько, что могла
выходить из дома, и, когда она однажды робко посетила белую миссионерку, обе они
пережили благословение драго-ценного общения, которое длилось примерно час. Не-смотря на испытываемые боли, Четвёртая сестра за-мечала всё, что происходило вокруг неё.
- Мария очень милая маленькая женщина! - однажды сказала она маме.- Ей необходимо лечение под наблюдением врачей. Если она уже может ходить, почему бы нам не взять её с собой в Паушан? Когда мой муж с детьми придут сюда, чтобы сопровождать
меня, я возьму Марию с собой.
Это дружеское предложение пробудило в сердце Марии новые надежды. Мама проштудировала все медицинские книги, которые она нашла на миссионер-ской станции, и пришла к заключению, что у Марии полип в носу. Никогда раньше она не сталкивалась с этим, но Четвёртая сестра оказалась компетентней.
- Я знала человека с подобной болезнью,- ска-зала она.- Это не опасно, её легко вылечить. Да, Ма-рия должна пойти со мной. Две девушки лису отпра-вятся с нами и

помогут в уходе за детьми, так что Ма-рия не будет чувствовать себя одинокой! Мама спросила Марию, согласна ли она, чтобы её несли, но та и слышать не хотела о таком. Никто из лису никогда не согласится на это, разве что будет в бессознательном состоянии или настолько слаб, что не сможет стоять на ногах. Никому и на ум не прихо-дило, что с Марией дело обстояло намного серьёзнее, чем просто полип, а если бы она даже и знала об этом, то всё равно отказалась бы. Это выглядело бы с её стороны тщеславием, и всякий мог подумать, что она хочет поставить себя на одну ступень с супругой пра-вителя. Лису презирают всякого местного жителя, ко-торый стремится возвыситься над другими, и в таких случаях они обычно непреклонны.

Теперь в доме Лузенгма не было недостатка в те-мах для разговора. Мария отправляется в дальнее пу-тешествие в большой китайский город! Из всей Олив-ковой деревни там бывали только несколько мужчин, они покупали там для мапы
муку и сахар. Чего только не рассказывали они о магазинах и больших городс-ких рынках с чудесными вещами! Лузенг знал город. Тимофей, ни с кем не говоря на эту
тему, решил по-просить Старшего брата, мужа белой миссионерки, взять его с собой
в качестве носильщика вещей Четвёртой сестры. Всегда спокойный и послушный, Ти-мофей на этот раз проявил настойчивость. Он нико-да ещё не был в большом городе, и теперь хотел пойти во что бы то ни стало! Его желание было удовлетворе-но, и это утешило Марию, поскольку Тимофей был настоящим братом. Мама сказала, что позаботится о содержании Марии, и вопрос был решён.

Были все основания полагать, что Мария вернёт-ся домой вполне здоровой. Она снова стала хорошо кушать и даже немного поправилась. Язычники и хри-стиане переживали за неё и молились о полном выздо-ровлении. Мама собиралась прийти в Паушан позже. Занимаясь лечением многих глазных болезней лису, она сама заболела
глазами.

Упорное сопротивление правителя коммунистам в районе Меконга не было безуспешным. Во всей этой местности царило спокойствие, и казалось, что наста-ло
время отправляться в путь. Мама решила подождать,
пока приведут назад её мула, которого она одол-жила Старшему брату, а
после этого она надеялась отправиться в Паушан вместе с Денни.

Наконец наступил долгожданный день. Хотя Ма-рии было нелегко оставлять маленького Павла, она при расставании плакала не так сильно, как опасалась. Но-сильщики - все они были жителями Оливковой дерев-ни - внесли много веселья в группу путешественников, хотя несколько дней подряд непрерывно шёл дождь. Из-за того, что с ними были дети, приходилось часто оста-навливаться. Дорога проходила
по незнакомой мест-ности, так что встречалось немало интересного. Как раз было время уборки урожая, и Мария видела на полях много китайцев, которые жали пшеницу. Они, как и её земляки, вынуждены были проводить ночи в импрови-зированных укрытиях. А как она удивилась, когда по-степенно горы сменились равниной! Ах-бей! Ах-бей! Мария и другие женщины лису не могли удержаться от восклицаний при виде раскинувшейся на многие мили, окаймлённой холмами, равнины Паушана.

Но, прежде чем они достигли равнины, вдруг по-слышался какой-то странный звук, а
затем они увидели движущийся на колёсах дом. Это был грузовик. Как, на-верное, чудесно сесть в него и ехать! Они спросили но-сильщиков, сколько нужно было бы уплатить за такую поездку. И вообще, разрешат ли лису ехать в таком доме? В группе носильщиков не было ни одного, кто с боль-шой радостью не пожертвовал бы за такую поездку часть своего заработка. Когда они тем временем пересекли равнину, то увидели ещё один вид транспорта - упряж-ку лошадей. Её наняли для Четвёртой сестры, Марии и детей, и на ней они доехали до города. О, каким это было удовольствием, хотя в то же время им было немножко страшно! Громыхая и скрипя, повозка ехала по ухабис-той дороге, и Марии, чтобы не выпасть из неё, приходилось
изо всех сил держаться за борт. А сколько кругом было людей! Мария, дитя

гор, никогда в жизни не виде-ла больше нескольких сотен человек, собранных вместе;
шестьсот христиан, которые собирались в их деревне на праздник Рождества, едва ли были бы заметны в этой толпе. Она вдруг вспомнила рассказ Лузенга о множе-стве людей в Китае и почувствовала на сердце тоску при мысли, как долго она ещё не сможет увидеть свою ми-лую маленькую хижину, которая была её домом! Куда делись носильщики, эта маленькая кучка знакомых лиц из Оливковой деревни? Она оглянулась на убегавшую вдаль дорогу, оставшуюся за спиной, но никого из них
не было уже видно. Когда они подъе-хали к городу, Мария удивилась огромным воротам и высоким городским стенам. Она обратила внимание, что ворота охранялись
солдатами. Здесь им всем пришлось сойти с повозки и пойти пешком по вымощен-ной
булыжником улице, с обеих сторон которой рас-полагались торговые лавки, о которых рассказывал Лузенг и которые действительно были полны прекрас-ных блестящих вещей. Маленькое дитя гор просто оне-мело от потрясения.
Вдруг из маленькой четырехугольной хижины вышел солдат, направил своё ружьё на чужеземцев и спросил:
- Кто вы такие?
Мария и остальные девушки лису в ужасе прижа-лись друг к другу, но Старший брат,
нисколько не ис-пугавшись, спокойно ответил:
- Американец! - и они продолжили свой путь. Вскоре они свернули в узкий проулок и постучались в одну из дверей в высокой стене. Когда Мария пересту-пила порог, она оказалась в самом прекрасном саду, ка-кой только могла себе представить. В задней части сада находился китайский дом, похожий на замок правителя,
только чуть поменьше. Навстречу им вышла и сердечно приветствовала их миссионерка, которая построила и вырастила всё это. В то время как белые люди пожимали друг другу руки, к лису подошёл приветливый старый китаец и провёл их в
предназначенные им помещения. Мария и её подруги разместились в комнате, которая
располагалась над кухней.
Во время вечерних сумерек раздались возгласы,
которые возвестили о прибытии носильщиков. Один из них на таком милом, родном языке лису спросил:
- Ну, где мы будем спать? Мария из окошка смотрела на своих земляков, как они сняли с себя груз и, убедившись, что достигли цели, начали радоваться своему вознаграждению, за кото-рое могли купить себе то, что им было нужно. Она поспешила к ним и приветствовала их с такой радос-тью, как будто целый год не видела. Затем все они стали говорить о чудесных вещах этой страны и о том, что они хотели бы купить себе. Мария мечтала о мате-рии на костюм для Лузенга, о пёстрой шапочке для Павла и о зеркале для себя. Они проговорили всю ночь напролёт, сидя у огня. Едва ли можно себе предста-вить более счастливую группу!
На следующий день Четвёртая сестра взяла Ма-рию с собой в клинику.
Белый врач осмотрел нос Марии и действительно обнаружил там полип. Но поскольку у него не было нуж-ных инструментов, он не смог удалить его. Прежде всего ей нужно было основательно отдохнуть, а затем дождать-ся прибытия мамы, чтобы с ней
обсудить дальнейшие пла-ны. Ей прописали укрепляющие лекарства, а Старший брат позаботился о том, чтобы она хорошо питалась.
Эта клиника, с её залами и двориками, с одетыми в белоснежные халаты сёстрами и с запахом незнако-мых лекарств, казалась ей огромным лабиринтом. Она обрадовалась, когда вышла в город и снова увидела над собой небо. Сегодня нужно было позаботиться о покупках, потому что её земляки не могли позволить себе оставаться здесь долго, ведь жизнь в городе обхо-дилась очень дорого. Мария хотела отправить с ними домой гостинцы. Тимофей и Соломон сопровождали её на многолюдном рынке. Выбор тканей был боль-шим, но как же всё дорого! Когда в разных местах на её вопрос о стоимости ткани ей спокойно называли цену, улыбка с
её лица постепенно исчезала.

- Я могу дешевле купить материю дома у тор-говцев из Бирмы! - сказала она Тимофею.
- Да, так будет лучше, и Лузенг поймёт тебя,- утешил её Тимофей.
Мария купила шапочку для Павла, зеркало и не-которые другие мелочи. Но вскоре она почувствовала необычайную усталость. Слишком много впечатлений, к тому же постоянный незнакомый разговор вокруг... Она охотно возвратилась бы к себе домой
и пораньше улеглась бы спать!
На следующий день носильщики отправлялись в об-ратный путь. Сколько было шума, пока они упаковывали свои вещи, готовясь к возвращению домой! Железная ка-стрюля, такая практичная и удобная в маленькой горной хижине, с трудом укладывалась в корзину. А глиняный горшок, незаменимый при засолки овощей, такого в род-ных горах нигде не найдёшь,- как обрадуется ему хозяй-ка! Но как его упаковать, чтобы донести домой целым? Здесь были и башмаки, и красные носочки для детей. Нуж-но было все эти сокровища так упаковать, чтобы они не испачкались о кастрюлю, в которой готовили пищу во время пути, иначе пропадёт вся их красота. Посторонне-му наблюдателю могло показаться, что лису - скупые, неряшливые, бедные и чересчур шумные люди. Но бело-му миссионеру, который живёт среди них, разделяя с ними
радости и скорби, и знает о их мужестве и стойкости, со-всем нетрудно проявлять к ним терпение и нелегко рас-ставаться с ними. Глаза Четвёртой сестры наполнились слезами, когда она прощалась с молодыми людьми, чьи плечи всё ещё болели от тяжести её носилок и вещей.
- Как мне хотелось бы возвратиться вместе с вами! - говорила она.
А маленькая Мария, стоявшая рядом с ней, вдруг почувствовала себя совсем одинокой. Её друзья из Олив-ковой деревни уходили, а она должна остаться здесь! Через неделю они будут дома, увидят её маленького Павла... Нет, она должна идти вместе с ними! Но её ре-шительно отговорили от этого.
- Мы оставим Соломона, чтобы он помогал нам в уходе за детьми. Так что у тебя будет, по крайней мере, один лису, с которым ты сможешь общаться,- дружески утешал её Старший брат.
Действительно, все с большой любовью относились к Марии, но когда она поднималась в свою ком-натку над кухней, та казалась ей такой пустой - ник-то из
девушек лису уже не ожидал её там. Один только Соломон сидел под лестницей, поддерживая огонь. Это было ужасно! Время от времени заходил один моло-дой китаец-христианин, который прислуживал в этом доме, и садился около Соломона.
- Ты должен научить меня языку лису, о котором мне рассказала Ева Тзенг,- как-то
сказал он.- Каж-дый вечер я читаю вместе с Ли-ма-па Библию, и когда белые миссионеры уедут в отпуск, я со своей женой при-ду к вам в ущелье, и мы будем трудиться у вас в каче-стве местных миссионеров.
-Я очень благодарен тебе,- ответил Соломон, чувствуя себя польщённым, что китаец
обратился к нему с просьбой.- Я с удовольствием буду учить тебя нашему языку!
Они сразу же приступили к занятиям. Ученик ста-рательно пытался правильно произносить такие фра-зы, как <идём кушать> и т. п., и если у него это получа-лось не сразу, они вместе начинали смеяться. Мария же чем дальше, тем сильнее тосковала по дому. Мысленно она вместе с носильщиками возвращалась в деревню.
В конце недели, когда они должны были достиг-нуть своей деревни, ей казалось, что она провела в Ки-тае целый год. Как выдержит она здесь дальше? Мама с Денни смогут отправиться в путь только через несколь-ко дней, а потом они ещё целую неделю будут доби-раться до Паушана. Затем они все вместе должны будут отправиться в другую больницу, и кто знает, не убьёт ли её к тому времени эта ужасная тоска по дому?
- Мне хочется вернуться домой,- поделилась она с Соломоном.- Здесь мне ничем помочь не мо-гут, зачем же оставаться дальше? Дома нужно убирать гречиху и прясть пряжу, а я уже столько времени без-дельничаю здесь! Скажи Старшему брату,
что мы хо-тим вернуться домой! - Маленький огненный камень утратил свой блеск. Душа Марии, казалось, была в панике от тоски по дому.

- О, сейчас она не может возвратиться домой! - отклонил Старший брат просьбу Соломона.- Мама в эти дни покидает деревню и скоро будет здесь. Мария должна дождаться её и поговорить с ней; возможно, они вместе отправятся в другую больницу.
Соломон передал Марии ответ Старшего брата, но это не успокоило её.
- Кто может дать гарантию, что мама действи-тельно возьмёт меня с собой в другую
больницу? Ска-жи ему, что я хочу домой. Возможно, следующей вес-ной я смогу снова отправиться в путь, и кто знает, может, Лузенг сможет сопровождать меня. Здесь я только напрасно трачу время. Я хочу уйти!
Смущённый, Соломон возвратился к Старшему брату, чтобы ещё раз поговорить с ним.
- Но, Соломон, мама уже точно находится в пути. Речь идёт буквально о нескольких
днях. Пусть она по-терпит! Разве её здесь плохо кормят? Смотри, она по-правилась
благодаря укрепляющим лекарствам и мяс-ному питанию. Она не тратит здесь времени
зря. К тому же нехорошо, если вы целую неделю в дороге будете вдвоём. Она просто
обязана остаться! Если Мария твер-до решила уйти, то ей нужно хотя бы дождаться мамы, чтобы вернуться домой вместе с носильщиками.
Однако Мария позабыла о всех своих принципах, и в душе у неё царило только одно глубокое, непрео-долимое желание - оказаться дома и ещё раз обнять своего маленького Павла. Если она останется здесь ещё надолго, то сын, чего доброго, больше не захочет и знать её, как это было у него по отношению к Лузенгу. Может быть, он теперь любит Только бабушку? Губы Марии сжались.
- Соломон, я должна идти. Больше меня не уго-варивай! Я не могу оставаться здесь
ни одного дня. Завтра я ухожу. Скажи им об этом. Я сожалею, что вынуждена поступить против их желания, ведь они так добры ко мне! Но они не знают, что я переживаю внут-ри. Я сама не понимаю себя. Я не могу этого объяс-нить. Я только знаю, что мне нужно идти!
Послушно, но глубоко смущаясь, Соломон воз-вратился к Старшему брату и сказал ему о решении Марии. Старший брат и Четвёртая сестра не верили своим ушам.
- Я в жизни не видел более упрямого человека! - позже говорил миссионер.
И когда Соломон и Мария на следующее утро, со-брав пожитки, предстали перед ним,
он до того расстро-ился, что не подал им на прощание руки. Возможно, он надеялся, что этим переубедит их, так как у лису счита-ется ужасным позором вызвать недовольство миссионе-ра своим поведением. Но он ошибся. Несмотря ни на что, Мария и Соломон отправились в обратный путь. Соло-мон нёс на себе все вещи.
Старший брат и Четвёртая сес-тра, ошеломлённые, вернулись к себе. Мария, жена Лу-зенга, позволила себе такое! Трудно было поверить. Им оставалось только молиться. И они преклонили колена, прося Бога, чтобы Он сохранил их в пути и избавил Ма-рию от позора, которого она в своей слепоте просто не могла предвидеть. И Бог, по Своему великому милосер-дию, ответил так, как мог сделать только Он.
Мама с Денни тем временем наслаждались пре-красным путешествием. Погода была солнечной и бод-рящей, как это бывает осенью в горах. Радость кресть-ян при виде
тучных снопов, которые они носили домой, чувство изобилия, которое наполняет каждого в это время года, голубое небо, золотые поля, чистый воздух - как прекрасно было видеть и наслаждаться всем этим!
Достигнув большой проезжей дороги, когда боль-шая часть пути осталась позади, они стали двигаться медленнее. Носильщики обрадовались, так как мама обещала, что, как только им встретится большой гру-зовик, они поедут на нём, если их возьмут до Пауша-на. Она была готова уплатить за всех половину сто-имости проезда, если они согласятся уплатить осталь-ное. Конечно, все сразу же согласились. Неожиданно перед обедом на крутом повороте, где горы справа от них вертикально поднимались вверх, а слева резко обрывались, один из парней

остановился:
- Ш-ш-ш!.. Я слышал, как кто-то закричал. Это голос Марии!
Все сразу же остановились и повернулись в сто-рону гор, возвышавшихся справа.
-Хо-о-о!
Действительно, там кто-то кричал. Они внима-тельно обшарили глазами склон горы и
обнаружи-ли узкую тропинку, а на ней совсем близко к краю горы две фигурки, похожие на две булавочные го-ловки. Снова раздался возглас, на этот раз совер-шенно отчётливо:
- Ма-а-арк!
- Это Мария и Соломон! - взволнованно ска-зал Марк.- Они, видно, идут домой. Тропа, ведущая в Оливковую деревню, сворачивает с дороги в пятнад-цати минутах ходьбы отсюда.
- Хо-о-о! - закричал он в ответ,- спускайтесь сюда, чтобы мы могли поговорить! Что вы там делаете?
- Слишком далеко спускаться к вам! - прозву-чал голос Марии. Было видно, что они
советуются друг с другом.- Я сойду, если мама пообещает, что возьмёт меня с собой в Тали, в больницу!
Беседовать, когда между собеседниками расстоя-ние примерно в пятьсот футов, нелегко.
- Я не могу сейчас ничего обещать! - сказала мама.- Ведь она сопровождала Четвёртую сестру в Паушан. Или Четвёртой сестры уже нет там? Я же не знаю, что там случилось после того, как носильщики покинули клинику! Попытайся ещё раз уговорить Ма-рию спуститься.
- Я кое-что придумал,- сказал Самсон.- Ска-жи им, пусть они спустятся на площадку для отдыха, которая расположена немного ниже их тропы. Отсю-да до неё минут пятнадцать ходьбы.
Марк громким голосом передал им это предло-жение, после чего было видно, как две
булавочные го-ловки на высокой тропе стали совещаться. После это-го послышался голос Соломона:
- Сейчас Мария придёт! Я останусь здесь и буду
ждать. Мы уже пообедали!
Затем булавочные головки разделились. Одна ста-ла быстро спускаться по узкой тропе и вскоре затеря-лась в густом кустарнике, в то время как вторая оста-лась терпеливо ждать.
Группа мамы, преодолев несколько изгибов тропы, достигла площадки. Там, недалеко
от дороги в Бирму, сто-яла одинокая хижина. Где-то рядом слышался шум ручей-ка, а на склоне горы они нашли достаточно сухих дров, что-бы приготовить обед. Вскоре тут и там вспыхнули малень-кие костры, и звон кастрюль, смешиваясь с плеском воды, которой промывали рис, наполнил воздух атмосферой уюта. Вскоре изза
деревьев послышался голос Марии, а потом показалась и она сама. С радостью она пожимала руки одному за другим. Мама в глубине души удивлялась:
она никогда ещё не видела Марию такой красивой. Её щёки от энергичных движений раскраснелись, глаза сияли от ра-дости свидания с дорогими её сердцу людьми. Словно жем-чужины, сверкали прекрасные зубы, когда она, улыбаясь, поочерёдно протягивала руку то одному, то другому бра-ту. Наконец подошла очередь Денни, который дома играл вместе с её Павлом. И тут долго сдерживаемая тоска по дому прорвалась горючими слезами.
- Я так соскучилась по Павлу,- сказала она, вытирая слёзы.- Когда я увидела Денни, он сразу встал перед моими глазами!
Пока остальные готовили обед, Мария сидела у огня и рассказывала свою историю. Врач не считает нужным сразу же отправить Четвёртую сестру в боль-ницу Тали; возможно, она поедет туда месяца через два. Её полип здесь удалить невозможно, так как нет необходимых инструментов. Затем она откровенно рассказала о своей неудержимой тоске по дому, такой тоске, что она не видела другого выхода, как отпра-виться вместе с Соломоном домой. Перемена городс-кой обстановки на свободную жизнь в горах оказала
благотворное действие. С Марией теперь гораздо легче было говорить.

- Мария,- сказала мама, отойдя с ней немного
в сторону, чтобы никто их не слышал.- Ты помнишь то маленькое письмо, которое передала мне через Четвёртую сестру перед уходом? В нём ты сообщала хо-рошую новость. Я сохранила эту тайну, как ты того желала. Но теперь подумай хорошенько. В марте ты ожидаешь ребёнка. Как ты представляешь позже эту операцию
по удалению полипа? Когда ты родишь, ты будешь на долгое время привязана к дому и ни о ка-ком путешествии нельзя будет и мечтать. Мне кажет-ся, самое благоприятное время для операции теперь
или никогда!
Мария покраснела. Но её ответ не заставил себя
долго ждать.
- Хорошо, мама, если ты считаешь, что я долж-на возвратиться с тобой, я согласна. Только скажите Соломону, что ему не обязательно возвращаться в го-род.
Выше по тропе находится деревня; пусть он там подождёт, пока вернутся твои носильщики, и с ними
возвратится домой.
Так Бог ответил на молитву миссионеров. Мария
стала совсем другой. Возможность идти вместе с до-рогими братьями из её родной деревни и узнать от них все деревенские новости, услышать, что Павел не за-был её и скучает по ней, что он так обрадовался новой шапочке, что не хочет одевать никакую другую - всё это сделало её счастливой. То, что Лузенг повёл
строп-тивого старого быка в Бирму, чтобы продать его там на рынке за хорошую цену и купить более покладис-того, а на оставшиеся деньги приобрести лекарства и
разные нужные вещи для семьи, подействовало на неё, как вода на умирающую от жажды душу. Она даже не замечала, какой длинный путь до Паушана пришлось
ей проделать снова. Наконец перед наступлением ночи мама объявила привал.
- Завтра воскресенье. Мы останемся здесь. По-ищите подходящую площадку, где мы сможем пере-ночевать!
Носильщики переглянулись. Никто не хотел на целый день задерживаться здесь, так близко от боль-шого города.
- Уже недалеко до Паушана,- дипломатично на-чал один из них.- Мы могли бы рано утром отправить-ся в путь и к обеденному богослужению быть на месте!
- Да, мы могли бы поступить так, но давайте сде-лаем иначе,- возразила мама.Там под холмом рас-положена деревня, жители которой немного понимают язык лису. Несколько лет назад я провела там ночь. Зав-тра мы сможем им проповедовать. Все путешественники, как и вы теперь, спешат мимо них, чтобы как мож-но скорей прибыть в город. Нет, мы останемся здесь!
Однако Бог судил иначе. Вдруг они увидели гру-зовик, который двигался вниз, по направлению к го-роду. Он мог бы за два часа доставить их туда, и тем самым мама
смогла бы выполнить своё обещание. Некоторые из носильщиков подняли руки, но машина промчалась мимо, будто не заметив их. Но, достигнув подножия холма, машина неожиданно остановилась, и из неё вышли двое мужчин. Носильщики сразу же побежали вниз в надежде, что их мечта исполнится и они эту ночь проведут в городе. Мама видела, как они разговаривали с водителем; затем они быстро, как только могли, побежали назад.
- Шофёр говорит, что у него есть места для мамы, Денни и одного из лису; больше он никого взять не может.
- О мама, ты же знаешь, что я ещё ни разу не ездил на машине! - слышалось с разных сторон.
Мама не знала, что делать. Машина не в состоя-нии взять всех, и она решила: пусть едут носильщики, раз уж им так хочется. Сама она последует за ними в понедельник.
- Нет, сказали они,- водитель хочет взять толь-ко тебя с Денни и одного из нас, как мы тебе уже ска-зали. Он христианин и знает Ли-ма-ма в Паушане!
Кого же ей взять с собой? Никогда ещё мама не находилась в таком затруднительном
положении, как теперь, когда одиннадцать пар глаз устремились на неё
в напряжённом ожидании.

- Это должен быть тот, кто знает дом Ли-ма-ма,- медленно проговорила она. Переводя свой взгляд с одного на другого, она остановилась на Ма-рии.- Я возьму с собой Марию,- наконец сказала
она, и вопрос был решён.
Для Марии это было совершенно неожиданно. В стране лису все преимущества достаются мужчинам, и она, как и другие женщины лису, привыкла к этому. Нужно было видеть выражение её лица, когда до неё дошёл смысл услышанного! Оно прямотаки
засвети-лось от радости и волнения. Затем мама с Денни сели в кабину, поскольку один из китайцев великодушно уступил им своё место и забрался в кузов.
Марии при-шлось лезть в кузов, что для неё, жительницы гор, было совсем нетрудно. Её глаза сияли от радости. Она дру-жески помахала товарищам, которые остались одни на дороге, глядя вслед быстро удаляющейся машине.
Никогда ещё она не передвигалась с такой скоро-стью. До наступления ночи машина проделала путь, для которого ей с Соломоном понадобилось около суток. Грузовик остановился на порядочном расстоя-нии от города; однако дружелюбный китаец позабо-тился о повозке, которая довезла бы их до цели, и сам оплатил их проезд. Оказалось, что он - беженец из
Пекина; работая шофёром, он намерен заработать достаточно денег, чтобы продолжить учёбу. Христиа-нином он стал всего лишь год назад. Доехав до своей школы, он дал кучеру много наставлений, как следует обращаться с иностранцами.
Между тем быстро тем-нело. Повозка двигалась гораздо медленнее, чем грузовик. В
городе Мария повела маму и Денни по ули-цам; когда стража что-то крикнула им, она тихонько подсказала маме, как ей нужно ответить, и они благо-получно достигли дома Ли-ма-ма.
Сколько было радостного волнения, когда мис-сионеры узнали, кто приехал!
- Где ты встретила Марию? - спросила Четвер-тая сестра, спускаясь по лестнице и плотнее закутыва-ясь в своё пальто.- Бог ответил на наши молитвы! Но как это случилось?
- Это действительно чудо,- просто ответила мама.- На узкой горной тропе есть только одно мес-то, откуда виден бирманский тракт, после чего дорога сворачивает
в сторону; как раз там и оказались Соло-мон с Марией. До следующего поворота всего несколь-ко метров. Мы как раз находились на этом коротком отрезке дороги, когда Мария с Соломоном шли по горной тропе высоко над нами. Они посмотрели вниз, и Мария, узнав Денни и носильщиков, крикнула нам.
Никто не подозревал, что в эту ночь, к счастью Соломона и Марии, произошло ещё одно чудо. На следующий день посыльный принёс в город плохую новость:
в то время, как мама со своей группой спускалась по ущелью Салуина вниз, по параллельному ущелью Меконгтале спускались коммунисты, которые сожгли мост у Меконга и направились к Паушану. Город сразу же стал готовиться к отражению нападения. Позже стало слышно, что этот же отряд разрушил мост через Салуин, и в понедельник дорога в больницу была отрезана.
Удивительно, но носильщики мамы ранним воскресным утром покинули площадку для отдыха, где мама планировала остаться на воскресенье, и к началу богослужения уже были в Паушане. Если бы они задержались ;
там дольше и если бы женщины не уехали на машине, то, возможно, все они попали бы в руки солдат, которые двигались в сторону Паушана.
В понедельник ещё не было точно известно, в каком направлении продвигаются красные. При таких условиях невозможно было послать Марию в больницу Тали, так как дорога туда была перерезана с обеих сторон и никто не знал, когда будут восстановлены оба больших моста. Старший брат, Четвёртая сестра и мама обсуждали
между собой, что же теперь делать с Марией. Сама она сказала, что хочет вернуться домой
вместе с носильщиками.
- Дело выглядит так, как будто это единственно правильный выход для тебя, Мария,- медленно проговорила мама.- В сложившейся ситуации мы больше ничего не
можем сделать. Но прежде чем ты отправишься в путь, мы попытаемся связаться по

телефону с малой, который сейчас находится в Куньмине. Он наблюдает за ходом печатания нового катехизиса для лису и других книг и на днях должен вернуться. Возможно, он сможет принести с собой инструменты, необходимые для твоей операции. Врач говорит, что он мог бы сделать эту операцию в Оливковой деревне, если у него будут инструменты. Он надеется в ближайшее время посетить нас; поэтому нужно молиться, чтобы Бог всё устроил к нашему благу!
Мария была счастлива услышать такое решение и вскоре она уже прощалась с остающимися.
- Не лучше ли вам возвращаться через среднее
ущелье Салуина? - спросила мама.
- Возможно,- ответил Юниа,- только нас в деревне ждёт Соломон, и потому мы вынуждены выбрать
эту дорогу. Без тяжёлого груза мы пойдём быстрее.- И маленькая группа отправилась в путь.
В первый день путешествия они встретили много грузовиков с солдатами, направляющихся в сторону Меконга для участия в боях. Группа лису быстро двигалась по дороге, никто не обращал на них внимания.
Однако на следующее утро они услышали выстрелы и как можно быстрее направились в сторону гор. С того места, откуда Мария увидела внизу на дороге маму с её маленькой группой, стрельба казалась та-кой громкой, что они, как маленькое стадо, в страхе прижались друг к другу. Шум в кустах под ними заставил их вздрогнуть. Вдруг ветви кустарника раздвинулись, и оттуда выглянуло испуганное лицо солдата. В его глазах было столько страха, что они осмелели, и Юниа, который владел китайским языком, спросил его:
- Что здесь происходит, и что ты здесь делаешь?
- Мы воюем против красных,- ответил солдат и показал вверх на тропу,- но я хочу домой. Не выдавайте меня, если встретите мой отряд.
- Нет, этого мы не сделаем. Но скажи, кто побеждает? - с любопытством спросил Юниа.
- Этого я не знаю, хотя думаю, что наши выиграют битву. Сейчас бой идёт в Вахо, в самом разгаре. А вы куда идёте?
- Мы прибыли из ущелья Салуин и здесь поблизости должны встретить одного из наших, он ждёт нас. Но мы не можем найти его!
- О, здесь вы его не найдёте. Он, скорее всего, ушёл дальше, так как со вчерашнего вечера бой не прекращается. Если вы пойдёте обычным путём, то как раз попадёте в самую гущу событий. Я знаю это, так как мой дом находится недалеко отсюда. Идите в ближайшую деревню и найдите проводника, который провёл бы вас через горы. Ничего лучшего я посоветовать не могу!
С этими словами он исчез в зарослях.
После его ухода все окружили Юниа, желая знать, что сказал солдат. Но так как выстрелы стали раздаваться совсем близко, Юниа, не долго думая, взял на себя руководство группой.
- Быстро всем подниматься на ближайшую вершину! Там мы спрячемся в зарослях! - приказал он, и все бросились с места.
Мария карабкалась за ними, как горная козочка, так как братья несли её груз. Далеко после полудня они достигли вершины горы, нашли укромное местечко в кустах, где их никто не мог увидеть, и даже попытались развести небольшой огонь, чтобы сварить рис.
Снова и снова доносились выстрелы, свидетельствующие о том, что битва всё ещё продолжается. В этом укрытии они провели холодную ноябрьскую ночь. Задолго до первых проблесков нового дня они приготовили завтрак, чтобы с наступлением рассвета отправиться в путь.
Один из местных жителей согласился провести их через горы в Тзаогин, дальше они легко найдут дорогу. С лёгким сердцем они спустились по склону горы до дороги на Тзаогин, полагая, что битва осталась далеко позади и что они избежали всякой опасности. Ещё не успели они далеко отойти, как увидели на дороге перед собой одинокого путника, в котором узнали Соломона. Радостные возгласы эхом отозвались в скалах. Каким утешением для Соломона было снова оказаться в родной семье! Какое счастье быть среди родных лиц и слышать голоса дорогих сердцу людей! Им было что рассказать друг другу.
От Соломона они узнали, что он, как и было условленно, ждал их, пока бегущие с поля боя местные

жители не предупредили его о том, что фронт приближается. Тогда и он вслед за ними побежал. Местные жители объяснили ему, как попасть на дорогу в Тзаогин.
В то время как они быстро продвигались вперёд, делясь друг с другом тем, что им пришлось пережить, вдруг совершенно неожиданно за поворотом дороги они натолкнулись на трёх солдат, сидящих у дороги. Солдаты сразу же направили на них свои ружья и закричали:
- Кто вы?
- Мы бедные лису и направляемся в долину,- робко пролепетал Юниа на ломаном китайском языке.- Мы идём домой!
- О, тогда мы присоединимся к вам, так как нам тоже нужно попасть в Тзаогин! - сказали солдаты и опустили ружья. Они поднялись и присоединились к группе лису.
- Это разбойники! - прошептал Юниа своим испуганным товарищам, которые старались
держаться поближе к нему.- Я знаю их одежду и головные уборы. Банда, которая в мае месяце ограбила правителя, была одета точно так!
Однако солдаты дружески разговаривали с ними, расспрашивали их, пытаясь узнать, видели ли они бой. Юниа отвечал очень осторожно, намеренно ведя себя робко и простодушно. Вскоре он узнал, что они совершенно не понимают языка лису, и это открытие обрадовало его, так как теперь он мог, не таясь, советоваться с друзьями. Солдаты выглядели голодными и усталыми;
было ясно, что они давно уже по-настоящему не ели. Они объяснили, что заблудились и потому отстали от своего отряда, но надеялись в горах Тзаогина догнать его. Юниа спокойно выслушал их объяснения и принял решение.
- Они ослабли от длительного голодания,- коротко сказал он Марии и своим друзьям.- Давайте
пойдём быстрее и таким образом отделаемся от них. У нас нет другой возможности спастись. Кто знает, где находится остальная часть банды и что будет с нами, когда мы столкнёмся с ней.
Никто не мог обогнать лису в горах, будь то белый или китаец. На равнине нетрудно идти рядом с ними, лису утверждают, что у них болят ноги, когда они движутся по горизонтальной плоскости. Однако в горах они напоминают диких коз. Поэтому расстояние между ними и солдатами постепенно увеличивалось.
- Подождите нас, не бегите так быстро! - кричали им вслед красные, поняв, что замыслили лису.
Юниа извинился, но спокойно продолжал идти в том же темпе. Коммунисты пытались догнать их, но Юниа рассчитал правильно. Из-за длительного голодания они были слабыми и вскоре остались далеко позади.
- Вы плохие люди! У вас злые сердца! - кричали они вслед удаляющимся лису.
Но те только ускорили шаг, пока наконец совсем не исчезли из виду. Горы стали заметно ниже и вскоре остались позади, и лису оказались в окружённой холмами долине Тзаогин, где путники обычно отдыхали. Посреди долины уютно текла небольшая речка. У подножия холмов расположились бедные глиняные деревенские хижины, а вдалеке виднелся высокий замок, находившийся в черте города, который и
дал название этой долине.
-Давайте лучше не будем здесь отдыхать! - предложил Юниа.- Разбойники сказали, что их отряд находится в горах. Возможно, они имеют в виду южные горы, но точно я не знаю. Нам нужно быть осторожными. Мария, ты ещё в состоянии идти? Можешь ты дойти до горячих источников, прежде чем мы покушаем?
- Хорошо,- согласилась она, тяжело дыша.- Только вы идите вперёд, а я пойду за вами.
И они быстро, как только могли, пошли по этой маленькой равнине к западным горам, которые вели к ущелью Салуина. Проходя мимо хижин, стоящих у
дороги, Юниа на мгновение остановился и спросил одного из жителей:
- Вы здесь видели недавно солдат?
- Нет, с того времени, как вы проходили неделю назад, здесь не было ни одного солдата, всё спокойно,- прозвучал утешительный ответ.
При наступлении сумерек они наконец достигли маленькой бухты у подножия высокой горы, где из под земли били родники с горячей и холодной водой. Они с облегчением вздохнули, видя, что здесь никого нет. Утомленные, путники опустились на землю и некоторое время отдыхали; но всё же пришлось подняться, чтобы насобирать дров, пока ещё не совсем стемнело. В этот день они прошли

тридцать миль без привала и пищи.
- Мария, оставайся здесь и отдыхай! Мы сами наберём дров и приготовим ужин! - сказали братья.
Она, поблагодарив, села у огня и стала греть озябшие руки, прислушиваясь к треску сухих веток, ломаемых друзьями. К скромным радостям жизни, известным ей, принадлежал и этот отдых после дневной работы, когда все садились вокруг костра и дружески беседовали. Однако в этот вечер Мария не чувствовала себя уютно. При каждом шорохе и при каждом треске ветки под ногами какого-либо зверя она испуганно вздрагивала, поднималась и с волнением смотрела на остальных.
Мужчины старались казаться спокойными, но вдруг Калеб сказал:
- Не думаете ли вы, что нам нужно переправиться через речку у Дахана? Я чувствовал бы себя гораздо спокойнее на нашей стороне ущелья.
Все дружно согласились с ним. Но выдержит ли Мария такой длинный путь? Ведь это не менее пятидесяти
миль, к тому же предстоял тяжёлый подъём через перевал. Мария уже крепко спала, завернувшись в свой платок, когда братья обсуждали предстоящий день. Долгожданная еда, благодатное тепло и усталость способствовали тому, что она, несмотря на тревожные мысли, погрузилась в глубокий сон. Мужчины ещё некоторое время тихо разговаривали между собой, снова и снова всматриваясь в горизонт, пока наконец и они, видя, что всё в порядке, крепко уснули.
На следующий день они действительно прошли пятьдесят миль. Каким образом Мария выдержала такую нагрузку, остаётся тайной. Но зато вечером их ноги уже ступали по песку родной для них стороны реки Салуин, и они, довольные, вскоре уснули. Оставалось пройти ещё тридцать миль, но у Марии распухли ноги, и на следующий день она не смогла идти. Братья выбрали несколько тонких стволов деревьев и сделали из них носилки. Двое из них, передав свой груз остальным, понесли Марию, и в тот же вечер они достигли своей деревни. О, каким блаженством было снова оказаться в родном доме! Пусть он совсем беден - ничто не в состоянии сравниться с ним!
Когда мама месяц спустя услышала о подробностях этого путешествия, она озабоченно спросила:
- Как Мария выдержала всё? Не заболела ли она после этого? Ведь это могло её убить!
- О нет! После нескольких дней отдыха она снова занялась своей обычной работой: носила воду, ткала ткань и чувствовала себя, как всегда!

ГЛАВА 8
Огненные камни на чужой земле ....

Лишь в декабре мама с Денни возвратилась в Оливковую деревню. Новое коммунистическое правительство приказало миссионерам оставаться там, где они находились ко времени <освобождения>. Если бы они обнаружили её в Паушане, то ей
вряд ли удалось получить разрешение отправиться в местность лису. Опасаясь этого, она, не дожидаясь мапы, поспешила как можно скорее возвратиться домой, чтобы новое правительство застало её на её обычном рабочем месте. Мапа также находился в пути с только что отпечатанной книгой. Но каким образом удастся ему переправиться через Меконг, где были разрушены все мосты, никто не знал. Кроме того, ему нужно было со-провождать в ущелье Еву Тзенг. Она сдала экзамен в больнице Тали и решила снова отправиться к лису, чтобы служить им в качестве медицинской сестры, вместо того чтобы занять хорошо оплачиваемое место, предоставляемое обычно всем дипломированным китайским сёстрам.
К своему удивлению, мама нашла Марию в постели.
- Мама,- прошептала больная,- что мне делать? Я совершенно не могу кушать. Это самая большая моя проблема!
- Единственно возможное - соблюдать полный покой. Я буду делать, что могу; как только прибудет Ева, она, вне всякого сомнения, сможет тебе помочь!
Приближался праздник Рождества, а мапа всё ещё не возвращался. О нём ничего не было известно - ни о его здоровье, ни о месте пребывания. Накануне Рождества ожидалось прибытие многих гостей из других
деревень, так как в этом году снова решили праздновать Рождество в Оливковой

деревне.
Но в один из дней ранним утром кто-то передал маме маленькое письмецо
следующего
содержания:
<Дорогая мама, на этой неделе мы придём в Оливковую деревню и освободим вас.
Не
бойся, я буду сам присутствовать при этом и командовать своими людьми. Не
пытайся бежать и не прячь свои вещи. Вам ник-то не причинит вреда, это я тебе
обещаю. Мне очень хочется провести Рождество у вас! Красный Фома>.
Вскоре после этого пришёл Гай. Лицо его выражало полнейшее равнодушие, которое
он обычно напускал на себя, когда требовалась особая осторожность. Он шепнул
маме, что хотел бы поговорить с ней наедине. Вскоре представилась возможность
для этого, и только Лузенгу было разрешено присутствовать при беседе.
- Когда я вчера остановился по делам в Ламехе,- стал рассказывать Гай,- я
увидел там Красного Фому с группой коммунистов. Он сказал, что намерен на этой
неделе прийти сюда, но я заметил, что он собирается взять с собой целую шайку
лози-лопа, языческих разбойников. Я спросил его, что он задумал, на что он
ответил, что знает о хитрости правителя и хочет быть готовым ко всему. Однако
он подчеркнул, что никто не причинит вреда маме, так как эти люди будут
находиться под его контролем. Я всё же подумал, что следует в любом случае
сообщить тебе о его планах. Ты знаешь, что Ламех расположен от Оливковой
деревни всего на расстоянии одного дня пути?
Это сообщение и связанная с ним ответственность казались Гаю и Лузенгу
настолько
значительными, что им не терпелось услышать мнение мамы. Они были уве-рены, что
мама найдёт наилучший выход, получив совет от Самого Господа. И Он даровал ей
слово, в котором она увидела ответ от Него. <И они будут Моими, говориг
Господь Саваоф, собственностью Моею в тот день, который Я соделаю, и буду
миловать их, как милует человек сына своего, служащего ему. И тогда снова
увидите различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и не
служащим Ему> (Мал. 3,17-18). После этого она сказала братьям, ожидающим
ответа:
- Бог даровал мне вернуться сюда, и я вижу из этих слов Божьих, что Он сохранит
нас. Поэтому я спрячу только некоторые лекарства и немного керосина; во всём
остальном я буду вести себя так, как советует Фома,- никаких приготовлений к
бегству, только молиться!
В тот же вечер Третий брат прибыл в деревню, так как он обещал помочь в
подготовке к празднику. Он был разочарован, не найдя здесь мапы, но с решением
мамы оставаться на месте был вполне согласен. Итак, все спокойно стали ожидать
развития событий.
В среду после обеда испуганный Лузенг вошёл в комнату мамы.
- Они уже здесь! В доме Анны находится по крайней мере пять коммунистов -
авангард, как говорят они. Однако нам приказано приготовить ужин на 180
человек!
- Что вы собираетесь делать?- спросила мама.
-Я не знаю. Староста убежал. Я подозреваю, что он сделал это из страха, так как
в прошлую осень на севере у лису похитил ружья. У меня есть для тебя ещё одно
письмо от Красного Фомы. Его только что принёс Нафанаил. Мы можем считать себя
счастливыми, если отделаемся только едой! - тихонько проговорил Лузенг, выходя
от мамы.
Это письмо было такого же содержания, как и первое. Оно было очень вежливым и
скромным. Фома ещё раз уверял маму, что ей нечего бояться.
Однако вечером снова появился Лузенг. Его лицо раскраснелось от возбуждения.
- Мама, тебе необходимо переселиться в мой дом, так как в эту ночь здесь,
возможно, будет бой!
Затем, указывая пальцем на южную тропу, он шёпотом добавил:
- Правитель приказал своим солдатам спрятаться в Ши-квей-де! (Ши-квей-де - это
горная складка на южной тропе, ведущей в деревню.) Они передали нам, что хотят
захватить этих пятерых красных, которые прибыли в деревню, чтобы позаботиться
о
еде. Они намерены убить всех, кто будет снабжать коммунистов едой.
- И что вы решили делать? - озабоченно прошептала мама.

- Еда уже готова. Мы, мужчины, спрячемся. Это единственное, что мы можем теперь сделать. Мы не должны вставать на чью-либо сторону. Марию мы перенесём в дом Авигеи. Ты с Денни перейдёшь в мой дом!
Строительство нового большого двухэтажного дома Лузенга близилось к завершению. Его стены были в фут толщиной и потому более безопасны для пуль, чем жилище мамы, плетёные бамбуковые стены которого служили плохой защитой. Марию уже раньше перенёсли в бамбуковую хижину Лузенгма, так как её собственный роскошный глиняный дом был для неё слишком сырым и холодным. Мама приветливо кивнула больной, заглянув к ней в хижину, и та в ответ устало улыбнулась.
Когда уже совсем стемнело и мама уложила Денни спать, послышалось три выстрела с
северной стороны лощины, откуда ожидалось прибытие красных. Скалы эхом отражали выстрелы, так что казалось, что выстрелов было по крайней мере не меньше двадцати. Но после этого снова наступила тишина. Ночь прошла спокойно, а утром перед дверями мамы появился улыбающийся Лузенг.
- Нигде не видно ни души, ни одних, ни других - всё тихо. Мария очень хочет домой; она говорит, что здесь внизу ей гораздо лучше.
Четверг прошёл спокойно, но на следующий день коммунисты заняли деревню, и Красный Фома с командиром и несколькими солдатами поселился в доме Лузенгпа. Марию опять пришлось перенести, на этот раз в расположенную рядом старую часовню. У этой часовни, где она венчалась с Лузенгом, были толстые глиняные стены, и ею пользовались в последнее время в качестве церковной кухни. Но так как она принадлежала Лузенгу, он, кроме того, хранил в ней зерно. Там он устроил постель для Марии. Поскольку время от времени у неё текла из носа кровь,
ей был необходим полный покой, она должна была лежать в горизонтальном положении. Со своей постели она слышала, как Лузенг говорил Красному Фоме:
- Друг, я не думаю, что здесь ты находишься в безопасности. Тебе нужно быть осторожным! На что тот возразил:
- О, я окружил весь холм своими людьми. Мы стоим на страже!
Однако уже после полудня в горах снова послышались выстрелы. Они заметно усиливались и приближались. Вскоре со склона горы послышался голос старосты:
- Всем укрыться в своих домах. Кто останется на улице, рискует жизнью!
Затем послышался треск пулемёта. Лузенгма, которая с того времени, как коммунисты поселились в её доме, готовила в старой часовне, спросила своего мужа, что это значит. Но прежде чем тот успел ответить, в дом вбежал Красный Фома. Он попросил у Лузенгма её тюрбан, а затем прошептал:
- Дай мне твою куртку, Лузенгпа!
Торопливо надев её на себя, он сунул свой солдатский китель и шапку в мешок, бросил его в угол и приказал:
- Смотрите, чтобы всё было цело! - после чего поспешил к двери и исчез.
В тот же момент с верхней тропы, которая ведёт на север, раздались резкие, следующие один за другим, выстрелы. Лузенгпа выглянул из двери и, оглядевшись по
сторонам, сообщил:
- Мы окружены. Я думаю, что это дедушка и Тзенг!
- Но мой поросёнок всё ещё на дворе. Ты думаешь...
Лузенгма не успела закончить предложение, так как дверь снова распахнулась. Это был Лузенг. Он подошёл к Марии и спросил:
- Как ты себя чувствуешь? Чем тебе помочь? Солдаты подкараулили коммунистов, и я уверен, что они их разобьют. Я помогал маме с Денни переселиться в наш дом. С порога я видел нескольких парней, которые спускались по восточному склону и постоянно отстреливались. Может быть, вы видели, куда ушёл Фома? На нём были белые штаны. Я видел кого-то, который был так же одет. Он бежал по полю и, видимо, хотел достигнуть северного перевала. Пули падали прямо около него, но мне кажется, что он смог уйти невредимым.
- Что было у него на голове? - недовольно спросила Лузенгма.
- Да я сам не понял. У него на голове был тюрбан, и одет он был в голубую куртку. А ведь Фома ходил в солдатском кителе и в шапке!
- Да-а-а,- проворчал Лузенгпа и схватил лёжащий в углу мешок. Медленно он вынул из него китель и шапку Фомы. Лузенг узнал одежду Фомы и взволнованно спросил, что это значит.

- Мы ни в коем случае не можем хранить здесь эти вещи, так как солдаты, вне всякого сомнения, обыщут наш дом. Ведь он является моим старым другом. Я не мог запретить ему войти в мой дом. Нужно закопать его одежду на склоне горы. Я не могу оставить её здесь!
Четыре часа длился бой, затем всё успокоилось. Четверо коммунистов остались лежать на склоне горы мёртвыми, трое попали в плен. Остальные скрылись. Затем пришли люди правителя и обыскали деревню. Ими руководил староста. Он не убежал, как предполагали некоторые, в Бирму, но присоединился к правителю и Тзенгу. Другие правители также присоединились к ним, но не показывались, пока не убедились, что победа осталась за Дваном.
Дверь в убежище Марии снова распахнулась, и в сопровождении солдат правителя вошёл брат Воанергеса, который был язычником. Они остановились у постели Марии.
- Вы спрятали Красного Фому, я уверен в этом! - взволнованно прокричал он.
Мужчины знали Лузенга и потому медлили. Лузенг прошёл мимо толпящихся у входа солдат.
- Моя жена больна, и я не хочу, чтобы вы её испугали. То, что вы говорите, ложь. Дайте мне возможность поднять Марию и перенести её в хижину! А ты, отец, возьми лом и оторви доску от ящика. Пусть посмотрят. Она прибита, так как ящик полон зерна.
- О, не беспокойтесь,- смущённо сказал один из солдат, обращаясь к Марии, когда та пыталась подняться с постели.
- Нет, я настаиваю на этом, чтобы вы убедились в ложности вашего обвинения! - с возмущением сказал Лузенг.
Когда Мария была перенесена в дом, ящик с зерном вскрыли. В нём, кроме невымолоченного зерна, ничего не было. Солдаты, смущённо извинившись, покинули помещение. Никто из них не обратил внимания на лежащий в углу мешок.
Когда тьма окутала ущелье, с юга прибыл посыльный, который принёс интересную новость -документ правительства, в котором местные правители уведомлялись о передаче провинции Юньнань красным.
Если бы посыльный прибыл раньше, хотя бы в полдень! Земля ещё была мокрой от крови застреленных коммунистов, а уже пришло известие, что весь Китай находится в их руках. Как группка местных правителей сможет защитить эту землю от такой страны, как Китай?
Правители, конечно, расположились в доме Лузенга. Они всегда выбирали для себя самое лучшее место. Третий брат, у которого ещё не было собственного дома, жил на втором этаже дома Лузенга, а на первом спали правители. До полуночи они обсуждали свои проблемы. Как смогут они после минувшего боя сохранить себя перед новым правительством? Ещё до рассвета они нашли выход: за всё должны ответить лози-лопа. <Те, с кем мы боролись, не были коммунистами,- решили они говорить в свою защиту.- Это были известные разбойники, и мы пришли помочь здешним жителям!>
Когда утром мама вышла к завтраку, она услышала от Третьего брата удивительную новость: дедушка тоже стал красным!
- Мне становится смешно при мысли об этом,- сказал он.- Только что они с самым серьёзным видом рассказали мне, что теперь тоже являются коммунистами и именно со вчерашнего вечера!
- Меня тревожит мысль о трёх пленных, которых они собрались казнить. Думаю, что это молодые христиане, которые прибыли сюда праздновать Рождество. Ты не забыл, что вчера был день сбора? Мне не верится, что эти трое тоже были коммунистами.
- Они встретили Красного Фому по пути сюда и взяли у него их отличительные значки. Теперь я просто не знаю, как им помочь!
- Это верно, но им и в голову не приходило, что они навлекают на себя этими значками! - с печалью в голосе сказала мама.- Ведь Фома тоже христианин. Он объяснил им, что хочет вместе с нами праздновать Рождество. Эти простые парни не понимают политических различий!
- В любом случае мы должны попытаться что-то сделать для них, особенно для юного
Бо-то, которому всего только пятнадцать лет! - сказал Третий брат.
После этого они вместе помолились, и Бог послал в их сердца покой. Третий брат отправился к правителю Двану, а мама - к другому правителю. Содержание их просьбы было одним и тем же. Они спокойно объяснили, что группа, которая прибыла

в деревню, действительно состояла из коммунистов, так как они лично спрашивали Красного Фому об этом, и если теперь местные правители признают новое правительство, то разумнее обойтись с пленными мягко. Затем они подробно обсудили вопрос, как следует вести себя правителям в новых обстоятельствах. Они приняли решение просить мира. Третий брат должен взять на себя роль поручителя в
этом соглашении. Он с радостью согласился на это, и каждый скрепил печатью составленный ими документ. Затем был обсужден вопрос, который волновал миссионеров: кто доставит по назначению просьбу о мире? Из людей правителя никто
не хотел отправиться в горы к разгневанным коммунистам.

- А почему бы не послать молодого Бото? - предложили миссионеры.

Это предложение было встречено радостным восклицанием, и вскоре Бото отправился в путь. Через несколько томительных часов правители покинули деревню, и в ней снова установилось привычное спокойствие. Это произошло 25 декабря, в день Рождества.

Однако мир длился недолго. Уже на следующий день мама получила письмо, которое, хотя и было адресовано
ей, касалось всей деревни и было подписано Красным Фомой. Это было очень гневное письмо, в котором жители Оливковой деревни обвинялись в предательстве. Он, Красный Фома, знает имена всех, кто вёл двойную игру. Они могут не сомневаться, что он отомстит. Вместе с этим письмом было также устно передано, что разбойникам будет позволено напасть на Оливковую деревню и по своему усмотрению убивать и грабить. На этот раз деревне угрожала реальная опасность. Правители со своими людьми покинули деревню, а каждый житель знал о дикости и жестокости разбойников лози-лопа.

Разбойничье нападение в это время года обещало богатую добычу, так как жители деревни собрали хороший урожай риса и льна. На этот раз самым лучшим казалось на время уйти отсюда. Мама весь день размышляла о словах, прочитанных ею утром в
Библии, которые произвели на неё сильное впечатление. Эти слова говорили, что ей нужно остаться.

- Я не могу этого объяснить, но верю, что Бог хочет оставить меня здесь, говорила
она.

- А я просто не могу уйти отсюда,- сказал Лузенг.- Состояние Марии не позволяет этого. Нам приходится оставаться, что бы ни случилось. В пятницу у Марии было два кровотечения, после чего она потеряла сознание.

Третий брат тоже решил остаться. Итак, они всё предали Богу, чтобы Он всё устроил, что Господь и сделал. Выяснилось, что человек в белых штанах, который невредимым ушёл от выстрелов, был местный пастух коров, а вовсе не Красный Фома.

Последний спрятался в стоге сена на пути к роднику, которое принадлежало Лузенгу. Там он скрывался всю ночь и слышал всё, о чём говорили между собой жители деревни, приходя за водой. Он слышал, что это староста позвал правителя Двана и кто помогал ему, выдавая места, где прятались
красные. Не зря он писал в письме, что всё слышал собственными ушами. Однако прежде чем лози-лопа успели напасть на деревню, прибыл Бото и передал руководителям коммунистов предложение о мире, что положение в корне изменилось. Но поскольку в селе не было ни телеграфа, ни телефона, а почтовое общение было непостоянным, у Фомы не было возможности сообщить маме о принятии условий мира, её не известили о том, что к её дому приближается группа коммунистов с предложением перемирия.

В это же время принесли ещё одно известие. Правители снова изменили свои взгляды. Им стало известно, что перемирие возможно только в том случае, если они сдадут оружие, чего они, как сказал Дван, сделать не могут. Посыльный добавил, что в мирной делегации, которая приближается к хижине мамы, находится одна женщина-коммунистка и что они уже совсем близко.

Когда коммунисты переступили порог хижины мамы, уже темнело. Она сразу же стала искать глазами женщину в солдатской одежде и облегчённо вздохнула, увидев среди мужчин стройную китайскую студентку в обычной голубой хлопчатобумажной одеж-де, в широкой шляпе и башмаках. Хижина сразу же наполнилась людьми,

язычниками и христианами, и мама встала около стены.

- Откройте дверь и привяжите её! - приказал офицер.

Один из мужчин послушно привязал дверь. Маленькая группа парламентёров состояла из предводителя, молодого офицера, Красного Фомы и девушки. Мама приготовила им чай. Трое мужчин неприветливо, но всё же приняли его, а девушка решительно отодвинула чашку. Так как она последней вошла в хижину, то села на стул у дверей. Это было место, где обычно мама сидела за завтраком.

- Она простудится, потому что сидит как раз на сквозняке, - сказала мама.

Но никто не обратил на её слова никакого внимания. Между тем слово взял Кох-ханг.

- Мадам, кто из моих людей грабил тебя?

- Никто,- спокойно ответила мама.

- Почему же ты решила их убить?

- Не мы решили их убить; это правитель , который думал, что имеет дело с разбойниками.

Больше мама ничего не хотела говорить. которые были ответственны за это дело, стояли вплотную к ней. .,

- Эти правители берут на себя слишком много, - закричал Кох-ханг. - Как они угнетали этих бедных людей! Они запрещали им покупать соль, когда была возможность, и заставляли женщин тащить тяжёлый груз в гору, чтобы самим обогатиться, подняв цену на соль! - ругался он.

Мама не верила своим ушам. Откуда он мог знать про всё это? Всё было действительно так. Но когда Ко ханг продолжал вспоминать и другие происшествия, случившиеся за последние шесть месяцев, стоявший около неё старый язычник забеспокоился. Наконец решился вмешаться в разговор. Он старался оправдаться льстивыми словами, которые звучали фальшиво. Незнакомая девушка до сих пор вела себя спокойно, а когда язычник своей льстивой речью начал пытаться отвратить от себя суд, она выпрямилась и с гневом посмотрела на него. Она не кричала, её речь звучала мягко, свидетельствуя о хорошем образовании. Однако, она своими словами сорвала покрывало, которым язычник пытался прикрыть свои поступки, и показала их такими, какими они были в действительности. После этого, бросив уничтожающий взгляд на язычника, она приняла прежнюю позу.

< А ты, оказывается, можешь говорить, когда захочешь! - подумала мама.- Ты сделала это блестяще и вела себя при этом, как настоящая дама. Интересно, кто ты? Как ты попала в это общество и в это дикое ущелье?> В то время, как она продолжала изучать незнакомку, ей вдруг пришла на память Жанна Д'Арк. <Ты такая же маленькая патриотка, как и та девушка из далёкого прошлого. Это всё объясняет. Я надеюсь, что ты не простудишься, сидя на сквозняке. Я принесу тебе тёплое пальто. Нет, лучше не надо: она может неверно понять меня и подумать, что я хочу вкрасться в доверие. Лучше не давать повода считать меня подобной этому старому льстецу; лучше всего не вмешиваться!> И она снова стала прислушиваться к словам Кох-ханга, который разговаривал с сидящим справа от него незнакомцем о политике. Девушка вдруг начала раз за разом чихать.

<Да, да, сегодня вечером ты по-настоящему простудишься! - продолжала мама разговор с собой.- Будет нехорошо, если такая серьёзная, маленькая девушка заболеет здесь. Она заблуждается, но в ней есть хорошее зерно. Может быть, всё-таки осмелиться? Да, я сделаю это!> И, не теряя времени, она вышла в свою спальню, сразу же возвратясь с тёплым пальто в руках.

- Я боюсь, что ты замёрзла,- дружеским тоном сказала она и предложила ей пальто.

Девушка протестующе подняла руки.

Кохханг казался смущённым.

- О, всё в порядке, мадам. Она закалённая. Она путешествует вместе с нами и, если нужно, спит на холоде. Мы сегодня пришли из Мапу-паде. Она действительно может выдержать многое!

- Нет, сэр,- ответила мама, положив в сторону пальто.- Я знаю, что там у

открытой двери сильный сквозняк. Она поднималась в горы и вспотела. Я боялась, что она может простудиться, вот и всё. Вам это не угрожает, так как вы сидите не на сквозняке!
После этого мама снова села на своё прежнее место. Она заметила, что девушка, видимо, правильно поняла её, так как, покраснев, повернулась в её сторону, как бы желая извиниться. Но пальто она всё же ещё не брала. <Она не понимает меня, но видит в моём поступке американское снисхождение к её бедности. Однако она мне нравится. Я бы хотела, чтобы представилась возможность поговорить с ней наедине!>
Между тем большинство лису покинуло хижину. Красного Фому предупредили о правителях, которые снова могли изменить своё мнение, после чего он торопливо указал своим товарищам на помещение, где они будут вынуждены провести ночь.
Лузенг без ведома мамы провёл тайное совещание с дьяконами общины.
- Мы не коммунисты,- сказал он,- но должны сделать всё, чтобы мирный договор не нарушило никакое предательство. Я не вижу другого выхода, как только чтобы мы, мужчины, всю ночь следили за всеми тропами, которые ведут в нашу деревню, чтобы предотвратить внезапное нападение. Нужно по пять человек на каждую тропу, я тоже буду участвовать в этом. Как только начнётся день, мирная делегация должна будет заботиться о себе сама - мы свой долг выполнили!
Так и сделали. Возвращаясь домой, Лузенг проходил мимо собственного дома, в котором жили коммунисты; они всё ещё сидели вокруг огня. Он услышал, как один из них боязливо сказал:
- А вы уверены, что правитель Дван не прячется в каком-нибудь доме?
На что Красный Фома ответил решительно:
- Уверен! - Он слышал о плане руководителей общины и знал, что стоять на страже в горах в декабре месяце отнюдь не просто.
Утро нового дня было ясным и солнечным. Ночь прошла спокойно. Мама слышала, как молодой предводитель коммунистов сказал:
- В этой деревне не такие уж плохие люди. Мне даже кажется, что эти люди принадлежат к редкому сорту!
Она улыбнулась и подумала: <Видимо, они слышали, что наши люди всю ночь охраняли их!>
Во второй половине дня обследовали верхнюю тропу. После того как выяснилось, что никакой опасности нет, Красный Фома созвал своих людей и стал готовиться в путь. Мама вышла из своего дома. Заметив, что коммунистка стоит в стороне, задумчиво глядя вдаль, она подошла к ней.
- Сколько тебе лет, Янглаоси?
- Двадцать один,- приветливо ответила та.
- У меня в Америке дочь, которая, как и ты, студентка, и ты напоминаешь мне её!
- Студентка?! Мы, коммунисты, и вы являемся братьями. Я считаю, что вы делаете чудесное дело: вы владеете языком лису и даже умеете писать на этом языке. Вообще меня поражает ваш образ жизни. Я только что прибыла из девятнадцатого округа (там в основном проживают язычники) в вашу христианскую область, и мне сразу бросилось в глаза различие между язычниками и христианами. Все язычники наркоманы, лжецы и воры. На них нельзя положиться. Христиане же совсем другие, они похожи на нас. Поэтому я и говорю, что мы братья!
- Знаешь что, моя дорогая,- задумчиво ответила мама,- конечно, есть что-то похожее. Но, как я понимаю, вы, коммунисты, хотите изменить поведение людей. Вы стремитесь к равенству, чтобы все имели равные права и возможности. Христос тоже хочет этого, но Он изменяет сердца людей. Стремясь только к изменению поведения, вы не решаете проблемы. Но если бы вам удалось изменить сердца людей, тогда их поведение изменилось бы само собой. Все наши христиане были раньше язычниками!
Девушка задумчиво смотрела вдаль. Затем лицо её просветлело.
- О да, мы тоже хотим изменять сердца людей! - воскликнула она.
В этот момент её позвали товарищи. Мама сунула ей несколько трактатов, которые она сразу же стала читать, спускаясь по тропе.
Мама ещё долго стояла на месте, смотря ей вслед. <Ты хорошая, и я очень сочувствую тебе,- говорила она про себя.- Ты, очевидно, идеалистка - этим всё

объясняется. Я думаю, что только идеалисты способны что-то делать для освобождения этого ущелья. Ты обязательно разочаруешься, считая, что можешь изменять сердца людей. Посредством обучения вы, возможно, и измените мышление людей; но только это, милая девушка, не изменит сердца! В Библии написано: <...более стастолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся>. Подожди немного, и, как только твоё счастье окажется в руках этих людей, все твои идеалы рухнут и ты узнаешь, что там, где меняется одно лишь мышление, грех и испорченность остаются, и на таких людей полагаться нельзя. Не только изменение образа мышления превратило курильщиков опиума, воров и лжецов в христиан, которые вчера всю ночь охраняли тебя. Бедный ребёнок! Ты протрезвеешь, но это будет горький опыт. У тебя не останется никакой надежды, кроме... кроме воспоминания о встрече с христианами лису, чьи сердца и чьё поведение ты могла наблюдать. Перемена их жизни прочна благодаря одной Личности - Личности Иисуса Христа. Ты видела любовь, явленную не только на словах. Ты не знаешь, что только Христос может сделать людей братьями.

Только Он заботится о нас, видя наше погибшее состояние. Ты видишь в коммунизме олицетворение христианских принципов и поскольку веришь в него, ты пришла в это ущелье точно так же, как и я. Я бы хотела находиться ещё здесь, когда ты, протрезвев, вернешься сюда, и я охотно помогу тебе найти Христа! Всё же ты показала мне хороший пример. Ты добровольно отказалась от своих преимуществ, чтобы встать на одну ступень с людьми племени лису. Ты ходишь по их тропам (вчера ты прошла 30 миль!), спишь на жестких досках, безропотно ешь их скудную пищу и не стремишься к чему-то лучшему. Меня же в последнее время начинают раздражать эти суровые условия жизни:

эта старая лестница, этот дым и сквозняк в хижине и многое другое. Но теперь мне понятно, что всё это должно быть; и Господь в Своей благости допустил это, чтобы мне не краснеть в твоём присутствии. Ты закалённая, как сказал- Кохханг. Я хотела бы, чтобы Западный мир последовал твоему примеру, в противном случае он окажется побеждённым тобой. Нужны огненные камни, чтобы преодолеть коммунизм>.

Одна из мужественных миссионерок, которая предпочла остаться в китайской общине, когда другие возвратились домой, писала: <Мы должны любить людей, служить им, жертвовать чем-то ради них - людей, которые утверждают, что знают, как устранить трудности жизни!>

ГЛАВА 9

Из Божьего кармана в Его венец ....

Мама была серьёзно озабочена состоянием Марии. Та уже целый месяц не могла ничего кушать, и полип рос так быстро, что мама ничего подобного не слышала и не видела. О, если бы только здесь были мапа или Ева!

Но однажды они показались на извилистой тропе, ведущей в Оливковую деревню. Какая это была радостная встреча после всех переживаний! Мама ещё до наступления сумерек проводила Еву в хижину Лузенгма, где теперь находилась Мария.

- Ты узнаешь сестру Еву, которая обучала вас, девушек, на библейских курсах вязанию? - тихо спросила мама.

Мария устало улыбнулась и протянула свою исхудавшую руку. Снова во всех сердцах затеплилась надежда, когда Ева с помощью фонарика стала осматривать горло Марии.

- Нет, никогда я не видела ничего подобного,- сказала она.- Во время моей трёхлетней работы в больнице Тали у нас не было подобных случаев. Но я всё же испробую все свои медикаменты и сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь ей!

С этого времени было предпринято всё, что могли сделать любовь и врачебное

искусство, чтобы облегчить страдания Марии. Вскоре она почувствовала себя
настолько лучше, что снова могла сидеть на солнышке перед хижиной.
Однажды ночью, перед самым рассветом, Лузенгпа позвал маму и Еву. У Марии
начались родовые схватки. Ева, как могла, помогала ослабевшей матери, однако
дочка Марии родилась мёртвой. Теперь,
возможно, Мария быстро пойдёт на поправку! Но полип настолько глубоко проник в
горло, что ей уже трудно было говорить. Однажды Мария знаком позвала Еву к себе
и тихим голосом попросила её попытаться сделать операцию с помощью Самуила. Она
верила, что, если только полип будет удалён, её силы быстро восстановятся. Мапа
принёс с собой необходимые инструменты, и, чтобы утешить Марию, мама послала
двух молодых людей в Паушан, чтобы принести оттуда средства для наркоза и
необходимые советы врача. Пока политическое положение было неустойчивым, никто
из врачей-иностранцев не мог решиться отправиться в ущелье. Мама хорошо
понимала, что операция слишком тяжёлая, чтобы проделать её без врача, силами
двух медработников, но не могла отказать больной в её просьбе.
Удивительными были терпение и выдержка Марии. Рядом с ней постоянно лежали
Новый Завет и сборник песен, который она получила в награду от библейского
клуба, и, несмотря на страдания, от неё исходила атмосфера мира и покоя. Только
однажды мама увидела её в гневе и слезах. Это случилось, когда Марфа и
некоторые из её родственников-язычников стали громко плакать, как это обычно
делают язычники в подобных ситуациях. Её глаза гневно заблестели, и
повелительный жест руки говорил красноречивее всяких слов. Она решительно
запретила им делать это.
Однажды, чувствуя себя особенно слабой, она знаком подозвала маму и, когда та
склонилась над ней, показала рукой сначала на себя, потом на небо. Затем она
сложила руки для молитвы и, на мгновение закрыв глаза, снова открыла их и
выразительно посмотрела на маму, желая знать, поняла ли та её. Мама кивнула и
помолилась о ней, чтобы Бог скорее взял её к себе, если нет Его воли на то,
чтобы она выздоровела.
После молитвы Мария с любовью улыбнулась ей, и на её лице снова воцарилось
выражение глубокого мира.
Двое юношей уже приближались к деревне, когда в ночь на 28 января, примерно в
два часа, Тимофей, подойдя к окну хижины мамы, закричал:
- Мария скончалась!
- Благодарение Богу,- прошептала мама, хотя её сердце словно пронзил острый
нож,
как это бывает всегда, когда дорогой нам человек уходит от нас.
- Сильно она страдала?
- Нет,- ответил он.- Мы все спали; потом Лузенгпа проснулся и сразу же обратил
внимание на то, что не слышно тяжёлого дыхания Марии, к которому мы уже
привыкли. В комнате была полная тишина. Он принёс несколько веток, зажёг их и
увидел, что она умерла. Не хочешь ли пойти со мной туда и вместе с нами спеть
похоронную песнь?
Когда христианин из племени лису умирает, остальные верующие не выражают громко
свою скорбь, как это делают язычники, но собираются и поют <похоронную песнь>:
<Спи, мой возлюбленный!..> В это раннее утро пение хора было особенно
трогательным;
то у одного, то у другого сжимало горло, и слёзы мешали петь. Прощание никогда
не бывает лёгким.
Ей исполнилось всего лишь двадцать пять лет! Почему Бог допустил это? До сих
пор
Он не ответил на этот вопрос. Но если Обладатель драгоценных камней решил
переложить этот маленький огненный камень из Своего кармана в Свой венец, кто
сможет сказать Ему <нет>? Прикосновение к бриллиантам, находящимся в кармане,
дорого для Него, но когда они сверкают в Его венце, о них могут радоваться
мириады существ, которые иначе ничего не знали бы о их существовании. А какая
радость для Марии! Она уснула в своей хижине и вот видит Царя во всей Его
славе! Его блеск наполнил бедную хижину, и сразу же исчезла её серость, а все
предметы, погружённые в темноту ночи, словно осветились нежным лунным светом.
<Идём,- сказал Тот, Кого она всем сердцем полюбила.- Войди в радость Господина
твоего!>
И светлое воинство, стоящее за Ним, приветливо улыбаясь, приблизилось, чтобы

сопровождать её. Среди них находится взрослая дочь Воанергеса, его сын, первая жена Азора. Да, они не забыли своих земляков; они просто присоединились к другой половине семьи Христовой. Возможно, она ещё раз обернулась, чтобы бросить последний взгляд на лежащее в постели истощенное тело. О, какая радость освободиться от него и вдохнуть освежающий аромат небесного воздуха!

<Да, славный Победитель, и вы, дорогие небесные друзья! Я готова. Пойдёмте!>

Из кармана - в венец. Может ли кто спорить с Ним?

Звуки христианской похоронной песни, несущиеся сквозь холодные утренние сумерки по деревне, говорили каждому о том, что случилось. Плача, спешила вверх по тропинке Марфа. У постели Марии она опять разразилась громким плачем с причитаниями, не думая о том, что Марии эти причитания были бы неприятны.

- Моя маленькая сестрёнка, никогда больше я не увижу тебя! - плакала она, по языческому обычаю покачиваясь верхней частью своего тела, пока мама, подойдя, коснулась её плеча, напомнив тем самым, что нужно давать отчёт в своих действиях и вести себя по-христиански. Однако в ответ та лишь удивлённо поглядела на неё. Душа Марфы была погружена в воспоминания о днях детства; она причитала и сокрушалась о той, которая была ей так близка.

Никогда за все шестнадцать лет, которые мама провела в ущелье, не приходилось ей быть свидетельницей такой скорби, какую она увидела у смертного ложа Марии. Три дня напролёт, с раннего утра до поздней ночи, кто-нибудь громким плачем выражал свою скорбь об умершей. Не раз Лузенг пытался остановить этот поток плача, но так как гроб ещё не был готов, он вынужден был смириться с этим. Язычники громко выражали своё горе.

Мама время от времени ходила в хижину Лузенга, чтобы узнать, не нужна ли её помощь. Однажды она вошла вслед за Лидией в комнату, где стоял гроб Марии. В это время там никого не было. Лидия была погружена в свои мысли и не заметила маму. Та остановилась в дверях, наблюдая за ней. Тихонько Лидия подошла ко гробу и подняла покрывало с умиротворенного юного лица покойной. Она пристально смотрела на неё; вдруг горячие слёзы стали падать прямо в гроб. Долго стояла она там и беззвучно плакала. Мама тихонько вышла, в душе вознося благодарность Богу. <Вмешательство не всегда полезно,- подумала она.- У Великого Друга души есть Свои пути, которыми Он пробуждает нас!>

Когда наконец всё было готово и около гроба встали те, кто должен был нести его - это были крепкие юноши деревни, как язычники, так и христиане,- вдруг самый сильный и крепкий из них начал плакать, как пятилетний ребёнок. Лузенг незадолго до этого с красными от слёз глазами отнёс мапе изготовленный им крест с просьбой выжечь на нём слова:

<Она с радостью совершила поприще своё>. Вскоре он вернулся.

В конце небольшого служения у открытого гроба Лузенг, который никак не мог удержаться от слёз, взял себя в руки и вышел вперёд.

- Мне очень хочется немного объяснить значение написанных на кресте слов. Некоторые из вас являются язычниками и не знают силы Божьей. Однако все вы знаете, что Мария никогда не колебалась в своей вере. Вы знаете, как сильно она страдала, но никогда вы не слышали, чтобы она жаловалась. Только Бог может дать нам силы закончить когда-то свой путь так, как это сделала Мария!

Затем было сказано несколько слов в адрес язычников. Не прошло и недели, как двое из слушателей обратились к Господу. Огонь божественного опала продолжал зажигать холодные, мёртвые сердца.

- Мария, твоя жена, была просто чудесной! Мама, которая также не спала, откинула одеяло, чтобы лучше слышать. Калеб не обратил на это внимания; он полностью погрузился в свои мысли, и уютная обстановка темноты и молчания способствовала этому.

- Я не могу даже выразить, как мне не хватает её. Когда умерла моя мать, я не так болезненно воспринял эту утрату. Обычно смерть старых людей воспринимается как нечто естественное. Каждый знает, что рано или поздно это придёт. Но когда умирает молодой друг, дело обстоит иначе. Когда я пасу коров на том холме и

подхожу к её могиле, моё сердце каждый раз пронзает острая боль. Она всегда поощряла меня к доброму. Она была такой верной, всегда находилась на своём месте в церкви, независимо от того, шёл ли дождь или светило солнце, и там она тоже помогала мне. Один её взгляд призывал каждого подростка к порядку. Она сама этого не сознавала, но часто, когда разговор становился хвастливым или неуместным, выражение её лица сразу же ставило меня на место. Она всегда заботилась о нас. Наше горе было её горем. И всегда она была такой чистой - она сама не знала, какой помощью она была для меня. Ей я обязан тем, что до сих пор остался честным. Ещё и сегодня я чувствую, как мне недостаёт её. Я не могу не думать об этом!

Калеб говорил ещё долго. Он рассказывал о различных событиях из жизни деревни, о которых мама никогда не слышала, причём говорил быстро, так что мама часто не улавливала связи. Однако снова и снова он возвращался к одному и тому же. Со смертью Марии ему стало ясно, что от него навсегда ушло то, что служило подкреплением и благословением. Темнота скрывала лицо Лузенга> но как-то во время небольшой паузы он приглушённым голосом сказал:

- Да, у неё была чудесная сила, чтобы вынести всё до конца!

Этот маленький огненный камень был подобен метеору. Когда он возносился к Богу, то оставил после себя полосу света, которой мог восхищаться каждый. Раньше деревня не замечала, какой духовной опорой была эта тихая женщина, а теперь все почувствовали, как недостаёт им этой опоры.

Сегодня Богу нужно много таких огненных камней. Повсюду Он ищет материал, из которого мог бы создавать эти камни. И Ему вовсе не нужен какой-то редкий минерал: Он использует пыль пустыни, песок, гравий - всё, что мы видим на каждом шагу! Чтобы этот процесс был успешным, необходима полная отдача Ему. Нужна жертва, чтобы ниспал огонь. Остальное является делом великого Шлифовщика камней.

Камень останется простым камнем, если его сердцевина не сломлена,- только тогда он начнёт светиться. Христианину нужно полностью довериться Богу, чтобы Он мог делать с ним всё, что хочет. Иногда Богу приходится расколоть его, чтобы приступить к дальнейшей обработке.

Когда воздух заполнит трещины бриллианта, он перестаёт быть простым камнем. Он становится сокровищем, дорогим опалом, огненным камнем.